

Тяся
Ветрова

Мои любимыи
Грассо

Что бы ни происходило в моей жизни, я это заслужила. Так я считала, принимая удар за ударом. Но никогда и предположить не могла, что моя судьба изменится настолько кардинально, что я найду свою любовь в прошлом.

В тексте есть: Попаданка в прошлое. Эротика. Откровенные сцены. Непростая судьба героев, которые найдут друг друга через века.

- [Мой любимый граф](#)
-
-

Мой любимый граф

Ася Ветрова

Пролог

Сны

Знала, что это сон. Я уже свыклась с мыслью, что меня никогда не отпустит прошлое. Просыпаться в слезах и с криком каждое утро на рассвете – это мой крест.

Я никогда не забуду тот день, даже если о нём перестанет напоминать подсознание.

Помню всё до мелочей: время, что замедляется на рассвете, жар хрупкого тела под руками, заполошно бьющееся сердце под тонкими рёбрами, свои слёзы, которые не успевали скатиться по холодным щекам, сразу подсыхая под встречным ветром и холодя кожу, вкус крови, что сочилась из разбитой губы, которую я слизывала или стирала о рубашку сестры на плече, боясь отпустить руки.

Мы неслись на огромной скорости. Помню дрожь мотоцикла под попой и судорогой сведённые мышцы ног. Ужас, что наполнил всё существо. Чуть расслаблюсь – и вылечу из седла, а сестра умчится на железном коне в туман по влажной ленте блестящего в мёртвых лучах луны шоссе.

Момент, когда мотоцикл вильнул и его выбросило на встречную полосу, помню, как в замедленной съёмке. Вот меня дёрнуло, как будто гигантская неумолимая рука оторвала меня от сестры. Мотоцикл потерял управление. Я видела это на лету. Как будто застряла в вязкой массе. Он брыкался, как дикий мустанг под наездником, что впервые оседлал его. Натужно захрипел, как великан, которому сдавили горло.

Визг шин чуть не разорвал барабанные перепонки, а может и да, потому что слух пропал. Когда со всей силы меня впечатало в ближайший щит с рекламой и я ударилась спиной в опасной близости головой от бордюра.

Позже мне сказали, что это меня и спасло. Полотно смягчило удар. Я ушибла спину. Рот был широко открыт, как и глаза. Знаю, что кричала. Но не слышала себя. Перевернувшись онемевшим телом, поползла к единственному родному человеку, боясь моргнуть, чтобы не потерять из виду.

Сестра лежала небольшой бесформенной куклой прямо по середине дороги, а мотоцикл, несколько раз кувыркнувшись, исчез в придорожных зарослях. Фары машины, что неслась по дороге на встречной, показали мне глазами огромного чудовища. Сердце сделало кульбит и остановилось, когда решила, что она переедет неподвижно лежащее тело.

Зрение тоже покинуло меня в тот момент, когда я поняла, что машина остановилась. Шум, нарастающий в ушах, отсутствие зрения погружали разум в беспросветную тьму. Холодную, безжалостную, ужасающую.

Взорвавшаяся боль, которая как будто ждала разрешения и, наконец-то, получила его, сожрала последние остатки сознания и толкнула в бездонный колодец. На этом месте я всегда просыпалась с чувством липких пальцев на безумно трепыхающемся сердце.

Сестру хоронили без меня. Я побывала в благословенной коме ещё неделю после её похорон. Я бы не выдержала всей этой суеты с заполнением документов, опознанием, организацией погребения.

Всё устроил Вадим. Я ненавидела этого человека. Ненавидела всеми фибрами своей души, хотя он и не был виноват по большому счёту. Сестра умудрилась влюбиться в него, а ему нужна была я.

Но это не помешало ему переспать с ней и заделать ребёнка.

Вадим был одним из тех молодых людей, что самостоятельны во всём и не привязаны ни к чему и ни к кому.

Деньги у него были. Богатенький сукин сын. Поэтому мог себе позволить путешествовать, не останавливаясь на одном месте надолго. Одним из хобби были гонки на мотоциклах. Ставки тоже приносили прибыль. В нашем городе он задержался надолго. Дольше обычного. Из-за меня. Стоило ли ненавидеть и себя?

Но в чём я виновата? Мне не нравился этот парень. Мы познакомились случайно. Я, как всегда, пришла за сестрой на очередную вечеринку, чтобы забрать ее. В отличие от меня, Таша любила выпить, потусить. Спасибо ее дружку Серёжке. Он ускакал за границу с родителями, а сестра погрузилась в пучину пороков.

Я для неё авторитетом не была. Она и любила, и ненавидела меня. Всё же я её сестра. Старшая. Присматривала за ней, став в двадцать опекуном пятнадцатилетнему подростку после смерти мамы. Отец умер очень давно, в аварии. Маму унёс рак.

Больше родственников у нас не было. Я работала упаковщицей на фабрике по ночам, а днём училась в колледже на филолога. Ещё и пенсию получали на сестру, как на сироту. Скучно, но на жизнь хватало. Только Наташа так не думала. Я упустила момент, когда потеряла с ней контакт. Её ненависть тоже стала сюрпризом. В день её совершеннолетия она высказала мне всё и ушла кутить.

Зависть. Кому завидовать? Мне? Я уставала так, что не могла смотреть на людей. Едва сил хватало, чтобы не отстать по учёбе. А уж следить за сестрой – тем более. Она обвинила меня во всех своих проблемах, коих не существовало. Пропав на несколько дней, объявилась дома. Я ей ничего не сказала. Знала, что бесполезно.

Появление Вадима убило последнюю связь между нами. Не имело значения, что я не встречалась с парнем. В тот вечер Таша пришла вся в слезах. Кинулась на меня фурией. Расцарапала руки, которыми я прикрывала лицо. Я бы все равно не смогла её оттолкнуть или ударить.

– Почему ты не уродка? Чем я хуже тебя? Ненавижу!

Она выбежала на улицу, я следом. То, что она уселась на мотоцикл, меня поразило.

«Она угнала его у Вадима, – догадалась я. – И, кажется, приехала на нём»

Не раздумывая, села позади, обхватывая её за талию.

– Поедем, если что, вместе, – заявила я.

– Так и быть. Вместе, так вместе!

Повернулась в постели и с нежностью смотрела на тёплый любимый затылок с жестковатыми темными волосами. Уверена, что когда-нибудь перестану мучиться кошмарами. И буду счастлива. С моим графом...

Глава 1. Прощание

Маша

После комы провалялась в больнице ещё недели три. Повезло, что переломы были закрытыми. Травма головы, несколько сломанных рёбер, вывих плеча. О ссадинах и синяках и говорить нечего. Но я хотя бы выжила. А Таше не повезло. Одно утешение, если можно это

так считать, умерла она сразу.

Когда мне сказали об этом, ничего не почувствовала. Смерть сестры приняла ещё тогда, на дороге. Вину ли я себя? Нет. Было больно. Но самокопаний себе не устраивала. И не злилась. Смысл? Ненависть к себе не считала оправданной.

С потерей родителей в Наташе что-то сломалось. Она была любимицей и ей многое позволялось, но тогда мне до этого не было дела. Гипертрофированные опека и любовь родителей к младшенькой Ташеньке воспринимались со снисходительностью молодости и беспечности. Я всегда была самостоятельной. Домашних дел не чуралась, даже готовить научилась довольно рано. Мы с Ташей часто оставались дома одни. Вот и пришлось повзрослеть рано.

Вспышки воспоминаний посещали меня часто и уходили с головной болью. Я так долго, как в больнице, никогда не спала. Лекарства стали спасением. Они словно закутали меня в кокон и служили защитой от мрачных мыслей и страшного зверя – одиночества.

«Может, это и хорошо, что я осталась одна?» – всё чаще приходило мне в голову. Я так, оказывается, устала, что поняла это только сейчас, когда остановилась, хоть и вынужденно, и при таких трагических обстоятельствах. Скорбь, наверное, придёт позже. Ведь я любила сестру, несмотря ни на что.

За всё время, что находилась в больнице, ко мне навевались всего два человека. Соседка и Вадим. Раза два, когда я лежала в коме. И один раз он нашёл меня в больничном парке. Была ранняя весна. Воздух был прохладен, но чист и свеж, а яркое солнце ласкало тёплыми лучами. Я сидела на скамейке и кормила крошками воробьёв. Было забавно наблюдать за взъерошенными птичками. Я даже не повернулась, когда парень со мной поздоровался.

– Ты даже не посмотришь на меня? Маш, посмотри на меня.

– Спасибо, Вадим, что позаботился о Наташе. Я очень благодарна тебе. Расходы постараюсь оплатить, как только выпишут, – меня саму чуть не передёрнуло от своего холодного, безэмоционального голоса.

– Зачем ты так? Ты мне очень нравишься, Маш. Поедешь со мной?

– Ты уезжаешь?

– Мы уезжаем, – ухватился за слабый интерес парень. – Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

– В качестве кого, Вадим?

– Я... мне...

– Прости. Ты мне не нравишься, в том самом смысле. Ты отличный парень. Я, правда, желаю тебе всего хорошего. Так что насчёт расходов?

– Зачем ты так? Я не давал повода Наташе... Чёрт, я вообще не давал ей надежды на взаимность, – разволновался он.

– Я и не виню тебя. Наташа тут не при чём. Да, кстати, мотоцикл. Ведь она его угнала и угробила машину. Я тебе больше должна.

– Ничего ты мне не должна. Прекрати. Тебе нельзя здесь оставаться. Поехали со мной, и я тебя защищу.

– От кого? У меня нет врагов, – я впервые взглянула на него.

Красивый парень. Но у меня ничего не ёкало в груди, когда смотрела на него. Полное безразличие. Даже ненависть испарилась.

– У Наташи есть. И они тебя не оставят в покое.

– Не поняла?

– Она вляпалась в нехорошую историю. Компашка, в которой она тусовалась, решила списать на неё долг. Она ведь умерла и ответить за себя не сможет. А ты сможешь. И от тебя не отстанут.

– Да, уж. Если проблемы, то по полной. Горе одно не приходит, – вяло ответила я. Сбросила последние крошки и поднялась, чтобы уйти.

– Маш, ты мне нравишься. Правда. Поехали со мной? – его голос звучал искренне. Но зачем мне это? Я была уверена, что пожалею сразу же, как соглашусь. Не моё это.

– Береги себя, Вадим. Деньги пришлю переводом.

– Не пожалеешь? – с обидой выкрикнул он. Никто не отказывал до сих пор?

– Нет.

Соседка пришла на второй день. Она нервничала. Но старалась выглядеть спокойной.

– Я несколько раз видела подозрительных ребят, что крутятся возле вашей двери. Про гибель Наташи они знают, но про тебя я ничего не сказала, – начала она сразу, как удостоверилась, что со мной всё в порядке.

– Да? И что им было нужно?

– Не сказали. И так видно, что ничего хорошего ждать не приходится. Может, продашь квартиру? Ты же знаешь, что дочке моей нужна квартира? Скоро у меня родится внук, и одной комнаты в коммуналке мало для семьи. Я бы купила. И деньгами не обижу.

Так я и продала трёхкомнатную квартиру, не выходя из больницы. Соседка не обманула. Часть денег отправила Вадиму, часть положила мне на счёт соседка. С документами тоже бегала она. Комната в коммуналке, что принадлежала молодой семье, теперь была моей.

В день выписки чуть не нарвалась на преследователей. Вычислили, где нахожусь. Мне повезло, что узнала одного из компашки Таши. Мне удалось уйти незаметно.

Первое, что сделала – это посетила свой новый дом. Комната мне понравилась. Светлая, большая. Кровать, стол, шкаф, полки для книг. Все мои вещи из старой квартиры лежали большой горкой посреди комнаты. Приняла душ, хорошенько поела и решила посетить родных. Вещи сестры и некоторое барахло, что мне было не нужно, собрала в огромные мусорные пакеты и вынесла на мусорку. Надо рвать все нити раз и навсегда. И начинать новую жизнь.

– Маша? – голос был незнакомый. Я даже оглядываться не стала. Меня нашли. В этом была абсолютно уверена.

Мне удалось покинуть двор и сесть в автобус сразу перед тем, как закрылись двери. Только тогда осторожно оглянулась. К остановке подбежали двое ребят, к ним присоединился третий. Но автобус уже отъехал далеко. Повезло.

– Что ж вы меня не оставите в покое? Я вам ничего не должна, – прошептала я.

То, что от меня не отстанут, уже поняла. Может, надо было согласиться и уехать с Вадимом?

«Нет. Я поступила правильно. Не смогу так жить. Единственное, что и осталось у меня – это моя гордость и честь, как бы это смешно для многих ни звучало»

Да. Я современная девушка, живущая в циничном, развращённом мире. Но свято верующая в честь, достоинство, доброту и истинную любовь. Мне скоро двадцать пять. Но я ещё девственница. Так и не смогла перешагнуть через свои принципы и веру в истинное чувство. И не жалею. В глубине души жила вера, что дождусь того единственного.

Кладбище встретило меня привычной тишиной. Я раз в полгода посещала могилу

родителей. С Наташей побывала здесь только два раза: когда хоронили, и в их первую годовщину. Больше я её заставить не смогла. Списала это на глубокое горе. Наивная! Какая же я всё ещё наивная! Моё всепрощение, вера во всё хорошее погубит меня. Кажется, что долго ждать не придётся. В один день я попадусь, и меня ничего не спасёт. Но сейчас об этом думать не хотелось.

Три могилы. Две мраморные плиты для мамы и отца. Я смогла устроить это только в прошлом году. И совсем свежая могила с табличкой.

– Привет, сестра! Как видишь, я осталась жива. Прости, что вызывала у тебя только ненависть. Я больше к тебе не приду, чтобы тебя не беспокоить. Но, сегодня хочу кое-что сделать для тебя, в последний раз.

Я договорилась со сторожем об установке памятника. Ничего особенного, просто такая же плита, как у родителей. Наличные у меня были. День прошёл быстро. Плита легла на место. Маленькие букетики фиалок заняли положенные им места. Я их купила на входе у чистенькой старушки с белым ситцевым платком на голове.

День пролетел незаметно. Солнце скрылось. Темнело быстро. Я поняла, что продрогла и проголодалась. Последний раз оглянулась и пошла назад. Туман клочьями цеплялся за края могильных плит и стремительно заполнял пространство между могилами. Я уже не видела своих ног.

– Вон она! – услышала я крик и побежала.

Глава 2. Туман

Маша

Это были те же ребята, что преследовали меня до автобусной остановки. Я чуть не попала тогда. А сейчас я вряд ли смогу уйти от них. Могильные плиты меня не защитят. А два-три склепа, что здесь есть, такие древние, что скрип двери выдаст меня за километр.

Но я продолжала бежать, петляя между могилами. Откуда только силы взялись? Голова кружилась, бок нещадно болел, как будто в него воткнули раскалённый железный прут. Я с каждой секундой теряла надежду на спасение. Мало верилось, что меня так просто отпустят. Что же за долг-то такой, что так усердно преследуют?

Какие же иные людишки являются мерзкими тварями. Человек погиб, совсем девчонка, ей едва стукнуло двадцать. Ведь понимали, что отвечать придётся живым, раз мёртвые не смогут. Не погнушались свалить вину на неё. Я остановилась у ограды. Она была выше меня. Длинные пики с незамысловатым узором, облепленные вьющимся растением, названия которому я не знала. Сухие стебли переплетались со здоровыми, на которых набухли почки. Кое-где даже проклюнулись липкие тёмно-зелёные конусы. При хорошей погоде через неделю вся ограда окажется в зелёном покрывале.

Я осмотрела её и поняла, что вцепилась в калитку. Не хотелось, чтобы меня схватили сзади. Всегда боялась подставлять под удар спину. Прошла внутрь и закрыла калитку. Даже не заметила, что туман стал гуще, а вокруг так потемнело. Если меня и могли найти, то только по светлому пятну лица. На мне был тёмный длинный плащ и мамина вязаная накидка. На ногах чёрные туфли.

– Куда эта тварь подевалась? Как сквозь землю провалилась, – раздался злой запыхавшийся голос.

– Может и провалилась. В гости к жмурику наведалась, – хохотнул другой.

– Как бы сам жмуриком не стал! Стас с нас шуру спустит, хохмач, – рявкнул первый.

– Хватит. Никуда она не делась. Здесь где-то притаилась. Слышь, девочка? Зря ты от нас бегаешь. Не надо злить хороших парней, а плохих тем более. Твоя сестра задолжала нам кое-что. Мы просто потолкуем. Вернёшь долг – и мы квиты. Зачем нам калечить золотую курочку? Ну же, детка, выходи по-хорошему.

Это был третий преследователь. Говорил спокойно. Прямо верить хочется, что всё будет хорошо. Даже проводят меня за ручку домой.

Я видела их и не могла шелохнуться. Мне бы присесть хотя бы, или лечь на землю. Туман меня укроет. Но меня будто парализовало.

Парни сошлись, подходя с разных концов, прямо перед оградой, в метрах двух. Один стоял напротив. Мне казалось, что он смотрит мне в глаза. От страха, наверное.

Немного постояв, парни решили уйти.

– Пошли. А то что-то не по себе мне здесь, – ляпнул «хохмач». Он всё время нервно оглядывался.

– Ты же хотел тут со жмуриками потусоваться, – подколот его напарник.

– Да ладно. Я пошутил. А сейчас что-то не хочется.

Невдалеке шумно вспорхнула ночная птица.

Характерное «угук» выдало филина или сову, которая вышла на охоту.

Парни поспешили покинуть кладбище. Я осталась стоять. Дождалась, пока шум утихнет, а затем опустилась на ближайшую скамью. Кажется, что её здесь не было. Или я не заметила? Всё равно. Мне надо было передохнуть. Слабость накатывала дурниной. Я обняла себя за плечи и опустила голову, закрыв глаза. Слабо помогало. Считай, что совсем не помогало. Становилось всё хуже. В один момент сознание отключилось. Мгновенно.

Пришла в себя от холода. Небо светлело. Неужели я провела здесь несколько часов? Так и заболеть можно. Тело поддавалось со скрипом. От глубокого вдоха в бок стрельнула боль. Но не такая сильная, чтобы скривило. Терпимо. Голова была ясной. Сон на свежем воздухе помог. Даже признаков простуды не почувствовала.

– Пора идти к живым.

Странно было слышать себя здесь. От тумана остались небольшие клочья, небо стремительно светлело. Я шла быстро, и что-то мне казалось не так. Не то со мной, не то с окружающим меня пространством. Я резко остановилась и огляделась.

– Господи, я схожу с ума. Такое ощущение, что это не то место, куда я вчера приехала.

Глава 3. Деревня

Маша

Кладбище, которое вчера было ухоженным с асфальтированными дорожками и памятниками, сейчас выглядело... как бы это сказать? Убого, что ли. Везде кресты. Деревянные, каменные. Ни одной асфальтированной дорожки. Даже протоптанной тропинки не было видно. Видимость стала лучше. Никакой ограды тоже не было. Хотя ещё вчера кладбище было огорожено высоким забором из пик и такими же воротами со сторожкой. Само кладбище сейчас выглядело небольшим. А вокруг, на сколько видно, никакого города.

Да. И тишина. Мне показалось, что я снова оглохла. Но нет. Где-то мычали коровы. Самые настоящие.

Я пошла на звуки стада. Не думала, что так близко от города деревня. Грунтовая дорога от кладбища шла мимо небольшого леса. А вот за ним мне открылся изумительный вид на деревню и большой дом вдалеке. В километрах двух. В долине передвигалось, пополняющееся новыми животными, стадо, подгоняемое пастухом. К деревне я уже подходила с опаской. Чувство страха, что потеряла рассудок, становилось всё осязаемее.

Всё было не так. И кладбище, и деревня, и эти коровы. Окружающая действительность не та.

Щипать себя не стала. И так болезная. С леопардовой расцветкой кожи ещё не распрощалась. И стучать по голове тоже не решилась. Не стоит себя калечить больше, чем уже есть.

Так, размышляя, продвигалась всё дальше, и почти дошла до крайнего дома.

Остановилась в растерянности. Как мне принять тот факт, что я в другой реальности?

– Наконец-то ты признала, что ты попала куда-то не туда, – вслух произнесла я.

– Остановитесь, мисс. Кому говорю? – раздался зычный голос, разнёсшийся далеко по округе. Поутру слышно хорошо, и на большое расстояние.

Я повернулась на звук. Между деревней и домом, что виднелся вдалеке, располагался лес. Как раз из него показались двое. Впереди бежала девочка в белом кружевном платье, поверх которого был накинут тёмный длинный плащ с капюшоном. За девочкой бежала дородная женщина в пышных юбках и чепцом на голове, тоже в плаще.

– Кино, что ли, снимают? – пробормотала я. Но в глубине души уже знала, что это совсем не кино. – Боже мой. Что же это происходит? Мне истерить, упасть в обморок или ещё что-то сделать? Это невысказано...

– Остановитесь, кому говорю! – повторился окрик.

Куда там этому коlobку догнать девчонку, что так резво от неё убегала. Сколько ей? Вроде, совсем малышка. Рановато для пробежек.

– Отстань от меня! Я хочу к леди Грете! – выкрикнула, повернувшись, девчонка, и женщина чуть её не сцапала. Девчонка приспустила ещё быстрее.

Они уже были близко от деревни. Я решила, что плохого ничего не случится, если поспешу тоже. Может, что узнаю для себя.

Деревня была чистенькой и довольно большой. Я двигалась быстро, но всё равно меня опережали шагов на пятьдесят. Вскоре увидела небольшую церквушку. Девочка пробежала мимо и шмыгнула в аккуратный дворик небольшого двухэтажного дома с садом.

Пыхтя и бормоча под нос явно не молитвы, в узкую калитку протиснулась и тётка.

Я добежала, но заходить не стала, а приготовилась ждать у калитки.

Из дома не было слышно ни звука. Холодно. Окна закрыты наглухо. Долго ждать мне не пришлось. Я ещё не остыла от беготни, когда появились новые персонажи вместе со старыми.

– Чем я могу помочь? Жив ли хозяин поместья или нет, никто не знает. Ходят разные слухи. Официального письма о смерти не было. Он пропал без вести. Стервятники уже кружат вокруг. Если в скором времени лорд Пембрук не объявится, девочке назначат опекуна, а поместье перейдет к кузену лорда Генри. И он станет следующим графом. Мне очень жаль.

Это был священник, судя по одежде.

– Мать девочки жива, – раздался глубокий женский голос. – Она должна была приехать.

– Этим слухам уже никто не верит, миссис Фаррел. Правда, когда я советовал жениться

лорду перед тем, как отправиться на эту бойню, он сказал, что у его ребенка есть мать. Но, не сказал, где она и что с ней случилось. Только то, что ей отправлено письмо.

– Я знаю только, что она находится во Франции, в монастыре.

– Душевно больной человек не сможет присматривать за ребёнком. И её сразу же признают недееспособной. Вы же знаете. Так что не обессудьте, я бессилен. Хорошего дня тебе, малышка. Благослови тебя Господь, отец наш.

Из калитки вышла сначала невысокая стройная женщина лет пятидесяти с задумчивым лицом, за ней девочка лет восьми на вид, с опущенной головой, и наконец выкатилась няня девочки, по всей видимости.

– Простите, – вырвалось у меня.

Все трое разом повернулись ко мне.

Глава 4. Приглашение

Маша

Дама была ещё в своих раздумьях, девочка глядела насыщенного синего цвета глазами, на данный момент полными слёз. Толстушка уставилась, поджав губы, с выражением: «Откуда прибыли? Что вам подать? Лучше уберите подобру-поздорову».

Неприятная особа. Но сейчас мне было не до неё.

– Извините ещё раз. Не подскажете, что это за место? Я приехала издалека. И немного потерялась.

– Вы-то здесь. А где ваше сопровождение? Где оставили багаж? – нахмурилась та.

Какая мерзкая женщина. Я просверлила гневным взглядом прислугу. Она ею и являлась, насколько я могла судить.

– Прекрати, Марта. Это некрасиво так отвечать людям. Леди нужна помощь, – строго отчитала женщину миссис Фаррелл, кажется.

– Разгуливают тут всякие подозрительные личности. Ледями прикидываются, – пробурчала Марта.

– А вы откуда сами? Простите великодушно за любопытство? – вежливо спросила женщина, улыбнувшись.

– Ты моя мама? – раздался нежный голосок девочки и из её глаз скатились две слезинки.

У меня защемило сердце. Захотелось обнять девочку и сделать всё, чтобы ребенок улыбался. В её глазах затаилась такая взрослая печаль. А моё сердце было полно горя и невыплаканных слёз. Ситуация, в которую я попала, не давала расслабиться. Да и травмы отвлекали. О преследователях вообще молчу.

– Не выдумывайте, мисс. Нет здесь вашей маман и не будет, – резко сказала женщина и дёрнула Лизи за руку.

Резкий вздох и всхлип девочки (уверена – от боли), резанули острым лезвием по сердцу.

– Разве можно так с ребёнком? – возмутилась я, отбрасывая руку мегеры и притягивая девочку к себе.

– Ты сегодня же покинешь дом. Я не позволю и на милую тебе приблизиться к Лизи! – рассердилась и миссис Фаррелл.

– Больно надо. Сами и смотрите за ней. Я с хорошими рекомендациями и воспитала не одного ребенка. И скажу вам со всей ответственностью – из приبلудной сироты не

вырастить приличную девушку. Надолго ли вас хватит? Да ещё и без родителей. Её в приют отправят, – не сдавалась глупая курица.

Девочка уже всю плакала, глотая слёзы, уткнувшись личиком мне в живот, я обхватила дрожащие плечики и готова была сама разреваться, но сдерживалась из-за злости.

– Да вы монстр, а не женщина, – выдохнула я с гневом. – Убирайтесь сейчас же! Иначе пожалеете, – грозно надвинулась я на неё. Толстушка развернулась и покатила к лесу, подобрав юбки и оголив толстые икры ног, трясая жирами и мощной грудью. Носорог, не женщина. Так и захотелось кинуть чем-нибудь тяжёлым вслед.

– Не плачь, моя хорошая. Она обжора с мелкой, жадной и завистливой душонкой. Ты очень красивая и милая девочка, – присела я на корточки перед ребёнком и пыталась вытереть ей слёзы руками. Миссис Фаррел протянула белоснежный платочек с вышивкой. Девочка успокоилась через минуту, когда поняла, что няни нет рядом. Мне стало неловко. Ввязалась не в своё дело. Я здесь чужая. Надо уже подумать о себе.

– Ладно. Вам пора, наверное. И мне надо искать место, где остановиться. Вот только, – я развела руками, – не знаю, с чего начать.

– Я знаю. Вы здесь одна, без багажа, денег. Да ещё и память вас подводит, так?

Криво улыбнувшись, я кивнула. Жалко, наверное, выгляжу.

– Вы хорошо одеты. Грамотно разговариваете. Видно, что из хорошей семьи. Пойдёмте. У нас места много. По крайней мере, пока нас не выгонят. Но и тогда вы на улице не окажетесь. В деревне у меня есть небольшой дом. На улице я вас не оставлю. А со временем разберёмся: кто вы, откуда и почему оказались именно здесь.

– Спасибо! Большое вам спасибо! От помощи не откажусь.

Обратно мы шли втроём. Впереди миссис Фаррел. Я с Лизи следом. Девочка, как бы невзначай, взяла меня за руку. Я не возражала.

Мы вступили в тенистый смешанный лес, через который шла грунтовая дорога, которой, по всей видимости, пользовались постоянно. Солнце ещё висело низко, но уже грело ощутимо. Под лучами, пробивающимися сквозь ветви, поднимался едва заметный пар от влажной почвы и испаряющейся росы, которая сверкала, как бриллиантовая россыпь на тяжёлых лапах елей, увядшей траве и прошлогодней листве.

Птицы всю вели свои утренние разборки. То тут, то там мелькали любопытные белки, только пушистые хвосты мелькали. Наглая сорока сопровождала нас какое-то время, порхая с ветки на ветку, с которых от её прыжков дождем осыпалась накопившаяся влага.

Сквозь жухлую прошлогоднюю траву пробивалась яркая свежая зелень с цветными пятнами ранних цветов: фиалки, первоцвет, ландыш. Да и на деревьях изумрудной вуалью лопались набухшие почки. Только ели ещё не пустили свежие салатого-голубые побеги. Рановато.

Среди деревьев мелькали кусты с красными ягодами. Раз перед нами выскочил заяц с клочками линяющей шерсти и стремительно слился с окружающей средой своей неряшливой грязно-бурой шубкой. Сбоку в кустах вильнул рыжий хвост.

– Мы кому то спасли жизнь, а кого-то оставили без обеда, – отметила я свои наблюдения.

– Папа часто на охоту уходит, – ответила девочка. – Иногда зайчик попадает к нам на стол в виде рагу.

Я с удивлением посмотрела на девочку. Говорит так спокойно. Наши бы дети сразу

возмутились моим словам. Жалко зайку, а лисичке можно подкинуть булочку, чтобы не голодала. Да уж. Воспитание отличается. Надо взять на заметку. Хотя, стоит ли? Зачем мне это?

Дорога была сухой, поэтому мы шли быстро и даже обувь не запачкали. Только запылилась.

Минут через двадцать мы вышли к двухэтажному дому П-образной формы. Середина дома и правое крыло выглядели обжитыми. Снаружи, по крайней мере. Высокие окна с решётками, тяжёлые резные входные двери. С левой стороны дома поблёскивал водоём, примыкающий к лесу. Справа долина. Кладбище отсюда не было видно. Зато шпиль с крестом колокольни очень хорошо. Двор чистый, мощён камнем. Посреди двора клумба с увядшими цветами.

Нам открыл высокий худой мужчина с удлинённым лицом с бакенбардами и в ливрее. Так, кажется, называется его костюм.

– У нас гостя. Распорядись насчёт комнаты. Она остановится в зелёной гостевой. И насчёт завтрака, пожалуйста. Лизи тоже голодна.

– Марта собирает вещи. Будут распоряжения?

– Да, конечно. Больше мисс Лизи не нуждается в её услугах. Проследите, чтобы столовое серебро не пропало.

– Как можно? – удивился мужчина.

– Поверьте мне, Клемент. Очень даже можно.

Меня передали с рук на руки, как говорится, рыжеволосой девушке с конопушками на лице. Девушка была весёлой и симпатичной.

Зелёная гостевая соответствовала своему названию. Здесь всё было в зелёных оттенках, от тёмно-зелёного до салатového. Только покрывало и тюль были белоснежными. Широкая двуспальная кровать под балдахином из бархата с длинными кистями. Тяжёлые шторы, узорчатый ковёр на полу, шкаф, покрытый чёрным лаком, такое же трюмо. У камина два небольших кресла и низенький стол.

– Уютно. Я бы хотела умыться, – обратилась я к девушке.

– Уборная здесь, – открыла девушка дверь, декорированную под стены. Сразу и не увидишь.

Умывальник, медная ванна и унитаз.

– Отлично. А как с водой?

– Я сейчас принесу.

Девушка умчалась, а я сняла плащ и уселась в кресло.

Девушка слегка задержалась и я подумала, что греет воду, возможно. То, что я попаданка во времени, не вызывало сомнений. Только хотелось об этом подумать чуть позже. Сейчас я была не в силах что-либо воспринимать адекватно.

Приход девушки отвлек меня от такого нарастающего глухого раздражения и тоски, что я готова была вцепиться зубами в сердце и выесть мозг.

– Что будет, что будет? – услышала я взволнованное бормотание и только сейчас заметила, что девушка бледна.

– Что случилось?

– Там пришли из опекунского совета. Будут решать вопрос об опекунстве над мисс Лизи. Кто на это согласится? Ведь родственников у неё нет. Миссис Фаррел не сможет. Она больна. Пропали мы, – девушка суетилась в ванной, разбавляя кипяток для умывания, а я

стояла и слушала её у двери.

Наконец, закончив с суетой, горничная подолом вытерла бегущие по щекам слёзы.

– Почему бы не дожидаться отца девочки? – спросила я.

– Время на исходе. Если на днях он не объявится, титул и дом перейдут другому наследнику. А я сомневаюсь, что он появится. Пропал наш хозяин.

Решение родилось мгновенно. Не могла я позволить, чтобы девочку забрали. Она и так на грани срыва. Надо хотя бы время потянуть.

Глава 5. Ложь во благо?

Маша

Быстро умывшись, я убрала волосы наверх, свернув их «ракушкой» и закрепив зажимом, чтобы выглядеть более солидно. Накинула свою кружевную шаль на плечи.

Горничная почистила туфли за это время. Я посмотрелась мельком в зеркало и быстро ретировалась из комнаты, пока не передумала. Услышав ещё издали громкие голоса, пошла ещё быстрее, а перед тем, как показаться на парадной лестничной площадке, раза два вдохнула и выдохнула, приведя бьющееся в конвульсиях сознание в относительный порядок.

– Что, собственно, происходит в моём доме? Лизи, доченька, кто тебя обидел? Миссис Фаррел, кто эти люди и почему мой ребёнок в слезах?

«Господи, спаси, помоги», – взмолилась я, радуясь, что голос звучал хоть и напряжённо, что можно было списать на раздражение внезапным вторжением посторонних, но не дрожал. Сама я еле держалась, чтобы не трястись, как овечий хвостик.

– А вы кто будете? И почему называете этот дом своим? – вышел вперёд мужчина, напоминающий таракана, что внешностью, что одеждой. Только длинных усиков-антенн не хватает. Как оказалось, представители разных грабительских организаций под эгидой государственных, очень похожи во все времена.

– Мистер Коллинз из попечительского совета, – мужчина, похожий на таракана, вскинул голову. Не хватало только фалд смокинга, заменяющих крылья, которые затрепетали бы сзади. – Мистер Паркинс из оценочной комиссии.

Этот был угрюмым мужчиной с большим носом и глубоко посаженными чёрными глазами. Он цепким взглядом осматривал меня. Я понимала, что выгляжу не совсем, как приличная леди этих чёрт знает каких времён. Но далеко и не неряшливо.

Чёрное строгое платье из тонкой шерстяной ткани, что я надела на кладбище, облегчало фигуру, расширяясь книзу и почти достигая щиколоток. Тонкая вышивка серебряной нитью украшала манжеты длинных рукавов и круглый ворот под горло. Сбоку была вшитая молния под цвет. На ногах чёрные кожаные полусапожки на каблуках, со шнурками спереди. На плечи накинута ажурная, крупной вязки, шаль с люреком, мамина работа, стального цвета. Украшений на мне не было, но это и не важно.

– Я не считаю, господа, что вы находитесь здесь по праву. У девочки есть родная мать. Скоро приедет её отец. И все вопросы, думаю, решатся. Как и должно по закону. Лорд Пембрук не заслужил такого отношения к своему ребёнку и дому. Насколько я знаю, он герой войны, – заявила я.

– Пембрук пропал без вести. С тех пор прошло достаточно времени, чтобы он объявился или дал знать, что жив.

– Это не значит, что его дом стал проходным двором. Не считаете? – вскинула я бровь.

– Если через десять дней лорд Пембрук не объявится, титул графа перейдет к его кузену, лорду Карнавону.

– Это не значит, что и дом перейдет к нему. Зачем здесь оценщик? У Генри нет долгов, – мой голос звучал всё увереннее.

«Да. Это в первый раз солгать трудно. А сейчас меня несёт, как на скоростном аттракционе, и в ус не дую. Совесть впала в летаргический сон»

– Как вы докажете, что вы леди Пембрук? – задал вопрос носатый.

«Вот жук-древоегрыз. Слушает, мотает на ус и пытается поймать жертву на удочку. Только я не рыбка, дяденька»

– Мне принести ваши документы, леди Кэтрин? – спросила Грета.

Я слышала её голос, как сквозь вату. Сердце билось неистово. Меня могли посадить за ложь. Выдать себя за высокопоставленную леди – это преступление. Это я знала точно.

– Леди Кэтрин? – повторилась Грета. Я посмотрела на неё, словно ожидала чуда, а она в ответ – невозмутимо и с достоинством.

– Конечно, миссис Фаррел. Будьте любезны. А вы, господа, пройдёмте в гостиную.

Как раз вовремя появился дворецкий.

– Распорядитесь насчёт приборов господам. Мы как раз собирались завтракать. Надеюсь, что вы не откажете.

Мужчины заметно расслабились. Дальнейшее я запомнила плохо. Оба мужчины скрупулёзно изучили документы, которые подтверждали, что я некая Кэтрин Мария Эшли. А также, что Лизи была рождена Кэтрин в монастыре святого Лазаря. Самой важной бумагой стал документ, провозглашающий, что родители Лизи сочетались браком до её рождения. Она была законорожденной дочерью лорда Генри.

– Есть ко мне вопросы? Я отвечаю, чтобы в дальнейшем не возникало недоразумений, – осмелела я и тут же поплатилась.

– У нас есть сведения, что вы находились в монастыре, – заявил таракан. Ему всё неймётся.

– Да. Я там была с тех пор, как поняла, что беременна. Лорд Генри оказался джентльменом и мы обручились. Но, я считала, что должна замолить свой грех. Но недавно получила письмо. И вот я здесь.

– Если возникнут вопросы...

– Конечно. Если возникнут, так сразу к нам.

– У вас десять дней, леди Кэтрин.

– Это не имеет значения. Дом я не отдам. У него есть хозяин. Извините. Думаю, что вам пора.

– Что это было, не скажете? – задала я Грете первый из множества вопросов, на который я хотела услышать ответ, как только мы остались одни. И я убедилась, что нас не подслушивают. Всё равно говорила очень тихо, чтобы меня слышала только собеседница.

– Я поступила, как считала нужным. Вы ведь тоже солгали.

– Да. Я не могла позволить этим чиновничьим бумажным душам забрать ребенка. Да ещё и лишит её дома. Это возмутительно! – нахмурилась я.

– Конечно. Я с вами абсолютно согласна, – кивнула Грета.

– Хорошо. Допустим, что наши уловки сработают, а что делать дальше? У нас есть ограниченное время, чтобы помечтать о приезде хозяина. С его появлением всё само собой решится. Всё равно рано или поздно раскроют мой обман. А Генри этот выставит меня

лгуньей и воровкой чужого имени. Что тогда делать?

– У самой голова кружится. Разберёмся.

– Да уж, будем решать проблемы по мере их поступления. Кстати, девочка у вас с кем делает уроки?

– С Мартой делала.

– Она разве не няня?

– Нет. С чего вы взяли? Это была гувернантка Лизи.

– Она ненормальная и детей просто ненавидит. Как можно было её нанять?

– Больше было некого. А приводить из города человека очень дорого. Да и не поедет никто. Вы бы поехали в такую глушь?

– Здесь очень красиво. Я бы осталась здесь на какое-то время, – искренне сказала я.

– Вот и оставайтесь. Вам всё равно идти некуда. Пока будете играть роль матери, может хозяин дома вернётся.

– Очень на это надеюсь.

Не прошло и часа, как к нам в дверь постучались.

Глава 6. Возвращение

Генри

Молодой темноволосый мужчина лет тридцати, сидящий за столом и, снисходительно улыбаясь, пытающийся сделать вид, что слушаю бывших фронтовых товарищей, это я. Добротное вино развязало некоторым язык. Только я и хмурящийся бывший командир нашего уже несуществующего полка не участвовали в громких выкриках и взрывах смеха, что назывались дружескими посиделками.

Большой дом на набережной Темзы, принадлежащий даме полусвета мадам Селине, был излюбленным местом наших встреч в прошлом. Я об этом смутно помню. Зато дом мне знаком. Селина пригласила подруг из своего круга, чтобы скоротать вечер с джентльменами. Господа не буйные, не извращенцы, хорошо платим. Да. Мужчины здесь собрались хоть куда. Все красавцы, как на подбор.

Сел, как называли женщину все вокруг, была красива античной красотой. Высокая, с пышными формами, густой тёмной массой волос и ярко-голубыми глазами. Дом ей подарил её покровитель, с которым она почти сроднилась за десять лет. Он умер два года назад. Оставил он ей и сына, которого воспитывали дома у маркиза Вилмора. Он был единственным мальчиком среди наследников и старой маркизе пришлось его признать, чтобы не потерять титул и положение в обществе. С единственным условием – мать откажется от него и не будет искать встреч.

Сел поступила правильно. Будущее сына волновало её больше, чем своя боль и любовь к своему ребёнку. Что не надо – сразу всплывает в памяти. Мне это нужно?

Дом был просторным, с богатой отделкой, да ещё и банк, по завещанию, выделял хозяйке сумму ежемесячно на проживание. Так что она могла позволить себе жить безбедно. В свои полные сорок лет женщина выглядела намного моложе.

Она не стала заводить постоянного любовника, но устраивала раз в неделю вечеринки. Как эту. Просто, мило, по-семейному, если опустить некоторые аспекты. Это вошло в моду и в других домах, но у Сел можно было отдохнуть во всех смыслах.

– Генри, друг, ты всё отмалчиваешься. Представляете, когда я увидел его в холле военного ведомства, подумал, что мне привиделся призрак. Я же сам видел, как его накрыло взрывом на тех проклятых холмах Мон-Сен-Жана! После бомбежки мы облазили все окрестности, я сам лично копался среди трупов и осматривал раненных в телегах и палатках, но нашел лишь кисет с гербом Пембруков. Вернее, то, что от него осталось. Небольшой кусочек синего бархата со львом. Я тогда чуть с ума не сошёл, не зная, как показаться на глаза твоего деда. Он ничего оказался. Крепкий старик. Прожил ещё почти год. Я ездил на его похороны два месяца назад. А тут нате, появился собственной персоной. Ты всё отмалчиваешься. Не хочешь поговорить о том, где был, чем занимался? Обидно, знаешь ли.

Последние слова лорд Кэмпбелл произнёс с горечью, стукнув раскрытой ладонью по столешнице. Вторую руку он прятал. Там не хватало двух пальцев. И на лице был шрам, пересекающий высокий лоб и бровь. Он прикрывал шрам отросшими волосами, хоть он и не портил его мужественного лица. Но светский красавчик в прошлом, теперь он считал себя уродцем.

– Прости, Алекс. Ничего интересного рассказать не могу. Я проснулся однажды утром и понял, что ничего не помню. Даже своего имени. Несколько шрамов на теле и всё. Женщина, у которой я оказался дома, сказала, что нашла меня у своих. Выжила больше двух месяцев. Прятала ото всех, не зная, кто я. Боялась, что пустят в расход. Незачем рассказывать о моей жизни без памяти. Последние полгода я работал учителем в небольшом пансионе для мальчиков.

– Вот как? Что помогло тебе вспомнить всё? – поинтересовался лорд Гордон Флеминг.

Я и не заметил, как вокруг нас сгрудились все. Невольно заёрзал на месте, чувствуя себя неуютно.

– Как-то задержался в городе, по делу, попал под дождь и простыл. Однажды проснулся после затяжной лихорадки с чётким осознанием того, кто я, и что мне надо торопиться домой. У меня накопилось немного денег за время работы. Выехать, правда, сразу не смог из-за болезни. Дорога до первого порта, первый же отправляющийся до берегов Англии корабль. Снова дорога. И вот я здесь. Ты, кстати, Алекс, первый человек, которого я узнал.

– Вот видишь, – бурно отреагировал мужчина. – Близкий друг – это навсегда.

– Конечно. Спасибо тебе. Ты мне очень помог, – неловко ответил я.

– Мы тоже тебе поможем. Проблемы?

– Нет. Мы обратились в комиссию для реабилитации военнопленных, а также для розыска без вести пропавших. С опознанием проблем тоже не возникло. В штаб-квартире Веллингтона мы прямо вышли на него. Он без предисловий поздоровался с нами. У него же память на все лица и имена. Документы подняли, личность установили. В палате пэров вышло всё ещё быстрее. Так что мы имеем в друзьях графа Пембрука, – радостно выкрикнул Алекс.

Со всех сторон посыпались поздравления.

– И надолго у нас задержится его сиятельство? – раздался рядом томный голос, и на плечо опустилась изящная кисть с длинными тонкими пальцами.

– Простите, – поднял я голову, чтобы рассмотреть женщину, что так прижалась бедром к моему плечу, скользнув рукой по спине. – Мы с вами знакомы?

Очень хотелось стряхнуть цепкую лапку.

Рядом раздался громогласный хохот Алекса. Он пытался что-то сказать, протягивая руку, но не мог отдышаться и успокоиться.

Женщина зашипела, как заправская змея, прищурился большие серые глаза и поджав пухлые губы. Я всё же отодвинулся от крутого бедра и прошёлся взглядом по фигуре. Женщина была похожа на кошку. Гибкое стройное тело. Волосы цвета воронова крыла были красиво уложены. Завитки волос кокетливо играли на белоснежной длинной шее. Кожу выгодно оттенял синий цвет дорогого платья. Дорогих побрякушек навешано больше положенного. Мне женщина не понравилась.

– Он не помнит тебя, милая. Иди ко мне. Я тебя утешу, – продолжал потешаться Алекс.

– Кэмпбелл, дождёшься, что своим поведением кого-нибудь спровоцируешь на драку, – встрял виконт Филлип Бейль.

– Да ладно. Я только за хорошую потасовку. А то скучно жить, – голос друга дрогнул. Алекс вновь припал к бокалу с крепким напитком.

– Что-то сломалось в нём после той бойни. Он правда тебя искал. Мы все собирались продолжить в новой компании против янки. Но Алекс получил ранение, меня контузило. И мы решили не испытывать дальше судьбу. А театр военных действий за океаном и без нас найдёт своих актёров и пожнёт свою кровавую жатву.

– Ты заделался философом, Пип? – спросил я.

– Ты помнишь моё детское прозвище, – улыбнулся друг. Я почувствовал благодарность к этим людям, что помнили меня и страдали.

– Я пойду. Устал очень, – решил я ретироваться. Действительно было поздно. И я всё ещё был в плену дорожной усталости.

– Да уж, пора по мягким кроваткам. Я счастлив видеть тебя с нами, друг, – пьяно обнял меня Алекс. Я же в ответ дружески похлопал его по плечу.

Вскоре я остался один на один со своими мыслями, что голодной стаей мелких хищников вцепились в меня, лишая, как я был уверен, сна.

Стены в доме были крепкими, звуконепроницаемыми. Мне и не хотелось слушать развлечения друзей. Все они пришли сюда расслабиться. Только вот я не знал, что я здесь забыл? Мне бы домой. Только кто меня там ждёт?

Я почти задремал, когда услышал шорох одежды и не успел вскочить с постели, как на мои бедра уселась обнажённая женщина с распущенными волосами.

– Что ... – хотел я возмутиться.

– Молчи, – бесцеремонно перебили меня. – Я напомню тебе наши горячие встречи. Сделаю всё сама.

«Да помню я тебя. Всё помню. Только смутно. И не важна для меня уже вся эта суета», – подумал я, откинул голову и отдался во власть ночной гостьи. Я и забыл, когда в последний раз был с женщиной. По поведению дамочки, она и была той последней.

Ночная рубашка полетела на пол. Движения любовницы стали резкими, рваными. Совсем не подходящими к её совершенному телу. Она шумно дышала и постанывала, ёрзала на нём. Я совсем не чувствовал возбуждение, а лишь раздражение.

Хватка холодных пальцев на стволе подкинула моё тело вверх. Такого жёсткого захвата я не ожидал.

Быстро сдвинувшись вниз, она захватила в плен пухлыми губами полуживой член. Пососала головку, а затем заглотила член целиком. Внизу живота раскалилась огненная спираль, когда почувствовал, как головка упёрлась в глотку. Я сам невольно сглотнул. Что и говорить, техника минета у брюнетки была на высоте. У мёртвого встанет. Когда я был на грани взрыва, был совершён новый рывок, и женщина направила влажный, стальной,

изнывающий от болезненного напряжения член в себя, насаживаясь до упора.

– И теперь не вспомнил, котик?

– Не называй меня так, – рвано выдохнул я, силясь сдержаться от стога.

Женщина мстительно вильнула задницей, приподнялась и резко опустилась по скользкому орудию. Из груди всё же вырвался несдержанный стон.

– Вот так. Так уже лучше, – она царапнула острыми ногтями по груди, задевая шрам.

«Всё же мразь», – невольно вздрогнул я от жгучей неприятной боли.

– Луиза. Неужели ты не помнишь свою Лу?

– Луиза, ты много разговариваешь в постели, – рывкнул я, давая выход злости.

Перевернулся, подминая под себя любовницу. Закинул ноги на плечи и стал входить резко и жёстко. Женщина подо мной извивалась в экстазе, а я был себе противен, подчиняясь примитивному инстинкту.

Глава 7. Новости

Генри

Проснулся я рано. Как всегда, впрочем. Рядом спала Луиза. Что бы ни говорила женщина, вряд ли я испытывал к ней глубокое чувство. Даже привязанность. Никаких эмоций, кроме неприязни, она у меня не вызывала. А ещё и брезгливость добавилась. Надо бы срочно помыться. Кожу на бёдрах и внизу живота стягивало от засохшей плёнки. Вроде, вытирался влажным полотенцем.

В ванной нашёлся кувшин с холодной водой, душистое мыло и чистые полотенца. Отмылся кое-как, решил не задерживаться. Вряд ли гости оживут хотя бы к обеду.

В гостинице заказал себе горячую ванну и, чуть позже, завтрак в номер. Надо было закончить с некоторыми бумагами по наследству. Заехать в банк. Не ходить же без денег? Мои сбережения закончились.

Мистер Гилберт встретил меня, как родного. Он занимался финансами нашей семьи уже давно. Благо, никаких потрясений меня не ждало. Получив необходимую сумму без препятствий, я удалился. Сразу разобраться со всеми делами не получилось. У меня было ещё достаточно времени, чтобы съездить в наш лондонский дом. Я почему-то не вспомнил о нём сразу. Только во время беседы с мистером Гилбертом.

Двухэтажный белокаменный дом стоял на тихой улице недалеко от парка. Меня встретила супружеская чета – пожилая пара, что ухаживала за домом, пока не было хозяев. Никак не мог вспомнить ни их имён, ни фамилии. Это вызвало неловкость. Но я постарался обходить стороной прямое обращение.

Мне показали дом. Я был рад, что они оправдали доверие. Дом содержался в чистоте. Покопавшись в гардеробе в своей спальне, нашёл сменную одежду, вполне приличную и почти новую. После – сразу же прошёл в кабинет. Я устроился за массивным дубовым столом и стал копаться в ящиках, в учётных книгах, что мне быстро надоело, потом перебирал книги в шкафу, когда раздался стук в дверь.

– Господин, там вас спрашивает лорд Кэмпбелл.

– Проси.

– Ну ты и скотина, Генри! Мог бы и меня с собой забрать. Выслушивать стенания твоей бывшей любовницы, а может и не бывшей, – многозначительно поводит он бровями, отчего я непроизвольно поморщился. – Что, так плохо? – задал он вопрос, забыв, о чём говорил.

– Не моё это. Осталось гадкое чувство использованности. Хочу поехать домой и жить спокойно.

– Да, брат. Ты изменился и сильно. Хотя, раньше ты тоже не был любителем вечеринок и балов. Да и весёлые дома не любил. Так что я не удивляюсь, что мозги твои совсем заржавели. После всего-то, что с нами произошло, это не удивительно, – Алекс разом выдул полстакана крепкого вина.

– Да уж.

Наш разговор прервался из-за стука в дверь.

– Что ещё?

– Вас спрашивает лорд Артур Карнарвон.

– С каких это пор я должен ждать под дверью, дорогой брат? – просочился в дверь элегантно, с иголки одетый молодой мужчина не старше Генри.

«Мы одногодки, вроде. Конечно. Это мой кузен», – вспомнил я.

Их особняк располагался недалеко от нашего дома. Богатая усадьба. Тётя по отцу – высокая статная брюнетка – могла служить образцом для дам светского общества. Артур был умным, расчётливым человеком с непомерными амбициями, как у своей матери. И единственным после меня наследником титула графа Пембруков.

– Заходи, раз не дождался приглашения, – сказал я и вышел навстречу, чтобы протянуть руку, но кузен неожиданно крепко меня обнял.

– Я рад, что ты вернулся. Правда, очень рад, – чувственно произнес он.

Было приятно и волнительно такое отношение. Всё-таки мы не чужие.

– Что, даже титул не прельстил? – якобы пошутил Алекс.

– Я первый граф Карнарвон, если ты не в курсе, – самодовольно выдал Артур.

– Да ладно. Что так? – хмыкнул друг.

– За особые заслуги перед отечеством, – весело блеснул глазами мужчина. Но я заметил опасный блеск. Стоит ли знать больше, чем положено?

– Поздравляю. Я рад за тебя. За это стоит выпить, – решил я замять неловкость. – Как ты меня нашёл?

– Очень просто. В Лондоне остановились Кенты. Я обзавёлся невестой, к твоему сведению.

– Отличная новость, – поднял я бокал. Так и напиться недолго.

– Ну не всё же мне ходить холостяком? Пора остепениться. У некоторых уже дети, а я всё маму не порадую внуками.

– Думаю, что она будет рада за тебя.

– Так вот. Я отправился к невесте, а там, ха-ха-ха, – рассмеялся он, – леди Рослин. Помнишь её? – он продолжал смеяться.

«Что-то всех вокруг пробивает на смех. Или я такой ущербный? Хожу с похоронным видом»

– Да неужели не помнишь, как на балу у Сомерсетов она засветила ляжки, поскользнувшись на мокром паркете? – воодушевился Артур.

– А почему она упала и куда спешила? – поддержал Алекс, заразившись весельем от кузена.

– Потому что спешила рассказать, что застала парочку в библиотеке хозяев. Естественно, что после такого позора ни о какой сенсации не могло быть и речи. Только почему-то она возненавидела вдруг вдову баронессу Катрин Томас, и с презрением и

шипением гадюки встречает виконта Маршала.

Оба переглянулись и заржали, как кони. Я покачал головой.

– Вы прямо проситесь в компаньонки леди Рослин, – ухмыльнулся я.

– Ты стал ещё скучнее, чем был, брат.

– У него память отшибло. Почти на год. Сейчас – как получится. Здесь помнит, а здесь вдруг не помнит, – осветил своё понимание моей проблемы Алекс, показав на своей голове то, что озвучил словесно.

– О, это ты поэтому домой не спешишь? Я бы на твоём месте надолго не задерживался.

Меня напрягло выражение лица, с которым это было сказано.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Тебя дома ждёт такая женщина, что смотреть на неё больно, а ты тут прохлаждаешься.

Это можно объяснить только тем, что ты потерял память.

– Больно почему? Потому, что она больна? – опередил меня Алекс. – И кто эта женщина?

– Его жена. И она так очаровательна и красива, что на неё больно смотреть. Я и сам не знал, что ты женат. Не верил, если честно. Хотя маман мне давно говорила, что ты женился на какой-то девице. Даже ребёнок есть. А несколько дней назад и сам в этом убедился. И жена есть, и малышка лет восьми. Копия тебя, между прочим.

Я пытался вспомнить хоть что-нибудь, связанное с женитьбой. Кажется, да. Вроде она в монастыре осталась. А ребёнок? Не помню ребёнка. Помню, что беременна была. Мы поэтому и поженились.

– Я не знаю. Что-то мельтешит в голове, но собраться и вспомнить не могу. Мне сейчас за бумагами. И я сразу выезжаю.

– Хочешь, поедем вместе? Мне всё равно нужно вернуться обратно, – предложил кузен.

– Я тоже поеду. Очень интересно взглянуть на женщину, которая сумела тебя захомутать, – поднялся Алекс.

– Ты тоже не знал? – спросил я.

– Все знали. Только никогда её не видели. Ты же всё время жил здесь. Да и Луиза не была готова отпустить золотую рыбку, попавшуюся на удочку.

«Жена? Кэтрин была тяжело больна. Душевно больна. За неё расписывалась мать в бумагах, – вспомнил я полумрак часовни и запах ладана. – Ещё и ребенок. Смогу ли я это выдержать? Судьба решила испытать меня на прочность по полной»

Глава 8. Дом

Генри

В дорогу мы отправились рано утром. От Лондона до Пэмбрукшира в юго-западном Уэльсе ехать не близко. Всю дорогу нас развлекал Артур. Его рот не закрывался ни на минуту. То, что это напускное, и что человек, развлекающий нас, не совсем тот, за кого он хочет себя выдать, понимал, кажется, не только я.

Алекс с видимым удовольствием поддерживал беседу, когда я по большей части отмалчивался. Но иногда я видел чуть прищуренный взгляд друга, который цеплялся за Артура остро и с тайным знанием. Провести Кэмбелла у него не получится. За красивой внешностью и добродушным характером скрывался умный проницательный тактик и стратег. Недаром он из Аргайлов, хотя и не признаёт этого, называя себя выходцем из клана

Кэмбеллов из Хайленда. Мне было всё равно на его древний род. Он был отличным парнем и надёжным другом. Этого было достаточно.

Мы много пили, хорошо ели и отдыхали всю дорогу. Я уж точно. Чем ближе мы были к дому, тем спокойнее становилось у меня на душе, и я крепче спал. Лошадей нам меняли на каждой остановке в постоялом дворе или гостинице. Само путешествие может и радовало, но я устал от дороги и хотел попасть домой быстрее. Наверное, поэтому больше времени уделял сну. В кровати или карете, не имело значения. Постоянная тряска и так вынула всю душу. Не помогала ни мягкая обивка, ни подушки, что нам накидала сердобольная экономка.

Я и раньше не видел снов, но это было как падение в бездну. Помню, что просыпался очень рано, с неизменной головной болью и паршивым настроением, которое тщетно пытался скрыть. Фрау Магда, милая женщина лет шестидесяти, которая меня приютила и, дай ей Бог здоровья и долгих лет жизни, выходила, пекла что-то вкусное к утреннему чаю или вообще поила меня грогом с пряностями. Воздушные булочки и пирожки с начинкой буквально таяли во рту, и я чувствовал себя полноценным человеком.

Позже, уже оклемавшись, я переехал в пансион, и мне не хватало заботы этой чудесной женщины. Но на выходные обязательно ездил к ней в гости. И мы оба получали удовольствие от общения. Незадолго до отъезда мне пришлось проводить её в последний путь.

Я слушал перепалку друга и кузена краем уха, а сам, прикрыв утомлённые глаза, предавался воспоминаниям. Всё, что было до этого времени, таяло в клубах сизого тумана. Такой накрывает поле после взрывов. Даже потерянная память не давала мне забыть, как звучит канонада. Когда вокруг творится ад.

– Генри, ты с нами? Эй, это уже не смешно. Надо пригласить девочек, чтобы немного разнообразить досуг, – предложил кузен, поигрывая бровями и облизываясь, в один из вечеров.

– Ты извращенец, брат. Я пас, – отмахнулся я.

– Ах, да. Ты же едешь к своей прекрасной Афродите. Завидую малость.

Я нахмурился. Как он может говорить при мне о моей жене? Пусть и хвалит её. А я чего разволновался? Я не видел этой женщины, дай Бог памяти, лет девять, если дочке восемь. Нехило. Она могла жить где-то с другим мужчиной, например. И осуждать её я не имею права. Но она мать моего ребёнка, и я могу с полным правом требовать уважения. Интересно, как она себя чувствует? Не опасно ли оставлять ребёнка с ней?

– Заткнись, Артур. Ты уже достал. Я не помню её. Может быть отрывками, чуть-чуть. Это было так давно.

– Даже не помнишь, красива она или нет? Такую женщину вряд ли можно забыть, – не унимался кузен. В груди всколыхнулось что-то тёмное, мутное. Неужели ревность?

– А девочка? – перевёл тему Алекс.

– Лиззи, она чудесный ребёнок. Только какой из меня отец? – муть осела и даже прояснилось в голове.

Наступившая тишина меня удивила.

– Что-то случилось? – спросил я друзей, что молча уставились на меня.

– Ты сказал – Лиззи. До сего момента ты не помнил, есть ли у тебя вообще ребёнок, а сейчас назвал её по имени, – объяснил мне кузен.

– Я... Не знаю даже, что думать по этому поводу, – скривился я.

– Думать много вредно, – произнёс Алекс с умным выражением и стал рассказывать скабрзные анекдоты.

Я был рад, что тема моей семьи перестала быть центром беседы.

К дому мы подъехали поздно ночью. Открывали долго. Несколько раз переспросили, кто пришёл.

– Господи, этого быть не может! Господин, какая радость, что вы живы! Заходите скорее! Сейчас вас обслужат.

Клемент нисколько не изменился, только седых волос прибавилось на голове, да густые бакенбарды торчали белой ватой. Отставив свечу в подсвечнике в прихожей, дворецкий поспешил позвать челядь.

– Господин, вы приехали? Какая радость! – раздался ещё один голос.

Девушку я не узнавал. Было темно, пока не зажгли свечи в канделябрах на камине в гостиной и столе. Стало светло. Девушка расшевелила кочергой угли в камине и подбросила дров.

«Это же рыжая задира с конопушками. Смотри, как повзрослела. Точно ли меня не было всего год?»

Скоро мы сидели в тёплой уютной гостиной, уплетая подогретые пироги с вечернего ужина и попивая горячий чай. Расторопная девушка постаралась. При этом не забывая стрелять глазками на друзей. Не играла бы она с огнём.

– Кто дома, Клемент? – спросил я.

– Леди Мария, мисс Лиззи и мадам Фаррел.

– А ещё кто из слуг есть? Дом почти пустой. Или все спят?

– А никого и нет. Мадам Фаррел рассчитала слуг месяца два назад, с условием, что, когда вы вернётесь, возьмёт их обратно. Приходит садовник, да конюх ночует с лошадьми. В доме только я, Дженни и приходящая кухарка.

– Почему экономка не спустилась? Не так и поздно.

– Она сегодня ночует у себя дома, в деревне. С утра с Энн, нашей кухаркой, будут продукты закупать. Леди Мария вечером жаловалась на недомогание и ушла наверх вместе с мисс Лиззи. Если вы желаете позвать...

– Нет надобности. Пусть отдыхает, – отмахнулся я.

На слове «недомогание» меня передёрнуло. Не хотелось думать, что у женщины начались проблемы с психикой.

– Покажи господам их комнаты. Мы тоже устали с дороги и скоро пойдём отдыхать.

– Конечно. Дженни всё сделает.

Девушка убежала выполнять указание.

Я дома. Странное чувство. Я и узнавал, и не узнавал этот дом. Усталость навалилась тяжёлой плитой. Казалось, что я и с места не сдвинусь.

Попрощавшись с друзьями на лестничной площадке, мы разошлись в разные стороны. Алекс и Артур, что не захотел ехать сразу домой (очень подозрительно) в гостевые в левом крыле, а я вправо, где располагались комнаты хозяев. Это я точно знал.

Комнаты деда находились на первом этаже. Моя же берлога располагалась на втором этаже правого крыла. В начале коридора были апартаменты мамы и отца, затем детская, что когда-то занимал я, а дальше были мои комнаты, что занял ещё подростком. Отсюда, в конце коридора, была ещё одна лестница на первый этаж. Очень удобно, когда надо уйти незамеченным.

Я резко остановился, вспомнив, что не спросил, какую комнату занимает Кэтрин. И

почему она называет себя вторым именем?

«Издевается надо мной моя память. Точно сказал Алекс – тут помню, тут не помню. Всё избирательно. Хоть не чувствую себя конченным идиотом, заблудившись в собственном доме. А сейчас спать. Всё завтра»

Глава 9. Утро

Маша

Я слышала ночью шум. Голоса, шаги за дверью. Но не могла, да и не хотела вылезать из-под тёплого одеяла. Было уютно спать в удивительно удобной постели. Это тебе не на матрасе с жёсткими пружинами лежать. И подушка не из синтепона.

Непривычно было только в длинной ночной рубашке с рюшами, с длинными широкими рукавами, что каждую минуту задирались. И ворот под горло мог спокойно придушить, если не так повернёшься. А ещё и чепчики эти. Просто издевательство.

Первые дни я стеснялась, а после плюнула на всё и оторвала рюши с мясом. Ворот углубила, а рукава укоротила до три четверти. Подол трогать не стала. Это уже слишком. Мне ещё и халат дали в комплекте. Бархатный, с атласными лентами, капюшоном и рукавами, что расширялись от плеча. Насыщенный синий цвет мне очень нравился. Удобные туфли, что подошли идеально, были сшиты из мягкой кожи.

Было холодно и я залезла в кровать в халате. Так было теплее.

Так что я оставила без внимания шум ночью, а к утру вообще, забыла о нём напрочь. И зря.

Сон без сновидений. Слава Богу! Я выпалась.

Молодец, Дженни! Такая хорошая девушка. Я удивилась, когда узнала, что ей всего лишь шестнадцать. Меня ждала горячая вода и чистое полотенце. На днях мы перебрали вещи, что принесла Грета (женщина позволила её себя так называть наедине). Посмеялась над длинными панталонами с кружевами. Но оценила тонкую, приятную на ощупь ткань. Понравился укороченный корсет: он хорошо держал грудь и выглядел красиво. С любопытством ребёнка (а кто бы меня осудил?) мерила платья. Этот стиль я знала. Называется «ампир».

«Господи Боже мой! Я попала во времена Наполеона Бонапарта. Времена Наташи Ростовой, Пьера Безухова. Умереть не встать!»

Моему восторгу не было предела. Никаких тебе пачек, проволочных конструкций под юбкой, выдавливающий из тебя внутренности и жизнь вместе с ними, корсеты. А красивые лёгкие платья с завышенной талией, пояса из лент, струящаяся по телу ткань. Муслин, батист, кружева, тонкая, почти прозрачная шерсть. Ещё что-то, чего я не знала. Чулки, шали, накидки, обувь.

– Вы кого-то ограбили, Грета? – спросила я, облачившись в очередное платье изумительно красивого карминного оттенка, когда мы остались одни и убедившись, что за дверью никто не подслушивает.

– Нет. Это леди Пэмбрук, матери Генри.

– О! Тогда надо всё это вернуть скорее на место. Вряд ли хозяин этого дома будет рад видеть вещи своей матери на практически чужой женщине. Честно говоря, я лучше бы приобрела ткань и пошила сама себе платье. Тогда можно было бы не бояться, что это кому-

то не понравится или меня посчитают мошенницей или воровкой.

– Я не думаю, что Генри так с тобой поступит. Он хороший мальчик, – мадам Фаррел протянула следующее платье.

– Да уж. Я и так назвалась его женой. Как вы думаете, сколько мне за это дадут? Или отправят в сумасшедший дом? Ведь маму Лиззи считали умалишённой? Из-за этого она оставалась в монастыре?

– Не говори так, Мария. Не надо. Она не была сумасшедшей. Слишком чувствительной? Нет. Эмоционально ранимой? Скорее, да. И очень нетерпеливой. Тяжёлая беременность, не менее тяжёлые роды привели к печальному финалу.

– А этот Генри, он не мог присмотреть за ней? Ведь сочетались браком? Жена всё-таки.

– Я же говорю, он хороший мальчик. Не скажу, что она ему не нравилась. Иначе откуда взяться Лиззи? Но то, что случилось – это не совсем вина лорда. Они познакомились на балу. Кэтрин не должна была там быть. Не думай, отец Кэтти был из благородных. Только вот она была рождена не в браке. Её отдали мне на воспитание. Я тогда уже овдовела, у меня не было ни денег, ни дома, ни детей. Я убежала из дома с офицером и сочеталась с ним в браке в Шотландии. В Грета-Грин. Мне было семнадцать, и я не могла выйти замуж без разрешения родителей. Мы прожили счастливую жизнь. Если хочешь спросить, скучала ли я по родителям, то отвечу, что нет. У них и без меня была большая семья. Я недавно ездила в Дартмур. Родителей давно нет, а семейство процветает. Я там не нужна, – женщина печально вздохнула. – Меня, наверное, Бог наказал за непослушание, хоть и подарил хорошего мужа. Я не имею детей. После смерти Дэвида металась по Англии, навязывая своё общество компаньонки. Но кому нужна молодая красивая женщина рядом? Никому. И вот подвернулся случай – мне предложили присмотреть за ребёнком. За это я получала дом и содержание до конца жизни. Крошка была такой прелестной, что я согласилась бы и так. Но мне надо было на что-то жить и воспитывать девочку. Кэтрин выросла внезапно. Расцвела, как роза. Не знаю, как и что произошло между молодыми людьми, и вряд ли это нужно, Кэтти уже не вернёшь. Но есть несчастный Генри, которого не простил старый граф, есть Лиззи, без матери. Они должны быть счастливы.

– А как же Кэтрин? – спросила я, впечатлённая грустной историей.

– Её нет. Она умерла.

– Почему вы в этом уверены? Она же в монастыре. И откуда бумаги? – уже догадываясь, спросила я.

– Я сама была на её похоронах, привезла бумаги и хранила их для Лиззи.

– Грета, а Генри знает, что вы воспитали его жену? Или она это скрывала?

– В том-то и дело, что скрывала. Но представилась именем своего настоящего отца.

– Понятно. А мать Кэтрин, она жива? – спросила я.

– Нет. Я узнавала. Она умерла сразу после родов. У неё были слабые лёгкие. И отец её погиб на охоте. Так что она была полной сиротой.

– Какая печальная история. Простите, если нечаянно задела ваши чувства.

Пока я одевалась, прокручивала в голове этот непростой разговор, состоявшийся на следующий день после моего появления здесь. Единственное, о чём я не спросила, это как малышка попала к Генри в дом. И почему она доверилась мне?

Хотя, это и не важно. Главное, что он знает, что это его дочь. А то, что доверилась мне – кто его знает? Может, устал человек держать всё в себе.

Я надела голубое платье, а сверху накинула мамину шаль. Ноги обула в атласные туфли

на толстой подошве. Их пришлось привязать к икрам атласными же лентами. Шёлковые чулки держались на подвязках.

Корсет приподнимал грудь, и она соблазнительно светила полушариями. Мне стало нехорошо. Настолько открыто я ещё не ходила. Поискала кружевную косынку и задрапировала низкое декольте. Так я чувствовала себя уверенней.

Вообще, мода «ампир» – сплошной соблазн для сильного пола. Струящиеся ткани вдоль тела не скрывали ни одного изгиба, ни одной ямки на теле. При каждом шаге ноги обрисовывались до ягодиц. Представив себя в движении, поморщилась. Смогу ли я? Но, как говорится, жизнь заставляет крутиться. Я вылечу, конечно, как пробка из бутылки, как только хозяин дома вернётся. В этом и не сомневалась. Я никто здесь, и звать меня никак.

Посмотрелась в зеркало ещё раз. За то время, что я здесь нахожусь, немного привыкла к длинным платьям. Цвет мне шёл. Вот только с причёской вышла накладка. Волосы у меня были коротко стрижены. Вьющиеся от природы, цвета каштан и непослушные. Вот и стригла. Да и с короткими обращаться легче. У сестры были русые, очень густые и длинные, как у мамы.

Я нервно сглотнула ком в горле. У меня и времени не было, чтобы скорбеть. Некогда. Будет ли оно вообще и стоит ли? Тряхнула головой и покрутилась вокруг себя.

Сегодня кухарки не будет, как и Греты. Уж до обеда точно. Я уже раз понадеялась на Дженни. Ничего путного из этого не вышло. Эта девочка совершенно не была приспособлена к кухне. Поэтому надо было что-нибудь сообразить на всех, пока Лиззи не проснулась. Не хотелось, чтобы ребенок остался голодным.

Я вылетела из комнаты и поспешила вниз. Чтобы не навернуться, зацепившись за подол длинного платья, смотрела под ноги. Особенно боялась лестниц.

Взгляд привлекло движение у основания лестницы. Я подняла глаза и споткнулась всё же на последних ступеньках, влетая со всего размаха в объятия молодого мужчины.

От испуга у меня зашло сердце. Мои руки крепко сжимали чужой камзол. Я судорожно вздохнула и выдохнула. Пахло от незнакомца волнующе: утренней свежестью и дождём. Только сейчас почувствовала, что меня прижимают к твёрдому телу, поддерживая за талию, оставляя чуть ли не ожоги через тонкую ткань на моей спине.

– Простите, – вырвалось у меня, и я отпрянула. – Простите, ради Бога.

Вырвавшись из состояния оцепенения и не смея взглянуть в лицо мужчине, быстрым шагом направилась в кухню.

«Подальше. Хоть на время. Мне нужно время»

А сердце колотилось, как бешенное. Никогда так не реагировала на мужчин.

Глава 10. Первая встреча

Генри

Рано утром решил проехаться по окрестностям. Поспать ещё не получалось. Стены давили на психику. Выглянул в окно. Долина утопала в перине молочного тумана, но небо уже посветлело. Решил немного покататься на лошади. Вспомнить, каково это было раньше, до того, как я ушел на эту бойню.

Одевшись для конной утренней прогулки, тихо покинул сонный дом. Из комнаты дворецкого выглянул Клемент в длинном халате поверх ночной рубашки и в дурацком колпаке. Я не дал ему даже спросить ничего. Только махнул рукой, давая понять, что он мне

не нужен. Дверь закрылась. Вот и хорошо. Не хотелось, чтобы кто-то нарушил состояние тихого восторга, что я ощущал ещё с вечера, вернувшись под родную крышу.

Со двора вид был совершенно другим. Вокруг царила абсолютная тишина. Кажется, толстый слой тумана приглушил все звуки. Лёгкий оттенок нежно-розового появился над лесом. Туман над прудом клубился, как будто там ворочался огромный дракон, выдыхающий пар. Молодая травка под ногами поблескивала обильной влагой.

Конюх уже не спал. Он вывел рыжего коня с белой звёздочкой на лбу и белыми чулочками на передних ногах.

Я погладил коня по шее, похлопал слегка. Сам его оседлал и тихо выехал из духоты конюшни, пахнувшей конским навозом и сеном.

Лес стоял мрачной стеной. Вспомнил, как всегда представлял себе, что это сказочный лес, где злая колдунья спрятала прекрасную принцессу в высокой мрачной башне. Но уже через некоторое время забывал все эти бредни и только наслаждался поездкой. Как сейчас.

В лесу хоть и было сумрачно и влажно, но небо светлело всё быстрее. Из деревни слышались звонкие крики петухов, мычанье коров и щелчки длинного хлыста пастуха. Иногда вырывались и его недовольные вскрики, подгоняющие отставшую скотину.

Передо мной открылась деревня. Как же я соскучился по этому всему! Объехав деревню по окольной дороге, направился на кладбище. Могилу деда найти не составило труда. Здесь был небольшой склеп, где хоронили членов семьи Пэмбрук. На дверях висел огромный замок. Но я и не собирался заходить туда.

Постоял немного, отдавая дань уважения родителям и деду. Возвращался той же дорогой. В лесу уже вовсю пели птицы, рыжими молниями скакали белки по своим утренним делам. С шумом проскочили несколько оленей. Вожак остановился на несколько мгновений, поводя влажными глазами и нюхая воздух. Из пасти вырывался пар. И ускакал вслед своему гарему. Холодно зато ещё ранней весной.

Выехав из леса, остановил коня, заворуженно смотря на восход солнца. Лес приобрел свой зеленоватый оттенок липкой молодой листвы на фоне чёрного и серого цветов стволов. Пирамиды ёлок были похожи на стражей леса, готовых в любую минуту ожить и защитить своих подопечных. Туман почти рассеялся, и только лёгкая дымка струилась по равнине, и над зеркальной поверхностью пруда с красной, сверкающей колеблющейся дорожкой, которая светлела с каждой минутой, становясь золотой.

Глубоко вздохнув, решил вернуться.

Отдав коня, зашагал к дому. Кажется, ещё никто проснулся.

Почувствовал, что голоден. Причём зверски. От прогулки на свежем воздухе разыгрался аппетит. Но будить кого-то было бы неправильным. Ведь кухарки нет. Подумал, что и сам смогу что-нибудь состряпать, только сначала переоденусь и умоюсь.

Вот чего я не ожидал, это то, что так рано встречу молодую женщину, что назвалась моей женой.

Сначала увидел силуэт на втором этаже. Только перила не давали разглядеть лицо, да и темно было наверху. Встал внизу лестницы и выжидающе уставился на самозванку. Она стала осторожно спускаться, придерживая подол, как будто для неё спуск с лестницы был непреодолимой преградой.

Разглядеть лицо все не удавалось. Верхняя часть лестницы была ещё темной, а девушка ещё и склонила голову, смотря под ноги. Но стройное тело было видно отлично. Каждый изгиб, каждую выемку. Высокая грудь, тонкая талия, округлые бедра, длинные ноги.

«Что я ей скажу? Уличу в мошенничестве? Или попрошу всё объяснить?» – подумалось мне. Я совсем не был готов встретиться с женщиной, что назвалась моей женой, когда был расслаблен и совсем не готов что-либо решать. Даже не знаю, как объяснить это состояние. Вроде, должен быть спокоен, решителен. Я здесь хозяин. А я чувствовал волнение. Непроизвольно сделал шаг назад, когда девушка почти спустилась. Она уловила движение и вскинула голову, тут же наступая на подол платья, спотыкаясь и падая ко мне в объятия.

«Какого чёрта вы творите, сударыня?» – хотелось крикнуть. Но слова так и застряли в горле.

Упругое стройное тело, что неожиданно прижалось ко мне, выбило все мысли из головы. Наши лица разделяло мизерное расстояние – мы почти соприкасались щеками. Горячий воздух, выдыхаемый девушкой, попадал точно в сгиб шеи, за ворот, стекая армией ошалевших от возбуждения мурашек по груди и спине, заставляя сердце биться тяжело, сбивчиво. Дыхание тоже стало тягучим и тяжелым. Кровь прилила к лицу, опалая коду жаром, а низ живота свело судорогой. Я поразился такой внезапной реакции, яркой и возбуждающей.

От девушки пахло потрясающе. Мои ноздри трепетали, как у затаившегося хищника, учуявшего дичь. Ее ручки судорожно вцепились в лацканы камзола. Сердечко билось пойманной птичкой. Испугалась. Возникло странное желание защитить.

Я глянул искоса. Здесь светлее и можно было рассмотреть девушку вблизи, пока она не очнулась. Тёмные короткие волнистые волосы, маленькое ушко, гладкая щека, покрывшаяся ярким румянцем.

Девушка оттолкнула меня и извинилась. Дважды. Увидев наконец ее лицо, мне стало плохо. Я честно думал, что Артур преувеличивал, когда говорил, что моя «жена» красива. И как я ошибался на этот счёт! Девушка была не просто красивой, а очень красивой. Она уже убежала, а я все ещё не мог прийти в себя. Руки до сих пор хранили ощущение теплой упругой плоти. Так и хотелось ещё раз прижать девчонку к себе. Удерживать не только за тонкую талию, но и пройти по изгибу бёдер, сжать в ладонях ягодицы и прижать ещё сильнее, чтобы почувствовала, как среагировал на неё.

«Господи! Я хочу эту женщину себе»

Идеальный овал лица, заключённый в рамку крупных темных кудряшек, тонкие дуги бровей, маленький идеальный нос, большие тёмно-карие блестящие глаза. А губы? Хочется не просто поцеловать их, а вкусить до крови. Такие сочные, яркие, пухлые.

Она давно скрылась на кухне, а я все ещё стоял и смотрел на свои руки.

«Кухня. Она на кухне. Что она там забыла? Надо к ней присоединиться»

– Доброго здравия, господин, – выдернуло меня из оцепенения приветствие Дженни.

– Доброго, – буркнул я и ретировался так быстро, как будто бежал с места преступления.

Так быстро я собирался только на войне. Хотелось ещё раз увидеть её. Разрушить первое впечатление. Разочароваться.

«Может, мне показалось? Я видел её всего ничего. А голос? Глубокий, мягкий, чистый. Таким только петь. Я не знаю её характера. Как она себя ведёт? Как ходит?»

Мои мысли хаотично скакали с места на место.

– Зачем тебе это, Генри? Такое ощущение, что ты влюбился в эту девушку. Любовь с первого взгляда? Такого не бывает, – прошептал я себе под нос.

Холодная вода не помогала, как и прохладный ветер через настезь открытое окно. Да и возбуждение не отпускало.

– Ты что, подросток? Что за ведьма? Околдовала одним своим появлением.

Пока грыз себя и плавился от своих эмоций и ощущений, прошло достаточно времени. Я всё никак не мог покинуть комнату. Боясь, с одной стороны, что наваждение пропадёт и останется только глубокое разочарование, а с другой, что всё окажется ещё более опасным, метался по комнате, как заведённый, пока не вышел на лестничную площадку и не услышал мужские голоса. Я совсем забыл, что Алекс и Артур ещё здесь.

Как я спустился вниз и оказался в гостиной рядом с друзьями, останется для меня загадкой. Так быстро это произошло.

«Да, я ревную» – стало для меня откровением.

Глава 11. Неизбежность

Маша

«Боже мой! Что это было? Как же неудобно. Ну что я за неуклюжая клуша, а? Налетела на мужика и вцепилась в него, как клещ. Не отдерёшь. Стыдно-то как!»

Щёки горели, сердце колотилось, как припадочное, поджилки тряслись, адреналин в крови зашкаливал. Никогда такого чувства не испытывала. Я хоть и корила себя и ругала на чём свет стоит, но не чувствовала виноватой. В чём, спрашивается? Ну, споткнулась. Не дали мне упасть. Я извинилась. На этом всё. Всякое бывает. Наши люди не особо церемонятся, когда утром на работу спешат или домой направляются – уставшие, вымотанные, что физически, что морально. О баталиях в очередях я и не говорю. Только здесь всё по-другому. Начиная с утреннего моциона, весь день и даже уход на покой ночью – всё иначе.

Такое ощущение, что я попала в вязкий кисель. Резкая перемена быстрой, скоротечной жизни, гонки на выживание (точнее – существование) на размеренную жизнь, где надо соблюдать не только этикет за столом, правила поведения, но и скорость передвижения, – была такой внезапной, что я чувствовала себя очень разбитой.

Да и синдром отмены, который чаще бывает у алкоголиков, наркоманов и больных, сидящих на гормонах, не добавлял настроения. Чистый воздух кружил голову. Без привычного городского смога казалось, что лёгкие, как выброшенные на берег рыбки, задыхаются.

А общение? Хорошо здесь мало людей и не надо с ними много говорить (хотя это тоже ненормально, если ты из современного города попадаешь в место, где на квадратный километр один-два человека против нескольких сотен).

Но и эти несколько слов надо было произносить с оглядкой. А что подумает этот джентльмен? Дама упала ему в объятия и свалила, оставив мужчину в шоке. Может, мне надо было притвориться, что стало дурно? Вроде, в прошлые времена, среди знатных дам это очень практиковалось.

Чего стоило взять и обмякнуть на руках мужчины? Довольно интересного мужчины. Господи! Он такой красивый. Надо признать. Чёрные волосы, худое вытянутое лицо. Глубоко посаженные тёмные глаза (о цвете можно поспорить, мне вообще показалось, что у него были расширены зрачки), прямой нос, красивый рот и упрямый подбородок.

А тело? Стройное, жилистое. Он на полголовы выше меня. Моё тело просто прильнуло

к его. Как мокрая ткань к голой коже. Точное определение. Мои ноздри щекотал его такой мужской запах. Мыло, зубной порошок, конский пот. Влажность делала запах более насыщенным. И, кажется, он был возбужден. Или у них бельё не носят и фиксировать нечем. Но тогда...

«Господи, спаси меня! Это какой у него должен быть прибор?»

Щёки и шея запылали ещё больше. О чём я думаю? Идиотка. Никогда на меня не оказывал такое влияние ни один мужчина. Это ненормально. Точно. Здесь воздух другой. На меня так действует стресс. Это уже объяснение.

За время, что я прогоняла мысли, как необъезженных коней по извилинам мозга, сразу выпила две чашки воды и попыталась вернуть себе самообладание. Моё шаткое, да, впрочем, незавидное положение попаданки угнетало меня всё время. А сейчас, став из проблемы отложенной проблемой настоящей, я могла ожидать только милости от хозяина дома. Надеюсь, что не его я облапала? Тогда мне конец.

Вспомнились тёплые руки на талии. Кожа спины отчётливо помнила прикосновение. По спине пробежался холодок. Я запуталась в шаль.

– Так. Расслабься. Зачем мы пришли на кухню? Чтобы приготовить завтрак. Сколько нас человек? Неважно. С гостями сами разберутся. Приготовлю оладьи. Сметана есть. Так что перебьёмся, пока не придут Грета и кухарка.

– Вы здесь? Дорого утра, леди Мария! Господа приехали вчера вечером. Я даже не знаю, что делать. Подам чай с вчерашними пирогами. Как думаете? – подскочила ко мне Дженни.

– Я тут кое-что собиралась приготовить для Лиззи и себя. Но можно и для господ что-нибудь сообразить, – кивнула я.

– Вы ангел, леди Мария! Просто спасёте меня.

Активность девушки немного отвлекла меня от мрачных дум, пока мы готовили завтрак: Дженни подогревала пироги и заваривала чай (я не стала настаивать на своём участии в этом процессе), а я приготовила густое жидкое тесто и стала печь оладьи. Но червячок беспокойства сверлил мой многострадальный мозг и не желал меня пощадить.

– Дженни, скажи, а господин приехал? – осторожно спросила я.

– Да, – удивлённо застыла девушка с чашками в руках. – Разве вы его не видели? Он сейчас был в прихожей.

– Нет. Не видела. Он же не мог предположить, что я на кухне околачиваюсь.

– Да, уж. Кто бы о таком подумал? Леди обычно спят до обеда, – хихикнула девушка. А потом резко закрыла рот рукой и округлила в испуге глаза: – Простите меня. Я ничего не имела в виду. Конечно, вы тоже леди, – залепетала девчонка.

– Прекрати. Надо поторопиться, – одёрнула я девушку. – Молоко есть?

– Да. Утром принесли из деревни. Сметану, сливки, молоко. Ещё творожок есть.

– Отлично. Нарезай пироги. Я слышу разговоры. В отличие от женщин, мужчины рано встают?

– Да. Утренняя прогулка или дела. Это они в городе, говорят, ночью кутят, а днём отсыпаются, – зашептала Дженни, оглядываясь на дверь. Её лицо покраснело, а глаза блестели.

«Бедная девочка. Даже разговор о мужчинах и их предполагаемой свободной жизни заставляет девчонку смущаться»

– Ясно. Я поднимусь наверх. Надо с Лиззи поздороваться. А ты накроешь на стол?

– Вы не спуститесь к завтраку?

– Это необходимо?

– Господин не заходил к вам поздороваться вчера?

«Что за нездоровый интерес?»

– Дженни! – возмутилась я.

Девушка неловко отпрянула.

– Я даже не знала, что он приехал. Мне потому и неудобно. Я столько лет его не видела, – решила я сгладить неловкость.

– Конечно, леди. Я занесу поднос чуть позже. Не беспокойтесь, – поклонилась девушка. Как же сложно!

– Я могу и сама. Уже всё готово.

Не давая сказать больше ни слова, я подхватила поднос, что приготовила ранее, и быстренько выскользнула за дверь.

Теперь передо мной стояла только одна задача – не нарваться на новые приключения.

Обошлось. Двое молодых мужчин, один из которых Артур, фамилию не помню (визит запомнила), прошли в столовую. Хотела подняться по лестнице, но решила, что утренний гость, которого я чуть не сшибла, может пройти именно этим путём. Поэтому направилась к чёрному ходу.

За время, что я здесь находилась, успела исследовать весь дом вдоль и поперёк. Давно у меня не было столько свободного времени и совсем не было насущных, ежедневных, не терпящих отлагательств проблем. Этим и воспользовалась, чтобы осмотреть дом.

Чуть не попала, когда уже хотела выйти в коридор на втором этаже, поднявшись по узкой лестнице в конце правого крыла. Ближайшие двери открылись, и оттуда вышел тот самый мужчина.

«Только мне так могло повезти. Это сам лорд Генри Пэмбрук!» – упало моё сердце в пятки.

Когда хозяин удалился, быстро прошлась до комнаты Лиззи. Девочка не спала, сидя в постели и играясь с куклой.

– Хорошо, что ты пришла. А то я не дождусь Дженни, чтобы она меня расчесала и помогла одеться, – вскочила девочка.

– Я тебе помогу. Только давай это сделаем быстро? А то завтрак остынет.

Помогла девочке умыться, одеться, и причесала её темные волнистые волосы.

«Как у отца» – невольно вспомнилось мне.

Мы поели с Лиззи. Потом пришла Дженни и сказала, что господа после завтрака уехали. Я облегчённо вздохнула. Хоть какая-то отсрочка.

Вскоре вернулись Грета с кухаркой. Я погуляла с Лиззи у пруда. Посидела с ней, почитала. Мне повезло, что я обрела новый язык. Как я ни пыталась слушать себя со стороны или вслушиваться в разговор окружающих, не находила чуждость. Как будто английский был моим родным языком.

Обед прошёл спокойно, и вечеру я почти расслабилась. Не прислушивалась, не дёргалась. Мадам Фаррел тоже чувствовала себя неважно, хоть и пыталась выглядеть уверенной.

Уложив Лиззи спать, я направилась в свою комнату. Без свечи двигаться приходилось осторожно. Закрывает изнутри дверь, но развернуться мне не дали. Горячее тело припечатало к дереву. Крик застрял в горле.

– Поговорим? –дохнули мне на ухо.

Генри

Когда я спустился, подавали чай. Завтрак был очень вкусным. Может, потому что дома? Я ждал хоть какого-то проблеска жизни в доме, кроме нас.

– А хозяйка не спустится разделить с нами трапезу? – поинтересовался Артур.

– Нет, – резко оборвал я его.

– Я, честно говоря, тоже не прочь был бы познакомиться с твоей женой, – поддержал Алекс.

– Ей нездоровится. Познакомитесь позже, – вывернулся я. – Я собираюсь в деревню, не хотите со мной? И ещё. Надо наведаться к соседям. Дать знать, что я вернулся.

Друзья поддержали меня. Я же с радостью отправил бы обоих по домам. У меня тут нерешённая проблема с «женой». Если повестись на уловку и признать в незнакомке жену при свидетелях, даже на время, обратной дороги не будет. Я сам ввяжусь в авантюру и буду выглядеть не лучше, даже хуже. В открытую сказать, что она обманщица, тоже не могу. Мне надо сначала выяснить, чего она хочет? Не верю в добрые намерения. Другие стелят дорогу в ад, а потом заставляют гореть в этом аду тебя. Надо ещё учитывать чувства дочери.

Сердце защемило. Я хотел видеть малышку. Очень. И боялся. Совсем не был готов. Она же уже всё понимает, наверное. С ней говорить надо. Это приводило меня в замешательство. Сказать честно, откровенно трусил перед маленькой леди.

Мне нужно было время. Так не вовремя приехали со мной гости. Перед Алексом неудобно. Я никогда ему не лгал. Да и никому другому тоже. Артур волновал больше. Он как будто чего-то выжидал. Как затаившийся зверь. Я не чувствовал от него угрозы. Но он был каким-то мутным. Так ведут себя люди, которые имеют много тайн. Я мог это определить, потому что знал его слишком хорошо.

Мы выехали сразу после завтрака. Погода резко изменилась, солнце скрылось за набежавшими тучами. Но возвращаться желания не возникло.

Тяжёлые мысли опять заполонили утомлённый мозг. Я оставлял все свои желания и волю за спиной, дома, где находилась эта таинственная женщина, возникшая неизвестно откуда. Так и хотелось подняться к ней в комнату и посмотреть в эти влажные тёмные глаза. Спросить: почему я? Чем я провинился, что она выбрала жертвой своего обмана меня? Околдовала одним взмахом ресниц, тенями от них на гладких ланитах, ягодной сочностью губ. Я схожу с ума с раннего утра. Дожить бы до вечера.

Зарядил мелкий холодный дождь, когда мы подъехали к Грантам. Это были старые друзья моей семьи. Барон Фредерик Грант и его жена леди Алиса Грант. Помнится, в своё время я играл с их детьми. Потом как-то сразу выросли. Мы с Эдвардом уехали в Лондон учиться, а малышка Пенни осталась дома. Наверное, стала совсем взрослой. Ей, должно быть, лет восемнадцать.

Леди Грант очень долго плакала, вспоминая о моих родителях и лучшие годы. Я узнал, что Эдвард умер, упав пьяным с лошади. А с Пенелопой мы увиделись. Девочка действительно выросла. Высокая, как и все Гранты, рыжеволосая девушка. Не красавица, но вполне симпатичная.

– Генри, ты вернулся! – бросилась она ко мне, но тут же остановилась, увидев кузена и друга. После обеда мы вспоминали детские шалости и Эдварда.

За окном дождь, внутри тепло и комфортно. Но мне хотелось вырваться на улицу. Странное состояние. Как только проглянуло солнце, я поторопил друзей, и, пообещав, что в скором времени появлюсь в гостях, мы уехали.

– Кажется, маленькая Грант положила на тебя глаз, – озвучил Артур то, что я и так понял. – Почему ты не сказал, что женат? Девочка не питала бы надежду.

– Послушай, кузен, у меня всё чаще появляется чувство, что ты намеренно лезешь в мою жизнь. Выспрашиваешь, вынюхиваешь. Что тебе надо? Может, сразу скажешь? – не выдержал я напряжения.

– Эй-эй, Генри, друг, ты чего? С тобой всё в порядке? – забеспокоился Алекс.

– Со мной всё в порядке, – с трудом ответил я. Но сказать, что это так на самом деле, не мог. Голову прострелила резкая боль. Я застонал и чуть не свалился с коня. Первым меня подхватил Артур.

– Алекс, возвращаемся. Ему нужен доктор, – крикнул он, продолжая поддерживать меня. Но боль прошла так, как будто её не было. Я резко выпрямился в седле.

– Всё хорошо. Отпусти, – попросил я охрипшим голосом.

– Правда всё нормально?

– Да. Едем домой.

– Даже не подумаю! Пусть тебя старик Гаррет посмотрит, – не согласился Артур.

– Тебе нужен доктор, – поддержал его Алекс. – Ехать сможешь?

– Да. Всё нормально.

Тело покрылось липким потом и стало знобить. Но я всё же смог продержаться в седле до деревни.

Старенький доктор прописал мне порошки. Порекомендовал не нервничать. Сказал, что последствия травмы непредсказуемы, как и игры памяти. Нужен отдых и хорошее питание.

– Я думал, что старина Гаррет давно сыграл в ящик, – сказал я, когда мы направились домой.

– Видимо, здешний воздух живительный. И тебе должно помочь. Прости, если ты нервничал из-за меня. Я тебе не враг. У меня просто дурацкие шутки и манера разговаривать, – сказал Артур.

– Это ты меня прости. Раздражение скапливается, а потом прорывается, как гноящаяся рана. Сегодня попался под горячую руку ты.

Мне было стыдно. Очень. Нравится мне Артур или нет, он не сделал мне ничего плохого. Да и Алекса напряг. На днях он уедет и вряд ли я с ним ещё увижусь в ближайшее время.

«Ты осёл, Генри. Друзья ни в чём не виноваты. Во всём виновата она. Откуда только взялась на мою голову? Сегодня же всё и проясню. Иначе начну кидаться на всех подряд. Мне нужен покой. У себя дома хотя бы»

По приезду решили сразу идти отдыхать. Мы разошлись наверху, каждый в свою сторону.

Я прислонился спиной к стене у дверей комнаты, что занимала девушка, и прикрыл глаза, откинув голову, упираясь затылком. Так легче думалось.

Взять и войти в комнату девушки, хоть и самозванки, посреди ночи, чревато последствиями. Она может и поднять дом на ноги, обвинить меня в домогательствах. Страшит ли меня это? Нет. Это она пришла в мой дом без разрешения. Назвалась моей супругой. Так вот пусть сама и отвечает за своё преступление. Это я мог бы её обвинить и сдать на руки правосудия.

Представил нежные тонкие запястья связанными, большие глаза в слезах, а губы опухшими и ещё более соблазнительными. Судья сразу отпустит.

«Я точно сойду с ума. Стоять здесь бесполезно»

Решил, сделал. Постучал в дверь. Тишина. Ещё раз постучал. Никакого ответа. Что меня дёрнуло, не знаю. И своих действий объяснить не могу, но дверь я открыл и скользнул внутрь. Девушки не было в спальне.

– И где ты ходишь посреди ночи, когда приличные женщины спят? – пробормотал я.

Тут я услышал шаги и спрятался за шторой, прямо у двери. В комнату вернулась ночная путешественница.

Когда я увидел её в ночной рубашке и незапахнутом халате, вся моя выдержка рухнула, как старая плотина, открывая путь бурлящей воде.

– Поговорим? – с трудом протолкнул я сквозь сдавленную от усилий сдерживаться глотку.

Девушка задёргалась подо мной, пытаюсь вырваться. Она не издавала ни звука. Видимо, не ожидала найти здесь меня и оказаться в захвате. Страшно. И мне страшно, что не удержусь. Соблазнительное упругое тело заводило меня всё больше.

– Прекрати. Или я возьму тебя здесь и сейчас, – застонал я от наплыва чувств. Девушка затихла. А я глубоко вдыхал запах её душистых волос и упивался её теплом. – Что же ты со мной делаешь? Я с ума схожу.

Признание вырвалось произвольно, помимо моей воли. Я резко отступил, сжимая до боли в кулаки руки. Опущенную голову тяжело было приподнять. Не хотелось видеть неприязнь, страх или обиду в этих красивых глазах.

– Может, всё же поговорим? – спросила она.

Глава 13. Вино правды

Маша

– Здесь, думаю, это будет неудобно, – продолжила я, когда на предложение не откликнулись.

Я уже успела успокоиться. Первый испуг прошел. Да и польза от него была. Рассудок вернулся и моё хладнокровие тоже. Комната освещалась только горящими углями. Не помешало бы подбросить дров. Обрадовалась, что нашла себе хоть кратковременное занятие. Присела перед камином на колени и стала подкладывать дрова. Рядом на корточки присел Генри.

– Я сам, – сказал он, забирая деревяшку из моих рук. – Огонь не сможет разгореться, если плотно укладывать дрова, – объяснил он, укладывая их правильно.

Сидела, не шелохнувшись. Длинное платье мешало двигаться. Боялась, что потеряю равновесие и опять, не дай Бог, свалюсь на бедного мужчину (ага, полапать он прыткий).

Пока думала, что лучше сделать, мне подали руку. Не стала выделываться, протянув свою.

Генри рывком поднял меня с пола. Но не грубо. Мы опять оказались непозволительно близко.

– Идёмте. Поговорим в кабинете, – предложил он.

Кабинет располагался на нижнем этаже. Я бывала там чаще, чем в остальном доме. Здесь было много книг, которые могла читать. Генри поджёг свечи в канделябре, что стоял на камине. Когда свечи стали гореть ровно, стало намного светлее. Представила, что в комнате брызнул электрический свет.

«Нелепо будет всё смотреться, как бутафория»

– Чему улыбаетесь? – вдруг спросил хозяин. Я и не заметила.

– Просто так. Улыбаться можно просто так, – ответила и пожалела. Мне надо быть более учтивой. – Извините.

– Садитесь, – предложил он мне присесть на диван, но я выбрала стул с прямой высокой спинкой и замерла.

– Кто вы? – прозвучал первый вопрос.

Я смотрела вокруг, стараясь не встречаться с чернящим взглядом.

– Ну? Леди! Я жду, – он нетерпеливо дёрнул руку ладонью вверх, как бы приглашая.

– Маша.

– И?

– Меня зовут Маша. Мария.

– Фамилия, род, откуда вы? Хоть что-то можете сказать? Или вы из монастыря, где находится Кэтрин?

– Находилась.

– Что? Где находилась? Говорите яснее, – было видно, что его раздражают мои односложные ответы. Но что я могла? Вылить на него правду? Да он завтра же меня отправит в сумасшедший дом.

– Кэтрин умерла. Мне мадам Фаррел сказала. Правда, мне не следовало это вам говорить. Она сама должна была вам всё рассказать. И давно.

– О чём? Вы сейчас испытываете моё терпение! – возмутился он.

– Успокойтесь, пожалуйста. Я тоже нервничаю. И поболее вашего. И мне совсем не легко, – попросила я.

Генри откинулся в кресле. В кабинете не горел камин. Мне было холодно. Я даже шали не прихватила с собой.

– Может, у вас есть, что накинуть? Я замёрзла, – попросила я.

Генри молча поднялся и вытащил из шкафа плед. Похоже, кабинет часто служил местом ночлега.

– Спасибо.

Также молча налил мне вина в бокал. Я выпила его разом. Обжигающая жидкость провалилась на дно желудка раскалённым камнем, который расцвёл огненным цветком, подпирая лёгкие. Тепло разбежалось по всему телу. Нутро согрелось. Резко захотелось спать. Я плохо воспринимаю алкоголь. Почему я об этом забыла?

– Пить не умеете? Это очень крепкий напиток. Вас развезёт. Его надо было пить маленькими глоточками. Тогда не пьянеешь.

Кажется, я произнесла последнюю фразу вслух. Надо ретироваться.

– И куда вы пошли? Надо поговорить сейчас. Откладывать не получится.

Кажется, опять вслух высказалась. Я постаралась прикрыть рот, зарывшись в плед.

– Мария, – начал он.

– Маша. Меня зовут Маша. У меня никого нет. Сначала папа с мамой погибли. Недавно умерла сестра. Чуть не убила нас обеих, – быстро протараторила я, чтобы не раздумать.

Скинула плед и пыталась задрать платье. Было очень важно ему предоставить доказательства того, что я не вру.

– Что вы делаете? – тревожно спросил Генри.

– Не беспокойтесь. Приставать к вам с сексуальными домогательствами не собираюсь. Хочу показать, как мне было больно.

Мне удалось подтянуть подол платья и показать длинный розовый рубец вдоль бедра.

– И на голове есть, – прощупала болезненный валик на темени. – Я в коме лежала несколько дней. Так что не одни вы на голову ранены, – тихо рассмеялась.

– Это страшная трагедия, – так же тихо произнёс мужчина.

Посмотрела на него с обидой и возмущением:

– Не смейте меня жалеть. Я жива осталась, а моя беременная сестра, которая намного младше меня, почти ребёнок, погибла. А я вот здесь.

Вспомнила, как спаслась от преследователей, и стало смешно. Долго хихикала, иногда давясь смехом. Меня даже сместило серьёзное выражение Генри.

– Ты так настрадалась, бедная девочка, – произнёс он тем же тоном. Смех прекратился внезапно, как и начался. Я заплакала. Сначала тихо, потом всё больше.

Слёзы лились нескончаемым потоком. Я даже не поняла, как Генри очутился рядом, как он завернул нас в плед вдвоём и прижал меня к себе, усаживаясь обратно в кресло, пожертвовав для моих соплей свой белоснежный платок с вензелем.

– Простите меня. Я понимаю, что это неприлично – вот так сидеть с мужчиной. Но, мы как бы женаты, – горько хмыкнула. – Просто посидите ещё так немного. Потом, возможно, буду возмущаться, обвинять вас в том, что вы воспользовались моментом. А сейчас мне нужен друг. Я всё помню. Откуда я, кто я. Но вам рассказать не могу. Вы посчитаете меня сумасшедшей. А я не хочу быть второй сумасшедшей женщиной в вашей жизни. Хотя, о какой жизни я говорю? Ваша жена умерла. Мне, по крайней мере, так сказали. Вашу дочь хотели отдать в приют или назначить опекуна, а дом забрать. Чёрт с ним, вашим титулом. Не могла я позволить обидеть малышку. Не смогла уберечь сестру. Должна была

Понимаешь хоть вашей дочери помочь. Понимаешь, Генри, – перешла на ты, но не стала исправляться, – она погибла, а я вот жива. И знаешь, почему? Ну вот задай мне вопрос!

– Почему? – послушно спросил этот невозможно волнующий меня мужчина.

Максимально приблизилась к его лицу. Тёмно-синие глаза смотрели пытливо.

– Потому что она мне завидовала. Проклинала меня за внешность. А что в моей внешности такого? Что такого, чтобы завидовала и ненавидела родная сестра?

– Ты красива!

– Ты так считаешь? – икнула я.

– Да, считаю.

– И зря. Таша была красивее. Великолепные волосы, стройная фигура. Она была хорошенькой. Просто этот Вадим, – зло сжала губы, – он не должен был спать с ней, если не любил. И не должен был признаваться в чувствах ко мне. Он просто её уничтожил.

– Кто этот Вадим?

– Уже ревнуешь? – рассмеялась я. – Не надо. Мы с тобой на самом деле же не женаты. Да и Вадим последний человек, с которым бы я легла в постель. Всё. Я пойду, – резко прервала излишняя. – Я переночую сегодня здесь, если ты не против? А завтра уйду. Может, мне повезёт и я смогу вернуться домой.

– Куда домой?

– Далеко и одновременно рядом. Тебе не добраться.

Попыталась встать. Эйфория уходила. Чувство стыда, что много чего наговорила под действием вина, становилось всё объёмнее и тяжелее.

Хватка Генри стала крепче. Он не хотел, чтобы я уходила.

– Может, отпустите? Мне уже лучше.

– Ты высказалась, теперь хочу я. Ты же не против?

Глава 14. Желание

Генри

Нет. Ни одна из наших встреч не разочаровала меня. Она была замечательной. Бог дал ей не только красоту, но и доброе чистое сердце. Я мало понял из её сумбурного разговора. Но жизнь у девочки была не сладкой. Столько потерь, столько горя и испытаний выпало на её долю. Ещё и винит себя в них.

Не могу судить о её сестре, но создалось впечатление, что она просто была самовлюблённой эгоисткой. Мария сказала, что она была беременна, когда погибла. Действительно, безнравственный и безответственный человек этот Вадим, раз не смог защитить свою женщину и ребёнка. Да ещё и был влюблен в другую.

Я сам, конечно, не лучше. Но, по крайней мере, Кэтрин была там, где хотела остаться и была под присмотром. Ребёнка я забрал в дом. Правда, мама со мной тогда поехала. Кэтрин так и не соизволила с нами встретиться. Почему я вспомнил это именно сейчас?

Кстати, если этот альфонс был влюблён в Марию, не станет ли он её искать? Богат ли он? Так ведут себя избалованные отпрыски. Возможно, она от него бежала. Надо об этом подумать на досуге. Странно, что Мария не упомянула ни других родственников, ни опекуна, ни кого бы то ни было ещё.

Как она жила совсем одна с сестрой? На что жила? На человека, который работает, она не похожа. Ухоженная, с очень опрятными нежными руками. Я с удовольствием сжал

длинные хрупкие пальцы и поцеловал их кончики. Много бы отдал, чтобы узнать правду, но вряд ли она сейчас готова её выложить. Для этого нужно время. Чтобы девушка могла мне поверить.

«Господи! Я уже строю планы насчёт девчонки. Я точно не намерен её никуда отпускать»

– Вы там не уснули?

– Ты прелесть! – рассмеялся, не удержавшись. Нежность затопила меня. Сердцу сделалось тесно в груди.

– Что такого прелестного я сделала? – удивилась она. – Всего лишь задала вопрос. Мы оба устали и должны отдыхать.

– Ты говорила, теперь моя очередь. Я начинаю?

– Давай уж, а то сейчас как засну, и придётся оставить меня в холодной комнате, а я не хочу мёрзнуть. Ещё не оправилась от ран. Мне болеть нельзя.

– Извини. Надо было сразу затопить камин. Подожди-ка.

Я вскочил, чтобы заняться камином.

– Генри, не надо. Зря тратим дрова.

– Ты сэкономишь мои деньги?

– А, жги. Чёрт с тобой. Зачем я вообще влезаю в дела этого дома? Всё, я пошла. Я устала и спать хочу. Если ещё и в спальне моей холодно, то точно загнусь. Найдёте вы мой хладный трупик по утрам. Только речь не говорите над могилой. Я этого не люблю. Самые лживые речи произносятся на свадьбе и похоронах.

– Сиди уж. Трупик хладный. Никаких речей над могилкой, обещаю. Я как раз-таки хотел поговорить о твоём положении в этом доме, – начал я.

Щепки были заготовлены заранее, как и сухой пучок соломы. Огонь вспыхнул сразу. Дав ему разгореться, положил сверху дров. Возникла проблема. Мне хотелось вернуться обратно в кресло и прижать девочку к себе. Но позволит ли она?

– Не стой там. Холодно, – решила она за меня. Только сажать её обратно на колени стало неудобно. Я просто присел рядом и обхватил за талию, прижимая к себе. Благо, размеры кресла позволили.

Но, возникла другая проблема: меня начала тревожить близость. Когда она плакала и сидела на коленях, я только сочувствовал ей. А сейчас меня будоражила её близость, и я стал возбуждаться. Это нечестно по отношению к ней. Но желание захлёстывало разум. Хотелось прижать девушку к груди и сорвать поцелуй с пухлых алых губ. Хотелось до боли.

– Что ты можешь мне предложить? – опять вырвала она меня из грёз.

«Своё сердце, свою руку и постель», – чуть не вырвалось у меня. Мне стало жарко и душно.

– Дело в том, что ты уже назвалась моей женой. Я не могу тебе предложить работу в доме, – осторожно начал я.

– Ну, это решаемый вопрос. Неофициально я могу заниматься с Лиззи. Быть её гувернанткой. А официально – пока могу прикинуться вашей женой. На время, пока не смогу уйти.

Снова она перешла на «вы». Мне так нравилось, что она со мной на «ты». Хотя, это не положено даже между супругами. Она очаровательна в своей странности и непосредственности.

– Уйти? А что мне сказать, если ты уйдёшь? – позволил я себе продолжить

неформальное обращение. Даже меняться не буду.

– А ты должен отчитываться? – она скептически подняла бровь. – У нас с этим проще. Ладно. Здесь всё просто. Я исчезну, а вы скажете, что я вернулась в монастырь. А спустя немного времени объявите, что ваша жена умерла. Вот и всё. У вас будет возможность жениться ещё раз.

– Да, уж. Совсем просто. Допустим, что ты не сможешь покинуть Пэмбрукшир, тогда что будешь делать? Куда пойдешь?

– Что вы от меня хотите? Я сама не знаю ничего. От меня ничего не зависит. Это может случиться в любой момент, а может и не произойти никогда, – вскинулась она, но я держал её крепко.

– Что может произойти? Что от тебя не зависит, Мария? – настаивал я.

– Я Маша. Чёрт тебя побери! Ма-ша. Ей и останусь, – крикнула она и, повернувшись, ударила по моей груди.

Второй удар не последовал, потому что, перехватив её руку, прижался к ней всем телом. Она отклонилась, почти ложась на широкий подлокотник кресла. Её грудь бурно вздымалась, вжимаясь мягкими полукружьями в мою. На длинной гладкой шее в сумасшедшем ритме билась жилка. Глаза превратились в омут без дна и влажно поблёскивали. Алые губы были приоткрыты. Воздух лёгочными мехами гнался туда и обратно, высушивая нежную плоть.

Я завороченно, очень медленно осматривал это прекрасное лицо. Не пропуская ни одной мелочи. Высокий лоб, острые скулы, тронутые румянцем, густые длинные ресницы, капельки пота, что мелким бисером осыпали кожу над верхней губой, чёткий изгиб губ. Её руки сжали ткань камзола на плечах. Мою грудь сковало обручем, руки крепко держали стройный стан. Упругой плоти стало тесно в брюках.

Маша облизнула верхнюю губу и это стало началом моего конца. С низким стоном я припал к устам, как к источнику воды, умирающий от жажды. Её губы были упругими, сладкими. Я посасывал то одну губу, то вторую. Облизнул припухшую плоть и скользнул в рот, когда девушка вдохнула.

Она попыталась дёрнуть головой, но я не позволил, перехватив затылок и углубляя поцелуй до невозможного. Десны, зубы, небо. Я хозяйничал в её чудесном ротике, сплетаясь с её языком, забывая, как дышать. Скоро нехватка воздуха дала о себе знать. Я оторвался от неё и прижался лбом к её горячему лбу.

Отдышавшись, стал целовать её лоб, глаза, скулы. Провёл носом по щеке, спустился к шее, вдыхая её собственный чудесный аромат без примеси чуждых запахов. От сгиба шеи поднялся, скользя губами и продолжая вдыхать носом, до мочки уха. Лизнул её и прикусил слегка.

– Генри, не надо. Прошу тебя. Это неправильно, – простонала девушка. Одна моя рука держала затылок, второй прошёлся от талии до груди, сжимая её в ладони. Непередаваемые ощущения. Её грудь просто создана для моих рук.

– Господи, нет.

Она резко прижалась ко мне ещё крепче, всем телом. Сильно обхватила мою шею руками и прижалась щекой к моей щеке.

– Не надо. Я так не хочу, – выдохнула она мне на ухо.

По телу прошла дрожь. Член стал твёрдым, как сталь. Брюки порвёт. Сладко и больно.

– Я хочу тебя. Хочу с первого мгновения, как увидел. Маша! – застонал тягуче.

Я гладил её спину, талию, бедро.

– Отпусти, – тихий, но твёрдый беспристрастный голос будто облил ледяной водой.

Я нехотя отпустил девушку. Она встала. Не глядя на меня, пошла к двери.

– Спасибо. Спокойной ночи.

Я просидел в кабинете всю ночь, там и заснул.

Глава 15. Разговор с той стороны

Маша

Учитывая эмоциональный стресс, да и физическую усталость вкупе с голодным желудком, что взбунтовался (не поужинала), я думала, что не усну. Как бы не так. Не успела моя щека коснуться подушки, как я сразу нырнула в глубокий сон без сновидений.

Ещё только стал алеть восток, как я проснулась. Даже попав в прошлое, привычки не менялись. Мне бы сейчас пробежку сделать. Только боюсь, что выловят леди, у которой съехала крыша, и поместят в дурку. Здесь дома для несчастных больных не такие, как в будущем. Я могу чокнуться окончательно.

Оделась потеплее. Из зеркала на меня смотрела молодая девушка в длинном шерстяном платье кремового цвета. Сверху был надет коричневого цвета утеплённый бархатный жакет с длинными рукавами, отороченный мехом. На голову пришлось нацепить шляпку, поля которой окаймляли бледное лицо с лихорадочно горящими глазами.

Я напоминала себе собаку, которой одели на шею воротник, чтобы она не могла лизнуть себя. Насколько мне нравились платья этого времени, настолько не нравились эти шляпы. Очень неудобные. Как будто коробку на голову надели. Можно смотреть только вперёд или максимально поворачивать голову, если хочешь увидеть собеседника или расширить кругозор. В таких орудиях модной пытки только личико смотрелось миленько. Подчеркивались лоб с завитушками, да скулы или щёки. Очаровашки.

Обувь я надела свою. Мамина шаль не подходила к костюму. Спенсер (короткий жакет) доходил только до завышенной талии, и, чтобы хоть как-то утеплить низ, выбрала чёрную кашемировую шаль с меховой оторочкой.

– Всё. Теперь я упакована как надо. Соблюла местные бзики моды. Пора. А то найду себе провожатых. Мне это надо? Нисколечко.

Двигалась очень тихо, чтобы, не дай Бог, не разбудить кого. Аккуратно прикрыла дверь. Быстро прошлась, чуть ли не на цыпочках, по коридору и спустилась по лестнице. Слава Богу, без приключений. В кухне застала кухарку. Она уже затопила очаг и занималась тестом.

Съев краюху хлеба и запив его тёплым молоком, поблагодарила добрую женщину и вышла на улицу.

– Мадам? – услышала за спиной. Сердце подпрыгнуло, хоть я и узнала голос.

– Ничего не надо, Клемент. Я прогуляться. Голова болит, – я вяло улыбнулась дворецкому.

– Конечно. Свежий воздух полезен. Вы же знаете, что сегодня вернутся слуги? Дом хоть немного оживлённей станет, – поделился со мной новостями мужчина. Он явно был рад тому, что челяди прибавится. А как ещё в эти времена старику развлекаться, как не обучая молодежь?

– Да, конечно. Веселее станет. И вам легче будет, – вежливо ответила я.

Не давая втянуть себя в долгий разговор, повернулась спиной и зашагала прочь.

Пройдя немного, оглянулась. Клемент уже зашёл. Не хотелось бы, чтобы он знал, куда я направляюсь. Это, конечно, не секрет. Но хотя бы выиграю время, пока меня не хватятся.

– Какое у вас самомнение, леди Мария. – пробормотала я себе под нос. – Вот прямо других проблем нет у лорда, как за тобой гоняться. Спустись с небес, дорогая. Ему просто нужна женщина. А ты как раз под боком с оправданием, что якобы жена. Можешь уйти в любое время и обузой не станешь. Ничего не можешь требовать, некому тебя защитить. Идеальный вариант, не считаешь?

Глубоко вздохнув, отбросила все грустные мысли и углубилась в лес. Мне кажется, или зелени стало больше? Как быстро весна раскрашивает природу. Весело, легко и непринуждённо. Ясный чистый воздух заставлял гореть лёгкие, если шла быстро. Но и медленно идти не хотелось. Голова слегка кружилась, но на сердце сделалось легко, а в голове пусто. То, что надо. Природа – великий целитель.

Вот и деревня. Заходить в неё не стала. Мне незачем тут светиться, хоть и интересно. Сразу же направилась на кладбище.

Низкая калитка пустила за ограду. Я ходила между крестами разных форм и из разного материала. Но ничего такого, что бы напомнило о моём времени, не было.

Хотелось ли мне попасть домой? Думаю, что да. Там всё понятно. Всё родное, знакомое. Люди другие. Не дадут пропасть, если ты и один остался. Не все похожи на тех парней, что гнались за мной.

«Интересно, оставили они затею найти меня?»

Жаль мою новую комнату. И жизнь могла бы новую начать. Подол платья намок и ткань отвисла, мешаясь между ног. Солнце уже вышло, хоть и висело пока низко. Но тепло уже чувствовалось. Над могильными холмиками поднимался лёгкий пар. Сзади резко вскрикнула птица и я обернулась. Сделала произвольно шаг и, зацепившись за подол, полетела вперёд. Мне оставалось только выставить руки, чтобы не разбить лицо. Я зажмурилась.

Но ни через секунду, ни через несколько я не упала. Мои руки судорожно держались за толстые прутья железной ограды, которая была выше меня. Знакомые завитушки. Знакомая калитка. Растение, что оплело ограду, вовсю радовало тёмно-зелёными листьями. Изумрудным ковром расстилалась трава. Вокруг было современное кладбище с ухоженными могилами. Мраморные плиты, памятники, цветы небольшими букетиками или пышными охапками, венки с лентами и без.

– Я дома. Неужели я дома?

Не знала, радоваться мне или расстраиваться. С одной стороны, вот он, дом. Отсюда были видны высотки спального района. Лёгкие захлебывались, наконец добравшись до привычного смога. Я почувствовала себя курильщиком со стажем, которому под нос сунули дымящуюся сигарету, когда он несколько дней, как бросил.

С другой стороны, тёмно-синие глаза, нежные губы, страстные объятия. Себе я врать не могу. Мне нравится Генри. Не просто нравится. А очень даже. Ещё не той болезненной тягой, что зовется любовью, но достаточно, чтобы тосковать, если уйду. Но мне там не место. И если по какой-то причине я останусь одна: бросит он меня, сам умрёт или ещё что – я пропала.

От моих переживаний меня отвлек шум. Кто-то шагал бесцеремонно, не боясь нарушить покой усопших. Был слышен отборный мат. Я вздрогнула, услышав своё имя.

– Маша – растеряша, куда же ты провалилась, дрянь? Перебил бы тебе ноги, чтобы

ходить не могла. Видите ли, мы виноваты, что её упустили. И где эту бабу искать?

– Прекрати ныть. За что мне такая напасть? Ты, заткнёшься когда-нибудь? – вторил второй голос.

– Колян присвоил коммуналку. Деньги уже покрыли его долг, чего он ерепенится? Её уже сколько нет? Пропала деваха. Жива ли? Вещи на месте. Все документы на комнату, наличные. Не могла она сквозь землю провалиться? – заявил первый, который оказался рыжим парнем.

– Натка Коляну не дала. Сечёшь? Он разве простит её? Она обломала босса перед его псами, – слил информацию бритоголовый.

– Так, это Натка. Она же окочурилась. Ответ перед ним несёт, – поднял палец вверх рыжий. – Прости, господи! Не её сестра его оскорбила. Вон баб сколько на него вешается. Выбирай, не хочу.

– Именно, что их не хочет. Наташу хотел. А она, дура, послала его в путешествие на радужных пони. Вот и бесится. Как будто ты не знаешь его. Надо устроить показательную месть. Так что дело не в деньгах. К тому же сестра у Наташи знатная краля, – поддержал разговор второй.

Я стояла остолбенев, не пропуская ни слова. Вырисовывалась не очень благоприятная для меня перспектива.

– Слышь? А Вадиму накостыляли. Еле живой, говорят. Вроде, босс его обвинил в том, что скрыл девчонку, а тот обратку дал, чтобы не трогал её. Колян нарвался. У парня, оказывается, папаня олигарх, – заржал рыжий.

– Хоть что-то интересное выдал, – оживился бритоголовый. – Думаешь, наказывать будут?

– Уверен.

Парни подошли довольно близко, и я отпустила прутья. Поддавшись назад, плюхнулась на задницу. А когда подняла голову, ограда исчезла. Я рванула вперёд, походила кругами. Но, все было тщетно.

Возвращалась той же дорогой. Скрывшись за деревьями, стащила шляпу. Подол высоко приподняла, чтобы не волочился. Вот тебе и натуральные ткани.

Впереди раздался топот копыт. Да так внезапно, что еле успела отскочить в сторону, едва не угодив под копыта коня.

Конь вздыбил передние ноги и резко их опустил, разбрызгивая комья грязи и замирая на месте. Всадник соскочил с коня и тоже застыл, прожигая меня почерневшим взглядом.

– Генри!? – выдохнула я, чувствуя, что от страха подкашиваются ноги.

Глава 16. Безответная любовь

Генри

Проснулся я с болью в шее. Жёсткий диван – не лучшее место для ночлега. Немного размявшись, чтобы кровь побежала по жилам, да и скованность отпустила, отправился в свою комнату. Едва успел привести себя в порядок, как дверь в гостиную распахнулась настежь, ударившись о стену. Я с недоумением оглянулся. В комнату влетел маленький вихрь и обнял меня за ноги.

– Что происходит?

Я хотел отстранить девчонку, но не получалось. Она что-то бубнила, вцепившись в полы сюртука, но я не понимал ни слова.

– Так, мисс. Вы ведёте себя непозволительно для леди. Извольте вести себя подобающе, – выдал я строго.

Девочка дёрнулась всем телом и, отстранившись, вытянулась, но глаз не подняла.

– Простите, ваше сиятельство. Доброго вам утра! – чётко проговорила она и сделала книксен.

Замечательная девочка. Лиззи так подросла за этот год.

– Теперь, объясните мне, почему вы так бесцеремонно изволили ворваться в мою комнату? Вас не учили, что прежде, чем войти, надо постучать и дожидаться разрешения хозяина комнаты?

– Простите, папенька. У меня было безотлагательное дело, – у девочки до боли были сжаты кулачки и подрагивали розовые губки, которые она кривила, пытаясь сдержать плач. Что могло её так опечалить?

– Какое дело? Никто не ранен?

Девочка покачала головой.

– Никто не заболел, пожара нет?

– Нет, – раздался тихий шёпот.

– А что тогда?

– Папенька, я прошу вас. Потом можете меня наказать за непослушание и несоблюдение этикета. Но она может уйти. Уйти и не вернуться, – шмыгнула Лиззи, и столько горя было в её больших тёмно-синих, таких похожих на мои, глазах.

– Кто может уйти? – не понял я, пытаюсь придумать оправдания и извиниться за то, что не поговорил с дочерью сразу, как приехал. Даже не поздоровался.

– Мария. Она ушла. Её нет в комнате.

– Как ушла? Куда она могла уйти из дома? Ты уверена, что она не в какой-нибудь другой комнате или просто вышла прогуляться? – сердце сжалось в тревоге. Неужели я её напугал своим напором?

– Нет её нигде. Я искала. Клемент сказал, что она вышла из дома тепло одетой. Солнце ещё только встало.

Лиззи с такой надеждой смотрела на меня, что мне стало неудобно. Я уже мысленно был на дороге.

– Папенька, верни мне маму.

– Она не твоя мама, – не думая, ответил я.

– Не говори так. Она сама к нам пришла. Со стороны кладбища. Я молилась очень сильно, чтобы меня мама спасла. Вот она и пришла. Я сама пойду её искать! – девочка развернулась, чтобы убежать. Но я перехватил её за руку.

– Лиззи, я сам её найду. Она никуда не ушла. Просто пошла гулять. А ты нас жди дома, хорошо? Веришь мне?

Девочка неуверенно кивнула. До чего дожил? С Лиззи я ещё разберусь. Только бы добраться до другой девчонки. Такое устрою, просто не знаю что.

Я вскочил на коня, не давая его даже оседлать, и бросился в погоню. Слышал крики Артура за спиной. Этот идиот оставит хоть когда-нибудь меня в покое?

С каждой минутой моя тревога росла. Что-то в этой девчонке было не так. А что, я не мог понять. Она сильно отличалась от обычных девушек и женщин, которых я знал. Всё

равно, что редкий цветок от обычных полевых.

Я так задумался, что чуть не снёс её по дороге. Благо, она успела отпрыгнуть, не грохаясь в обморок под ноги коня. Скакун же подтвердил свою репутацию отличного коня. Простоволосая (шапка болталась за ленточки на спине девушки), измазанная в земле, покрасневшая на свежем прохладном воздухе, с горящими глазами и слегка припухшими губами (я был в восторге, что это я виновник этой соблазнительной припухлости), Маша была очаровательна. Под моим взглядом она слегка поникла, но не выглядела испуганной.

– Ты почему ушла из дому одна? – чуть ли не зарычал я.

– Я должна отчитываться за каждый свой шаг? – ответила она, нисколько не боясь.

– Обязана. Пока живёшь под крышей моего дома.

Я не хотел этого говорить, но стал злиться. Страх отступал. Маша была невредима и стояла прямо передо мной. Никуда не исчезла.

– Это можно исправить, – с горечью произнесла она. Я уже корил себя за несдержанность.

– Маша, не злись. Я испугался за тебя. Время военное. Много незнакомых людей появилось и в этих местах. Никто не знает, как себя эти люди поведут, на что они способны, – попытался я объяснить.

– Я понимаю.

И всё? Никаких обещаний, что этого не повторится? Никаких извинений?

Маша почти прошла мимо, когда я схватил её за локоть.

– Я обидел тебя?

Жар удушливой волной поднялся от низа живота, где скрутилась тугая спираль, до горла.

– Нет.

Одно слово. Она издевается? Хочет довести меня до белого каления?

– Тогда что? Ведь не просто так ты ушла так рано из дому? Я повёл себя несдержанно. Но это не значит, что я жалею о случившемся или буду просить прощения.

Она стояла боком. Я притянул девушку за локоть почти вплотную. В профиль её лицо было ещё красивее. Оно пылало. То ли от того, что быстро шла, то ли от того, что испугалась. Но я безумно желал, чтобы этот восхитительный румянец был реакцией на мою близость. Я опять возбуждаюсь. Невовремя.

– Маша, не делай так больше. Хорошо? Лиззи плакала, просила вернуть тебя. Я не знаю, почему она решила, что ты ушла. Но, думаю, как ребенок, она чувствует тебя лучше. Да и времени у неё было поболее, чем у меня.

– Хорошо. А теперь отпустите?

Она повернула голову, а мне только этого и надо было. Привлёк к себе и обнял, уткнувшись носом в висок. Постоял так с минутку. Маша притихла и не сопротивлялась.

– Пойдём. Надо успокоить дочь, – с трудом оторвался я от желанного тепла.

При выходе из лесу Маша надела шляпу, но не стала завязывать ленты. Моя довольная улыбка чуть не испортила всё, когда я увидел вытянутые лица друзей. Маша выглядела так, как будто мы с ней занимались любовью прямо в лесу. Отрицать что-либо не собирался. Она же даже не заметила их, быстро взбежав по лестнице и исчезая из вида.

Завтракали мы все вместе. Рот Артура не закрывался, как всегда. Алекс улыбался странной улыбкой, смотря то на меня, то на Машу. Что меня раздражало до ужаса. Какого чёрта эти идиоты творят? Это моя женщина.

Ещё и Маша подливала масла в огонь. Она такая умница. Столько всего знает и может поддержать любую тему разговора, кроме политики. Тут она молчала. Я заметил это, и каждый раз, когда внимание Маши переключалось на друзей, включал внутреннего ревностного эгоиста и заводил разговор о политике.

– Осторожно, друг, ты в опасности, – тихо произнёс Алекс перед прощанием. Они с Артуром решили, наконец, покинуть Пэмбрукшир.

– Ты о чём? – спросил я, догадываясь, о ком пойдёт речь.

– О твоей одержимости своей женой. Она красивая женщина и очень умная. Но, если тебя не любят, не стоит отдавать женщине сердце.

«Да. Она меня не любит. Как ты, друг, догадался? Подумаю об этом потом. Если получится. Разлюбить уже только не смогу»

Глава 17. Признание

Маша

Гости уехали и дом опустел. С одной стороны, я была рада. Потому что не было никакого желания строить из себя неизвестно кого. Не было необходимости следить за каждым словом, за каждым движением. Мужчины были не глупые. Я замечала пристальные взгляды одного и слежку украдкой другого. И это меня напрягало.

С другой стороны, я оставалась в доме, где Генри будет наедине со мной. И его внимание не будет занято никем. Это будоражило кровь и пугало одновременно. Я ещё не решила, что делать с неожиданным, но столь ожидаемым открытием: я могу, при желании, вернуться домой. Вот только есть ли этот дом у меня?

По тому что говорили те парни с кладбища, у меня ничего не осталось. Ладно, я бы что-нибудь и придумала бы, решила проблему. Но, что я буду делать с одержимостью уroda, что захотел мою сестру?

«Что ты сделала со мной, Таша? Мало того, что свою жизнь загубила, ты испоганила и мою. Как мне быть? Прятаться здесь до конца жизни или попробовать исчезнуть, вернувшись домой? Страна наша большая. Могу где-нибудь затеряться. А дальше что? Жить, постоянно оглядываясь? А если здесь задержусь, даже на время, в опасности будет моё сердце. Мне нравится этот человек. Очень. Подскажи, сестрёнка, что мне делать? Я хоть и старшая твоя сестра, ты видела достаточно, знала больше и пережила многое. Мне больно и тяжело от понимания, что надо было больше уделять тебе внимания. Я позволила рутине и бытовым проблемам отдалить нас друг от друга. Прости меня»

Тяжёлые мысли одолевали мой бедный воспалённый мозг, не давая уснуть. Я легла рядом с Лиззи. Девочка не хотела со мной расставаться. Вбила себе в голову, что я исчезну. Недалека от истины. Только говорить ей этого я не стала. Зачем ребёнка травмировать? Она давно уснула, а я всё ещё бодрствовала. Мне стало бы легче, если бы я поплакала.

Бывает такое состояние, что хочется просто поплакать, отпуская горечь и боль. Голова была тяжёлой, как будто из чугуна. Глаза оставались сухими и горели. Мне бы поспать. Но и сна я была лишена. Будь я дома, знала бы, какое выпить лекарство, чтобы уснуть. Аптеки круглосуточно работают. Если так подумать, наше время сделало людей зависимыми от супермаркетов, магазинов, аптек, транспорта. Не говорю уже о гаджетах.

Считая плюсы и минусы разных эпох, незаметно стала уплывать в сон, когда услышала, как отрылась дверь. Не хотелось отпускать сон, что уже протянул мягкие ладони и толкал в

сладостное небытие. Кто-то стоял у двери и не решался войти. Потом всё же решил действовать. Подошёл вплотную и присел на кровати. Чуть приоткрыла глаза. Струящийся из окна призрачный лунный свет с одной стороны осветил строгое красивое лицо.

«Ну вот что ему не спится?»

Не успела мелькнуть эта мысль, мужчина поднялся, перегнулся через меня и поцеловал дочь, что устроилась у меня под боком.

«Наконец-то уйдёт», – подумала я, обрадовавшись, что дочь он всё же любит. Но не тут-то было.

Генри подхватил меня на руки и понёс прочь из комнаты, прикрыв дверь за собой. Я не знала, что мне делать. Одно из двух: продолжить делать вид, что сплю или «проснуться» внезапно.

Как ни странно, чувствовала себя комфортно. И сердце хоть и билось тяжело, но размеренно. Лицо только стало гореть. Хорошо, что в ночи не видно.

«И не тяжело же тебе нести такую ношу? Я же вешу почти как ты», – возмущалась я.

Вместе с тем, испытывала странное необъяснимое чувство. Меня впервые держали на руках. Даже в детстве не помню, чтобы на руках родителей была. Всё время Таша удостаивалась этой привилегии.

От мужчины пахло так приятно. Он так бережно прижимал к себе, что хотелось прижаться сильнее, обхватить руками шею и отдаться на милость судьбы.

«Куда он меня несёт?» – возник новый вопрос.

Недалеко. Открылась дверь. Дохнуло теплом, комната была согрета. Моё тело опустили на кровать. Я подумала, что сейчас мужчина уйдёт. Нет. Прилёг рядом. Я пошевелилась всем телом, как будто подтягиваясь в кровати и шаря рукой в поисках покрывала, но мою руку перехватили и прижали к губам, целуя. Я распахнула глаза и сделала попытку отстраниться.

– Что вы тут делаете?

Даже не пришлось притворяться: голос дрогнул, звучал с хрипотцой, как после долгого сна. Отстраниться мне не позволили, решительно притянув обратно.

– Генри, не надо. Пожалуйста, – успела выдать я, прежде чем мои губы попали в плен.

Сразу же – глубокий, влажный, страстный поцелуй. Я упёрлась в грудь одной рукой, другая была прижата телом мужчины. Я и пошевелить ей не могла. Зато Генри одной рукой подхватил мой затылок, не давая отвернуться, а другой гладил бедро, талию, сжимал грудь. И в обратном порядке.

Моё тело стало пробуждаться. Между ног заныло, набухая прилившейся кровью и пульсируя. Низ живота стянуло спазмом. Грудь налилась и соски болезненно упирались в ткань. Я так увлеклась жаркими поцелуями, что и не заметила, как его рука оказалась под платьем и крепкие пальцы обхватили ягодицу.

– Ты такая горячая, такая нежная. Господи, я сойду с ума с тобой. Люблю тебя. Слышишь, я люблю тебя больше жизни, милая. Не бросай меня.

Лихорадочный шёпот сопровождался градом поцелуев, что жалили, как угли. Лицо, шея, плечи, грудь. Халат с меня сдёрнул, а ночную рубашку из батиста с треском разорвал на части. Резкий звук заставил дернуться.

– Генри, я не могу, – очнулась я, когда он на секунду отстранился, чтобы снять рубашку и навис надо мной, с восхищением рассматривая мою грудь. Я пыталась закрыться, но он крепко схватил за запястья и зафиксировал их над головой, а другой продолжал гладить

кожу, целовал, куда дотягивался.

– Маша, милая. Я так тебя люблю. Ты убиваешь меня.

Сосок угодил в горячий рот. Он всосал его, поиграл языком, а затем больно прикусил зубами. Меня тряхнуло так, как будто сквозь тело прошел электрический ток. Второй сосок попал под раздачу. Я чуть не взвыла от остроты ощущений.

Не знала, что так чувствительна к прикосновениям. Целовалась, конечно, не впервые. Но обмен слюнями с одноклассником на выпускном, и другой раз с парнем со старшего курса на вечеринке, куда я случайно попала, меня совсем не впечатлил. Дальше этого никогда не заходило. А сейчас я готова была сама наброситься на этого мужчину. Горячего, сексуального, родного. Всё дело в чувствах. В моих чувствах к нему и его чувствах ко мне.

– Господи, Маша, ты невероятна, – простонал мужчина.

Генри повернул меня на бок и прижался к спине, целуя плечи и шею. Его возбуждение упёрлось между ягодиц (когда только успел избавиться от брюк). Рука скользнула между ног. Я дёрнулась. Но твердая рука притянула обратно.

Пальцы скользили между ног, размазывая липкую влагу, которой я исходила. Мне было стыдно за это, но возбуждение стирало все границы. Твёрдый член проник между бёдрами, медленно двигаясь между ними, туда-сюда. Пальцы стали проникать глубже.

Вдруг Генри замер. Он уткнулся мне в макушку, его дыхание грело кожу головы. Спиной чувствовала, как сильно бьётся его сердце.

– Маша, ты девственница. Почему не сказала? – задал он вопрос.

Я испытала жгучий стыд и медленно отодвинулась, прикрываясь одеялом. Генри не стал меня удерживать.

– Это так важно? – задала встречный вопрос, не смея поднять глаз. Меня до сих пор потряхивало и низ живота ныл, прося облегчения.

– Да. Для меня важно. Я и так хотел с тобой обвенчаться, чтобы ты стала моей – и среди людей, и на Небесах. А сейчас это в сто крат важнее. Постарайся уснуть. Я не собираюсь ждать. Завтра утром уезжаем.

– А меня спросить? – внутри стало расти раздражение.

– Я никуда тебя не отпущу, милая. Даже не надейся. Просто прими мои чувства. Я тебе не безразличен. Так что прими и свои чувства тоже.

Генри потянулся ко мне, но я отодвинулась ещё дальше. Один рывок – и я в его руках. Нежный ласковый поцелуй в губы, и меня отпустили.

– Спокойной ночи, моя принцесса.

Он собрал вещи и ушёл, не одеваясь и не стесняясь своей наготы. А я почувствовала себя бесконечно одинокой и несчастной.

Глава 18. Путешествие

Генри

Девственница. Маша девственница. Целиком и полностью моя женщина. Мне было бы всё равно, будь у неё до меня мужчины. Важно, чтобы в дальнейшем она принадлежала только мне. Так же, как я буду принадлежать ей.

Красивая, нежная, умная и моя. Сердце трепетало от счастья. Я думал, взорвусь от эмоций и чувств. От любви к моей девочке. Она такая непосредственная, честная, отдавалась

в постели с таким откровением и готовностью, плавилась в моих руках, как воск. И это чудо хотел получить какой-то Вадим? Странное имя.

Надо срочно собираться, ехать подальше отсюда и зарегистрировать наш брак. Пока кто-нибудь за ней не явился. Плохо верится, что такую девушку не ищут. Только что я скажу друзьям? Что она не мать Лиззи? Что это совершенно другой человек? Да и стоит ли что-либо объяснять? Мне надо выяснять, откуда она? Кто она на самом деле? Почему она появилась здесь без документов и вещей, без сопровождения?

Голова разболелась от чрезмерных размышлений. А мне ещё поспать надо. Тело было напряжено и натянуто, как струна. Я не получил должной разрядки. Стоило умыться и обтереться холодной водой, хотя мне и нравился запах девушки на себе.

Я вновь представил обнаженное восхитительное тело под собой. Как её кожа касается моей, как скольжу между её нежных бёдер и мои пальцы натываются на упругий барьер внутри её лона. Возбуждение мое ещё не спало. Я мягко провел рукой по напряжённому до боли стволу вверх-вниз и обильно кончил от одних воспоминаний.

Было немного стыдно и неудобно, что кончил с мыслями о Маше, на её светлый образ. Но это было закономерно. Ведь меня лишили сладкой девочки. Лишила её непорочность. Я не знал, что думать. Взять её и сделать своей раз и навсегда ничто не мешало. Разве что моя совесть и моё желание сделать первый раз для неё особенным. И начать нужно с бракосочетания. Затем удобная кровать и белоснежные простыни. Представив ярко-красные разводы девственной крови на простыне, сделалось так легко, что я почувствовал себя счастливым. Впервые за последние годы.

Маша первая девственница в моей жизни. Что это такое, я понял не сразу. Не особо заикливался на этом и не любил разговоры про секс, считая слишком интимным процессом. Всему нас учит жизнь и друзья, если даже не хотим. Луиза как-то решила мне сделать подарок. В один из дней я с некоторым трудом пробился к ней в лоно, хоть член и стоял колом. Она объяснила это приёмом некоторых дам обмануть мужа перед браком. Больно и неприятно. Не только женщине, но и мужчине. Хотя эластичные, тугие стенки лона доставили тогда массу удовольствия, попросил больше так не делать.

– О чём я вспомнил? Какая гадость. Эти игры памяти неконтролируемы.

Мне не хотелось, чтобы даже воспоминания из прежней жизни пачкали мои чувства к Маше.

Мне пришла в голову гениальная идея. Если мне так плохо от физического неудовлетворения, то каково должно быть девушке? Уверен, она больше пострадала в психологическом плане. У неё первый опыт с мужчиной (гордость так и лезла из меня лавой – это я её первый опыт и первый мужчина; а я собственник ещё тот, оказывается), а я взял и оставил её одну.

На тот момент мне показалось это лучшим решением. Я не смог бы удержаться и всё испортил бы. Чутьё подсказывает мне, что Маша надумала бы чёрт знает что. Всё равно мне надо извиниться.

Рано утром, пока ещё весь дом спал, убедившись, что моя девочка никуда не упорхнула, отправился в лес. Небольшой букетик фиалок и ещё каких-то жёлтых цветков, названия которым не знал, выкопал вместе с землёй. Нашел две глубокие чашки на кухне. Как можно аккуратнее устроил цветы в них и отнёс своей любимой.

Когда вернулся, она ещё крепко спала. Зато Дженни была на ногах, как и мадам Фаррелл с Клементом. Мне было всё равно, что они смотрят на меня как на умалишённого.

Главное, чтобы Маше было приятно. Я был уверен, что такой невероятно доброй девушке не захочется получить срезанные цветы. Откуда это знаю? Сердце говорит.

Оставив цветы в комнате, быстро спустился и отдал распоряжения насчёт нашего отъезда.

Маша вскоре спустилась. Сухо поздоровались. Я прожигал её взглядом, а она даже не взглянула на меня, ни разу. Неужели цветы не понравились? Но эту глупую мысль я сразу откинул, как только увидел, что она, улыбаясь, легко гладит цветки и вдыхает их аромат. Значит угодил. Раскрывать себя сразу не стал, а постучал чуть попозже, когда она отошла от цветов. Полезно иногда заглядывать в приоткрытые двери.

– Войдите, – ответили мне.

Девушка вздрогнула, когда встретилась взглядом с моим.

– Ты собралась? Надо вещи тёплые взять, – произнёс я, чтобы хоть что-то сказать.

– У меня нет вещей. Своих, – наконец ответила девушка.

– Это не проблема. Я как раз хотел тебе предложить сходить к модистке в город и пошить одежду, – улыбнулся я, а сам себя мысленно уже раз двадцать приложил головой об стол. Как я мог забыть о такой важной составляющей женщины – гардеробе?

– Спасибо, мне хватает того, что тут есть, – ответили мне. И никаких эмоций. Что за женщина, которая не радуется тряпкам? Хотя, она особенная, моя Маша.

Противный голосок на задворках мозга пропищал, что ещё нет. Глухое раздражение уже сжимало грудь. Я должен быть сдержанным. Могу напугать девушку.

– Маша, послушай. Мы отправимся в путешествие. В первой же встречной церквушке нас обвенчают. Дальше мы отправимся в Лондон. Как тебе такое путешествие со мной?

– Путешествие? – появился слабый огонёк интереса в темных глазах. – Нет. Я не могу. Мне надо быть здесь, – с явным огорчением произнесла она.

– Почему? – удивился я.

– Потому что это место я знаю, а остальные места нет, – чуть замявшись, ответила она. Явно что-то скрывая.

– Ладно. Тогда съездим в Пэмбрук и вернёмся. Хорошо? Не можешь же ты всё время находиться здесь. Ведь от того, что мы будем отсутствовать дня три-четыре, ничего не изменится. А модистку там найдём. Вещи потом могут привезти.

– Зачем мне столько вещей?

Вопросы же у неё. Да за каждую тряпку девушки и женщины готовы убить.

– Ты будущая графиня Пэмбрук, дорогая. Статус обязывает, – удалось мне не показать недоумение.

Девушка поморщилась, её даже передёрнуло, как будто я ей предложил съесть лягушку. Вон, Франция считает лягушачьи лапки деликатесом, и ничего. Я пробовал. Вкусом походит на мясо цыплёнка, если не знать, что тебе дали эти лягушатники.

– Я не дала свое согласие стать вашей женой, Генри. Вы так торопитесь, что не даёте мне даже остановиться и подумать.

– О чём думать? Я люблю тебя. Ты мне нужна. Нужна моей дочери. Нужна этому дому. И я тебе не безразличен. Ведь правда? Ты считаешь, этого мало? – повысил я голос. – Прости. Пожалуйста, Прости. Я так боюсь, что ты исчезнешь, поэтому пытаюсь привязать тебя к себе всеми мыслимыми узами.

– Если я сама не захочу, никуда не исчезну, – ответила она.

– Что это значит? Ты вспомнила всё? – спросил я, чувствуя тревогу.

– Я и не забывала ничего. То, что память потеряла, это вы все решили.

– Тогда...

– Нет, Генри. Я не готова. Но одно могу обещать, что не убивала, не воровала, от мужа не убегала. Даже жениха не было. Я сама жертва обстоятельств. Пришлось бросить всё и уйти. И сейчас хочешь на мне жениться? – улыбаясь, спросила она. А в глазах что-то непонятное. Тревожное.

А у меня сорвало все заслонки.

Подошёл к гардеробу. Там висело два платья, тёплая накидка, утеплённый спенсер и длинный плащ, подбитый мехом с большим капюшоном. Плащ накинул на Машу, в руки сунул шарф, а всё остальное сложил в сундук, кинув сверху пару туфель.

Уже через полчаса, попрощавшись с Лиззи, что отпустила нас с обещанием быстро вернуться, мы уже ехали в карете. Я не пытался сесть рядом с девушкой. И разговаривать тоже. Мне комфортно было даже молчать. Лишь бы она была рядом.

Первая остановка состоялась в небольшой деревне. Там мы сняли комнату для двоих в местной гостинице. Уснули сразу после ужина, даже разговаривать не было сил. Всё-таки не так я и восстановился после ранения, если так быстро переутомляюсь.

На следующий день мы приехали в небольшой городок. До ближайшей церквушки дошли пешком. Уговорить нас обручить было делом сложным. Не только потому, что Маша была словно в прострации, чрезвычайно тихой и долго думала прежде, чем ответить. Но и потому, что без специальной предварительной записи заключить брак было невозможно, пока я не пригрозил поездкой в Гретна Грин*.

Чтобы не допустить такого непотребства, и мне кажется, что из полной уверенности в том, что Маша беременна (зачем тогда так спешить?), нас обвенчали. В качестве свидетелей присутствовали цветочница и дородная дама в чёрном, которая здесь уже была и молилась, когда мы сюда заявили. Она согласилась сразу, решив помочь детям в их благом деле.

Машино тихое «да», когда спросили согласие, сделало меня самым счастливым мужчиной на свете. К обеду мы наконец-то доехали до города и сняли комнаты в приличной гостинице. Там была как раз такая кровать, что я хотел, и ванная. В предвкушении волшебного вечера и ночи я сгорал в нетерпении.

* Гретна Грин (англ. Gretna Green) – деревушка в южной части Шотландии, в которую после 1753 года стремились почти все влюблённые и не достигшие совершеннолетия англичане, поскольку в 1753 году Английский парламент принял закон, запрещавший несовершеннолетним (то есть людям младше 21 года) заключать брак без родительского благословения или согласия опекуна. Также для заключения брака необходимо было приобретать специальные лицензии. Закон касался всех, кто проживал на территории Англии. А в Шотландии закон не имел силы. Заключать брак могли те, кому исполнилось всего 14 и 12 лет. Поэтому юные и влюбленные англичане отправлялись в Шотландию, чтобы пожениться. На прямом пути из Лондона в Шотландию первым населённым пунктом была Гретна Грин. Чтобы далеко не ехать, молодые люди тут же устраивали церемонию бракосочетания. Тем более, для этого не надо было долгих приготовлений. Достаточно было назвать себя мужем и женой в присутствии свидетелей и кузнеца, который подтверждал законность брака ударом молота по наковальне. Кузница, что была построена на

пересечении пяти старых дорог, стала «храмом любви», а браки «ковал» кузнец, который был главой общины.

Глава 19. Любовь на двоих

Маша

Странный сегодня день. С раннего утра до обеда мы ехали по неровной дороге. Меня слегка укачало. По приезду мне удалось привести себя в порядок, умывшись холодной водой и немного поспав, пока Генри уходил улаживать некоторые дела, как он сказал.

«Некоторыми делами» оказалось приготовление к бракосочетанию. Нашёлся священник, который согласился на проведение обряда и свидетели. Саму процедуру я не запомнила. Была как в трансе. Запах ладана и горящих свечей и монотонный голос священнослужителя кружил голову. Генри был спокоен и собран.

Я же просто пребывала в недоумении, что это происходит со мной. В голове не задерживалось ни одной мысли. Перед глазами проносились картинки моей жизни: родители, сестра, подробности аварии, моё первое пробуждение в палате, кладбище, Генри. Вот на нём я и старалась акцентировать своё неустойчивое внимание. Я настолько сильно старалась сосредоточиться, что на время потеряла связь с действительностью.

Чтобы я ответила согласием, пришлось меня спрашивать дважды. Счастливая улыбка Генри была для меня наградой. А его нежный, лёгкий поцелуй в губы вернул меня к жизни. Стоит ли от себя скрывать, что мне нравится этот мужчина. Меня тянуло к нему невиданной силой, но что-то внутри, в самой глубине души, мешало просто так отпустить всё и пасть в объятия мужчины, которого уже и не должно быть на свете. Уже лет двести.

Я никогда не должна была его встретить. Это напугало меня. Страх, что вот сейчас он исчезнет, а я проснусь от комы в той самой палате, удерживал меня ещё некоторое время. Я крепко держала его руку в своей, пока мы не добрались до гостиницы.

Как только мы приехали, Генри заставил меня хорошо поесть. Дело шло к вечеру. Я очень устала, и, приняв ванную, что мне приготовили, легла спать. Мне надо было хотя бы немного выбить отсрочки.

Думала, промучаюсь с головной болью и не смогу заснуть. А мне надо было, пока мужчина не покинет ванну.

Получилось, как ни странно. Из глубокого сна выплывала долго и тяжело. Приятная нега шла снизу-вверх по всему моему телу. Я подняла голову. Представляю, какое жуткое гнездо у меня сейчас на голове и опухшее лицо. Красавица. Ничего не скажешь.

– Что вы делаете? – спросила я, откашлявшись.

– Делаю тебе массаж стоп, – ответил Генри, улыбаясь.

Его глаза блестели, нижнюю губу он прикусил, а руки всё так же гладили и сминали мои ступни. Так приятно, что я чуть не застонала. Откинулась на подушки и отдалась удовольствию. Поцелуй в свод стопы стал неожиданностью. Я резко присела.

– Лежи. Дай мне насладиться тобой. Я не сделаю ничего, что ты не позволишь. Обещаю.

Глаза мужчины превратились в чёрные омуты, что затягивали с огромной силой. Сердце дрогнуло и стало биться так тяжело, как будто его придавило камнем. Дыхание спёрло в груди.

Когда мужчина стал покрывать поцелуями мои ноги и двинулся вверх, не отрываясь от ставшей чувствительной кожи, хотелось подтянуться вверх и запретить касаться меня. Но

мне не дали даже додумать. Крепкое тело прижало к постели. В промежность упёрлось возбуждение. Сладкая молния прострелила тело от лона до головы. Я застонала, а тело меня предало. Выгнулась и прижалось к груди мужчины, словно пыталось слиться с ним воедино.

– Ты такая восхитительная, моя жена.

Губы коснулись губ, и я пропала. Влажный, глубокий, жадный поцелуй отнял последний рассудок. Нежные, сильные, и такие ловкие руки были везде и одновременно. Они умело находили чувствительные места на моем теле. Я не знала, что они у меня есть, и что их так много. Кожа горела, лono тянуло и пульсировало. Волшебные пальцы проникли внутрь. Поступательные движения заставляли двигаться в унисон. Когда поняла, что делаю, жгучий стыд опалил лицо. Я попыталась отстраниться, но кто бы мне дал?

– Не надо. Откройся мне. Прошу тебя. Не прячься. Ты нужна мне.

Лицо полыхало. Сердце билось о рёбра, будто пыталось их сломать и вырваться на свободу. Но я заставила себя посмотреть ему в глаза. Там было столько нежности, столько любви, что я сдалась. Обхватила его торс ногами и потянулась за поцелуем. Генри ворвался в рот языком и одновременно проник в лono.

Горячий, твёрдый ствол принес резкую боль. Но всего лишь на несколько секунд. Я вскрикнула и слезы градом полились из глаз. Не столько из-за боли, а сколько из-за того, что моя жизнь с этого момента изменилась навсегда. Моё лицо осыпали лёгкими поцелуями, собирая слёзы и возвращая мне их солёными губами.

Чувство расписания сменилось чувством наполненности. Я сжала бёдрами поясницу мужчины, и он задвигался. Сначала было ощущение, как будто потирают ссадины. Неприятно, но терпимо. Но вскоре твёрдый орган заскользил во мне, закрепляя право мужчины на моё тело, на мою жизнь, и на мою судьбу. Держался он недолго. Его тело содрогнулось, а во мне пульсировала его плоть и горячее семя разлилось, принося тепло и тихую радость. Почему-то именно это ощущение отправило меня вслед за ним к звёздам.

– Люблю тебя! – на грани сна и реальности услышала я.

Как он меня почистил, как одел, я не чувствовала. Но как он обнял меня и поцеловал в макушку, помню.

Утро наступило внезапно. За окном шёл дождь. Но в комнате было тепло и уютно. Тело чувствовало лёгкое утомление, как после физического труда. Мне стало смешно. Ничего себе физические упражнения.

– Ты улыбаешься. Значит, день будет чудесным, – услышала я голос. И попыталась вернуть под одеяло. Но одеяло полетело прочь, а сверху навалился один совершенно наглый и невозможный тип. Мой муж.

– Не прячься. Я тебе не позволю от меня бегать. Это всё мое, – нагло двинул он телом в поступательном движении. Я стала опять краснеть и злиться.

– Солнышко, не жмурься. Ты так красиво улыбаешься. Ты, наверное, очень голодна. Я уж точно. Вставай, дорогая.

Он чмокнул меня в нос и в губы и поднялся. Я почувствовала небольшое разочарование, что игра закончилась, не начавшись.

«Ты дура, Маша. Может, у них тут не положено так развлекаться. Они не такие раскрепощенные, как в твоём веке. Хотя, дома терпимости были всегда, и вряд ли Генри был монахом»

Эта мысль принесла мне дискомфорт. Я почувствовала себя несчастной.

«Господи. Всего одна ночь, и я уже ревную его к прошлому. Так вообще должно быть?»

Пока мой мозг перезагружался, сделала все свои утренние дела и оделась.

Завтракали молча. Чувствовала на себе внимательный взгляд мужчины, но была настолько поглощена самокопанием, что игнорировала его, поедая с аппетитом всё, что принесли.

– Много надумала?

Неожиданный вопрос привёл в чувство.

– С чего вы взяли? – тяжело сглотнула я.

– Ты думаешь слишком громко, – Генри отложил приборы и глотнул из бокала чай. – Маша, я осознаю, что поторопился. Не дал тебе времени подумать. Я говорил тебе, почему так поступил. И не жалею. Я счастлив, что ты будешь со мной рядом в качестве моей спутницы на всю жизнь. И сделаю всё, чтобы и ты была счастлива со мной. Мне очень бы хотелось, чтобы ты полюбила меня. Требовать это бесполезно. Но я тебе не безразличен и это даёт надежду. Все, что могу сказать тебе сейчас, это то, что никто тебя у меня не отнимет. Кем бы он ни был.

Он накрыл мою руку своей. Я растерянно смотрела в эти невозможные синие глаза и нежность наполняла моё сердце.

– Меня некому у тебя отнимать. Поверь мне. И я бы не вышла за тебя замуж поневоле. В этом тоже можешь быть уверен, как и в том, что ты мне очень нравишься и дорог мне. Спасибо, что принимаешь меня такой, какая я есть, ни о чём не спрашивая. Обещаю, что всё тебе расскажу.

Раздался стук в дверь.

– Вот и модистка пришла. Я покину тебя на время. Не скучай.

Тёплые губы коснулись лба, а затем и губ в нежном поцелуе.

– Я буду любить тебя за нас двоих. Начало уже есть – ты перестала мне выкать, – улыбнулся он. Красивая у него улыбка.

Генри ушёл, а в комнате стояла и ждала, пока я отомру, высокая худая женщина.

«Ты заслуживаешь любви, Генри, как никто другой»

Глава 20. Информация

Маша

Модистка принесла с собой несколько готовых платьев. Когда я поздоровалась и мы с ней немного познакомились, платья занесли в коробках и разложили на кровати. Все одинакового фасона, но с некоторыми различиями. Мне понравилось платье из белого батиста. По всему полотну платья разлетелись разноцветные бабочки. Тонкая вышивка бледно-голубыми, жёлтыми и розовыми нитками, глазки бабочек были из маленьких прозрачных камней, что сверкали на свету (даже мысли допустить не могла, что это бриллианты, что и выяснилось позже). Грудь и шея утопали в лёгкой пене газа.

Второе платье было из бархата тёмно-синего цвета. Оно удивительно мне шло, оттеняя цвет кожи. У меня кожа была не белоснежной и не смуглой, а лёгкого загара. Про такую говорят – поцелованная солнцем. У него был большой вырез, что драпировался белоснежными кружевами, а длинный рукав с фонариком дополнял картинку, как и широкая атласная лента синего же цвета, только темнее на несколько тонов.

Я не хотела больше выбирать, но мне посоветовали не спорить с мужчинами.

– Вы знаете Генри? – спросила я.

– Настолько хорошо, что уверена, что вы его жена, – ответила женщина, подтягивая рукава, что оказались чуть длиннее, чем следовало. – Понимаете, – продолжила она, когда я промолчала, – лорд Пэмбрук никогда не заказывал вещи ещё ни одной даме.

Я всё так же молчала. Не собиралась поощрять сплетни и тем более быть их катализатором. Если захочет, сама расскажет то, что считает нужным. И информация для меня, и как бы я ни при чём.

– Я переехала сюда из Лондона, когда вышла замуж. И лучше меня здесь модистики нет. Лучшие ткани, идеальные фасоны. Новинки. Все мужчины этого графства заказывают для своих любовниц вещи у меня. Если не сами, то платят они. И я точно знаю, кто платит. Ведь ни одна женщина не удержится от того, чтобы поделиться тем, насколько щедр её покровитель.

– Странно. Город, вроде, небольшой. Все друг друга знают. Я понимаю, в Лондоне, например, или Эдинбурге, в Париже.

– Ах-а-ха, – рассмеялась моя гостья. – Эти города больше деревни, чем этот провинциальный город. Одна крепость Пэмбруков чего стоит. Вам стоит посмотреть. К тому же, в столицах кичатся благонравием и чуть ли не святостью, а сами занимаются непотребством в самых злочных местах. Всё же благопристойнее знать, что у твоего мужа есть любовница, дама полусвета, чем то, что он собирает заразу от продажных дам. К тому же эти женщины красивы, образованны и умеют вести себя в обществе.

– Ясно. Суть одна, но упаковка красивее и элегантнее.

– Ах-а-ха-ха, – расхохоталась женщина. Я скоро смогу клоуном пойти работать, если так от моих реплик будут смеяться. – Вы чудо. Повезло лорду Пэмбруку с такой очаровательной и умной женой. Где только он вас отыскал?

– Это я его отыскала, – буркнула я.

– Что, простите?

– Это обязательно надо мерить? – кисло произнесла я, показывая на очередной шедевр портняжного искусства.

– Конечно! Всё должно сидеть безупречно. Я буду рада, если и впредь вы будете заказывать вещи у меня.

– Вы же сказали, что одна такая мастерица на весь город, – хмыкнула я.

– Не верите? – с обидой произнесла женщина. – Да, есть ещё один дом, где шьют качественную одежду. Но такую безвкусицу, что надо иметь определённый талант, чтобы так всё испортить.

– Ладно. Не обижайтесь. Я впервые здесь. Платья очень красивые и мне нравятся. Так что будем мерить следующим?

Отобрала ещё несколько вещей из верхней одежды, включая ещё одну шаль, лёгкую пелерину и шёлковый плащ с капюшоном (не удержалась). Нижнее бельё, аксессуары и обувь мадам Кларисса обещала прислать к вечеру.

У меня голова шла кругом. Поэтому я вздохнула с большим облегчением, когда за модисткой закрылась дверь.

Долго наслаждаться тишиной мне не дали. Раздался стук в дверь. Решила не открывать. Со мной не было рядом компаньонки или горничной. Насколько знаю, в эти времена женщины одни не бродили и не жили. До того, как вышла замуж, меня это не волновало, но

сейчас я должна была блюсти честь Генри.

Стук повторился. Но я промолчала. За дверью что-то прошелестело и послышались отдаляющиеся шаги. Точно женщина приходила. Я поспешила выглянуть в окно. Благо, оно выходило на улицу. Ничего разглядеть не удалось. Но через несколько секунд по дороге проехала карета, вывернув из-за угла. В оконце я чётко разглядела девушку с рыжими волосами.

– Ну, да. Совсем святой, – хмыкнула я. Захотелось что-нибудь разбить. Желательно об голову кое-кого. – Так не пойдёт. Веду себя, как пмс-ная стерва. Многое ещё узнаю, со многим придется смириться. Но только с тем, что было до меня, – решила я и позвонила в колокольчик, вызывая персонал. Мне приготовили ванну. Отлично.

Когда, наконец, пришёл Генри, я уже была спокойна, как объевшийся кроликами удав. Муж выглядел уставшим, но довольным. Принёс с собой почту и документы. Точно делами занимался. Бросил рядом на столик несколько визиток. В этом я кое-что понимала.

– Только не говори, что надо куда-то идти, – с деланным ужасом произнесла я.

– Ты же не боишься их. И притворщица из тебя никакая.

– Да уж. Актриса во мне и не рождалась. Есть хочешь?

– Да. Только голоден я по другой части, – хищно улыбнулся мужчина.

– Генри, нет, – взвизгнула я, когда меня подхватили и закружили по комнате.

– У меня голова кружится, – опустила я голову на сильное плечо.

– У меня от тебя кружится. От твоей красоты у меня захватывает дух, от твоего запаха мне хочется выть. Давай же, милая, помоги мне.

Вещи исчезли с нас в мгновение ока. Генри взял меня на весу, заставив обхватить себя ногами и насаживая на твёрдый член. Вначале было больно. Я уткнулась лицом ему в шею и чуть не скулила. Но ощущения, что обрушились на меня девятым валом, стёрли боль и стыд. Меня бросало как лодку во время бури, то вздымая на гребень волны, то бросая в пучину. Пульсировало готовое взорваться лоно, стянуло судорогой низ живота, соски болели, а губы я кусала чуть не в кровь.

– Генри, – выдохнула я, когда меня выбросило на берег океана сладострастия.

– У меня сейчас сердце остановится. Что ты со мной делаешь, девочка? Я одержим тобой.

Генри уложил меня на кровать, осыпал поцелуями лицо, шею грудь, целовал мне руки, а потом уткнулся лицом в живот и затих.

– Генри, я потная и грязная. Поднимись, мне неудобно.

– Я не закончил, – глухо произнес он. Горячее дыхание опалило кожу живота. То, что делал этот мужчина дальше, назвать можно только безумием и запретить законом.

Генри припал к моему лону и упивался им, вылизывая, целуя. Затем продолжил наш любовный марафон. После второго оргазма он наконец успокоился. Только не выпускал меня из постели, долго целуя, лаская руками грудь, живот, трогая везде. Я уже смирилась с его тактильностью и отдалась на его милость.

Глава 21. Вечер

Маша

– Вообще-то нас пригласили на ужин, – вдруг сказал Генри, приподнимая голову, оторвавшись от моей ноги.

– Я поняла. По визиткам.

– Не слышу воодушевления. Там, кстати, будут наши соседи и Артур с невестой.

– Хм. У него есть невеста?

– Ну, да. Он же граф как никак. Новоиспечённый, как и я. Должен позаботиться о наследнике.

– А ты?

– А я как раз этим и занимаюсь, – рассмеялся Генри и, подтянувшись вверх, прижал меня к себе, целуя в макушку. – Что притихла? Не хочешь детей?

– Не в этом дело.

– А в чём?

– Я просто не подумала о...

– Что будет ребёнок? И почему тебя это пугает?

– Генри, как ты объяснишь, кто я? Ведь ты должен меня как-то представить? Извини, что сама об этом не подумала.

– Маша, ты моя жена. И я тебя очень люблю. Мне всё равно, что будут думать другие.

– Мне не всё равно. Тебе здесь жить. Вращаться в этом обществе. Зря я пошла на поводу твоих и своих чувств.

– Если ты помнишь и знаешь, кто ты и откуда, почему не скажешь мне? Даже если ты из простой семьи, в чём я сомневаюсь, в этом нет ничего страшного. Маша?

– Я из самой простой среднестатистической семьи. Да, образованная, да, ухоженная. Но это норма там, откуда я. Я не готова говорить, – приподнялась я, чтобы покинуть ложе.

– Никуда ты не пойдёшь! Раз тебе так это важно, тебе придётся назваться Кэтрин. Её второе имя Мария. И этого будет достаточно.

– Я не могу притворяться кем-то, – всхлипнула я. Абсурдная ситуация выбила почву из-под ног. – Если кто-то знал Кэтрин, то ничего хорошего не получится. Я не хочу, чтобы ты врал. Я не хочу врать сама. Ни к чему хорошему ложь не приводит. Просто можно сказать, что я потеряла память, что ты привёз меня из Европы.

– Нет. Не могу.

– Почему?

– Нам придётся развестись, чтобы защитить тебя. А я этого не сделаю. Признаю, что женился, не зная, кто я. Потеряв память. Получится, что ты воспользовалась мной. Тебя никогда не примут в обществе.

– Я переживу.

– Не ты. Мы переживём. Но наши дети пострадают. Я этого не хочу.

– Как всё сложно, – вздохнула я. – Тогда...

– Нет. Ты никуда не уйдёшь. Я тебя не отпущу и найду, где бы ты ни была. Не смей меня бросать, – обнял он меня, сильно прижимая к себе. Рёбра заныли, но я не стала его отталкивать.

В итоге мы отправились на вечер в городской дом Грантов, соседей Пэмбруков. Барон Фредерик и его жена леди Алиса были очень приятными в общении людьми. Видно было, что женщина огорчилась, узнав, что Генри женился, но только тому, что их не было на свадьбе.

– Я очень рада, что он остепенился. У вас уже есть девочка. Осталось родить мальчику наследника. Он хороший, наш Генри. Достаточно настрадался, чтобы обрести своё счастье. Вы мне нравитесь, милочка.

– Спасибо, леди Алиса. Приятно, что у нас такие замечательные соседи.

Я долго слушала ещё бедную женщину, которая скучала по погибшему сыну. Мне было уютно и комфортно рядом с ней. Под её крылом я была защищена от лишнего любопытства.

А вечер шёл своим чередом. Музыка, танцы, пение. Было душно и хотелось пить. Голова болела. Пока терпимо. Я чувствовала, как горело моё лицо.

Генри то появлялся рядом, принося нам напитки, то исчезал. Его здесь знали все. Он станцевал с рыжей девушкой, что оказалась дочерью леди Алисы. Её неприкрытая неприязнь была неприятна. Так было неловко, когда девушка вешалась на мужа. Мне сказали, что они друзья детства. Почти как брат и сестра.

«Ага. Если бы ещё так называемая сестра не хотела бы оседлать моего мужа»

Я даже обрадовалась, как родному, Артуру, что припёрся с худосочной белобрысой девушкой с надменным лицом. Она была не красавицей, но и не уродкой. У нас бы её обозвали бледной молью. Девушка не блистала умом, но благополучно заменяла просветы заносчивостью и убеждённой, что её авторитет непререкаем. Интересно, насколько богат её отец?

Артур вёл себя как истинный джентльмен, обхаживая невесту. Когда её пригласил на танец один из хлыщей со смазливим лицом и амбициями выше крыши, Артур пригласил меня. Кажется, что он был рад этой передышке.

«А ещё жить с ней собрался», – пожалела идиота.

Я абсолютно не знала здешних танцев. Видела в кино что-то подобное. Да я тут запутаюсь и опозорюсь.

Пройдя первый ряд каких-то там танцевальных фигур, так жалобно посмотрела на Артура, что он немедленно вывел меня на балкон. Я упёрлась на перила и задышала полной грудью.

– Я принесу попить? – предложил он.

– Нет. Позови Генри. Я хочу уехать, – попросила я.

– Ты же не Кэтрин, – вдруг сказал он с уверенностью.

– А ты её знал, – так же парировала я. Было холодно. Ещё чуть-чуть – и меня начнёт трясти.

– Да. Я не просто её знал. Я спал с ней. Я познакомился с ней раньше, чем Генри.

– А попался он. Так? – ухмыльнулась я. Внутри у меня всё скрутилось от страха.

– Не надо меня бояться. Если ты не обидишь кузена, я не буду трогать тебя.

– Похвально, что ты так о нём печешься. Уж кто-кто, я последний человек, который...

– Мария, он не просто в тебя влюблён, – перебил он меня. – Я знаю Генри. Ты сломаешь его. Не играй с ним.

– Что здесь происходит? – появился на балконе Генри. За ним маячила фигура рыжей. Правда, близко она не подходила. Ясно, кто нас «сдал».

– Как хорошо, что ты сам пришёл. Я хотел идти за тобой, но боялся, что Мария упадёт. Ей стало плохо во время танца. Тебе стоит увести её отсюда, – вывернулся из неудобной ситуации Артур.

– Маша!? – подошёл ко мне Генри и поцеловал в лоб. – Ты такая горячая. А руки ледяные. Господи, ты заболела, – он подхватил меня на руки.

– Нет. Отпусти меня. Я постараюсь дойти сама. Хотя бы до выхода. Прощу тебя. Только держи меня крепче. Ладно?

– Я позову экипаж, – исчез Артур.

Из кареты вылезти сама я уже не смогла. Генри отнес меня наверх на руках. Я смутно запомнила невысокого полного мужчину, что трогал меня за запястье, слушал лёгкие. Пытался пустить мне кровь, но я воспротивилась. Хорошо не послала его могучим и надёжным.

Генри выпроводил доктора восвояси.

– Маша, что ты творишь?

– Шарлатан он, а не доктор. Кровь он мне пустить хочет. А то, что я недавно чуть не умерла от кровопотери и мне перелили чужую, чтобы спасти жизнь, он не знает.

– Что ты городишь? У тебя бред, – не очень уверенно произнес Генри. Но мне уже было до лампочки. Мне было так плохо, что хотелось умереть. Здесь и сейчас. Но нельзя.

– Генри!?

– Да, дорогая!

– Найди спирт. Разведи водой половина на половину или две к четверти, и оботри меня. Надо сбить эту чёртову температуру. И лимоны. Мёд и лимоны. С крепким чаем.

К утру я уснула крепким сном, а Генри вырубился рядом со мной. Лечение прошло успешно.

Глава 22. Приглашение

Генри

Я решил, что хватит нам приключений. Пора отправляться домой. Нас дома Лиззи ждёт. У дочери теперь будет полноценная семья.

Маша ещё спала. Над верхней губой бисеринки пота. Аккуратно прижался губами ко лбу. Холодный. Значит, температуры нет. Но кожа не должна быть такой холодной. Вывезти её сейчас домой было бы правильно, но нельзя. Надо дать ей хотя бы день отлежаться. Так меня напугала вчера.

Я вспомнил, что они были на балконе вдвоём с Артуром. Недолго, правда. Нет причин не верить другу. Маше действительно было плохо. Но почему-то у меня создалось впечатление, что между ними состоялся разговор. Неприятный, по-видимому. Маша не жалуется мужчине. Не скажу, что я этим расстроен, наоборот. Артуру нравится моя жена. И довольно сильно. Я его не виню, но попрошу, чтобы не вился около неё. И дело не в том, (хотя и в том), что я её ревную. А в состоянии жены (так приятно называть её женой). Она морально и нравственно истощена. Не говоря уже о физическом напряжении.

Я ещё не спросил её, где она получила такие раны. По состоянию рубца на бедре видно, что рана была тяжёлой. И была нанесена недавно. Белая отметина полумесяцем на голове. Если бы сама не показала, едва ли знал о ней. Большая кровопотеря, о которой она упомянула и боязнь доктора. Где её ранили? От чего она бежала? Неужели тоже с войны? Тогда, получается, что она приехала из Европы целенаправленно ко мне, раз попала в Уэльс, Пэмбрукшир. Это не случайность. Столько вопросов нужно задать и получить на них правдивые ответы...

Но это не значит, что я её отпускаю. Я заполучил её, почти насильно заставил. И не жалею.

– Даже целуется неумело. Где же ты росла, милая? Только одно объяснение – ты знала Кэтрин и была послушницей того же монастыря. Именно. Вот и объяснение. Надо выяснить,

кто ты. Хотя, мне всё равно. Кэтрин умерла, царствие ей небесное. Да здравствует Маша.

Настроение эти измышления не испортили. Я решил спуститься, чтобы заказать горячий бульон. Не хотелось, чтобы стуком в дверь горничная разбудила мою малышку.

Решил попить кофе в ресторации, пока ждал.

– Лорд Пэмбрук, вам письмо, – подали мне на подносе конверт.

В нём оказалось приглашение на бал, который состоится в Кардиффе. Его устраивал маркиз Бьют. Средства, собранные на таких балах, шли на пользу города. Отказаться не получится. Идти одному не с руки, а тащить туда Машу нельзя. Она не здорова. Хотя, это был бы отличный случай представить её большему числу людей из света. Со временем придётся бывать и на балах, и на приёмах.

Лорд Джон Крайтон Стюарт был интересной личностью с богатой родословной. Титул маркиза он получил после смерти деда по отцовской линии, несколько лет назад. Как барон Кардифф, он являлся также пэром Англии. Титулы граф Дамфрис, граф Виндзор и ещё куча званий и титулов прослеживали в его крови струю королевской крови. Не забываем о Стюартах (потомок, хоть и внебрачного сына короля Шотландии Роберта Второго Стюарта).

За размышлениями я и не заметил, как пролетело время. Я поднялся в номер, открывая дверь перед служанкой, что занесла поднос с бульоном. Через шторы была видна кровать, на которой всё ещё спала Маша. Я только собрался разбудить её, как в дверь постучали. Я недовольно поморщился. Принесли коробки с одеждой, обувью и другими женскими штучками. Я решил попозже зайти в банк и забрать кое-что.

– Генри, кто-то приходил, – появилась в дверном проёме Маша. Она была бледной, но слегка опухшее от сна лицо меня умилило. В два шага сократил расстояние между нами и обнял своё чудо. Такая тёплая, мягкая, сонная, что плакать хотелось от нежности, что я испытывал к этой девушке.

– Я так тебя люблю, дорогая!

– Звучит так, как будто ты что-то натворил и должен мне признаться. Как минимум в ограблении, – приглушённо сказала она. Я весело рассмеялся. Жена у меня забавно высказывается. Хоть стой, хоть падай.

– А максимум?

– А есть причины подозревать, что облажался по максимуму? – спросила она, откинув голову и, прищурившись, всматриваясь мне в лицо. – По выражению безграничного удивления и недоумения на лице, то нет. Ты просто признался в чувствах ко мне. Вау!!! Еда-а-а-а! Какая прелесть! Я проголодалась.

Она стремительно исчезла в ванной. Я был несколько в растерянности от её поведения и разговорной, порой непонятной, речи, но её непосредственность и искренность подкупали. И я не хотел этого в ней менять.

Маша недолго отсутствовала. Но за это время я вытряхнул все непреложные истины жизни аристократии, что вбивали мне в голову и придавливали прессом нотаций по этике и правилам поведения, а также отношениям между супругами из своей больной головы. И так стало легко на душе.

– Ты почему сидишь? Кушать надо, пока горячее, а то невкусно будет, – всплеснула руками жена (всё ещё привыкаю к тому, что эта девушка принадлежит мне).

– Тогда приступим. Я рад, что тебе лучше, – отозвался я. – Кстати, всё это добро твоё, – указал я на коробки.

– Вот это всё? – округлила глаза Маша, да ещё и приоткрыла рот, чтобы затем облизнуть

пухлые губы. Влажные, чётко очерченные, сочные (я знал их вкус), они просились на поцелуй.

– Я есть хочу, Генри, – строго сказала Маша. До меня дошло, что я замер, уставившись на её губы.

– Я только смотрю, – откашлялся я, чтобы прочистить горло, чтобы не говорить охрипшим от возбуждения голосом.

– Ты громко думаешь. И сглотнул, как голодный волк перед ягнёнком.

Она говорила и продолжала есть. Я завидовал каждому кусочку еды, что касались её губ и языка.

– Ну Генри!? – возмущённо вскрикнула она, но я видел, что что мой взгляд её смущает. Я был доволен.

– Будешь примерять? – спросил я, когда поднос унесли.

– Вот это всё? – махнула рукой Маша, показывая на коробки.

– Да. Надо же посмотреть, как моя жена выглядит. Мы обязательно закажем новый гардероб, как соберёмся в Лондон, – пообещал я.

– Зачем? Мне понравилась модистка. Вещи качественные, удобные и в моём вкусе. Строго и с шармом.

– Раз тебе нравится, то нормально. Но это не отменяет того, что я тебя хочу радовать.

– Тебя что-то тревожит? – вдруг спросила она. К её талантам и достоинствам добавился ещё один – проницательность.

– Почему ты так решила? – спросил я, отправляясь вслед в спальню.

– Я одеться хочу, – остановила она меня, упираясь в грудь.

– Я тебе помогу, – преодолел я её сопротивление и прижал к себе. Возбуждение нарастало. Кончики пальцев мучил зуд, хотелось зарыться в волосы, притягивая к себе за затылок. Второй рукой притянул за талию. Не сбежит.

– Как? Ты меня только отвлекаешь, – прошептала она и сама потянулась за поцелуем. Разве можно отказать.

Я готов её отвлекать так постоянно. Поцелуй сразу превратился в горячий, жадный, влажный, крадущий воздух. Мои руки переключались на округлые ягодицы, когда она обняла меня за шею. Я подкинул её, заставляя обвить ногами торс. Я вложил мою драгоценную ношу на кровать. Как смог освободить член из тесных брюк и открыть доступ к влажным складкам, останется загадкой, потому что голова кружилась, сердце гулко стучало, а воздух закончился, но мы не могли оторваться друг от друга. Я резко двинулся бедрами вперёд, погружаясь во влажную, горячую, тесную глубину. Маша дала мне доступ к воздуху, со стоном выгнувшись всем телом, прижимаясь ещё сильнее низом живота.

«Господи, за какие заслуги мне такое блаженство?»

Я сорвался на сумасшедший ритм, открывая дорогу в небеса.

Глава 23. Приготовления к балу

Маша

– Так скажешь, что тебя тревожит? – спросила я, нежась в горячих объятиях.

Я вдыхала пряный мужской аромат и рисовала пальцем по коже груди, иногда задевая бусинки сосков. Я впервые смогла рассматривать его при дневном свете. За окном бурлила жизнь. А здесь, в тишине душноватой комнаты, наполненной вязким запахом секса, я отчаянно хотела побыть подольше со своим мужчиной, если же повезёт продолжить приятный марафон.

Я становилась жадной и падкой на это тело, на удовольствие, которое оно мне дарит. Хотелось облизать кожу, покрытую испариной, пока она не высохла. Может, это последствия моего одиночества, что я несла долго одна, скорбно, как личное горе, не делясь им ни с кем? А сейчас я влюблена. Мне открыли двери в сексуальный мир. И я не могла насытиться. Смущалась и, откровенно говоря, боялась, что меня не поймут. Кто его знает, какие заморочки бывают у мужчин этого века?

Генри молчал. Или не хотел отвечать, или нечего было говорить. Он просто притянул меня к себе и поцеловал в макушку. Я почувствовала разочарование.

– Ладно, пойду приму ванну, – сказала я и хотела встать, откинув одеяло.

Стройное поджарое тело, представшее моему взору, заставило смутиться от вспыхнувшего желания. Я загорелась, как сухая солома.

– Или сюда, – потянул меня к себе Генри. Но я не хотела просто лежать бревном.

– Подожди, – выдохнула я.

– Хочешь посмотреть? – ухмыльнулся мужчина и полностью откинул одеяло, открывая вид на длинные ноги и пах. Густая поросль коротких волос служила гнездом для длинного гладкого члена с круглой утолщённой головкой. Я провела пальцем по рёбрам, погладила живот, растопыренными пальцами придавила его, ощущая упругость пресловутых кубиков. Прошлась пальцем по стволу, взяла в ладонь яички. Генри шумно вздохнул. Мне понравилась его реакция. Я смотрела во все глаза, перекатывая в ладони драгоценные шары, наблюдая, как меняется лицо мужчины – от ошеломлённого до страдальческого. Он резко открыл горящие тёмным огнём глаза. Убрала руку. Но он перехватил её длинными пальцами.

– Потрогай меня ещё. Пожалуйста, – хрипло попросил он.

Я послушалась. Только сделала по-своему. Прошлась широким мазком языком по солоноватой коже оживающего члена.

– Господи, Маша!? Что ты делаешь? – вскрикнул он, дёрнувшись, как под током.

– Не нравится? Извини, – выпрямилась я и отвернулась, чтобы сползти с кровати с другой стороны.

– Не смей уходить. Вернись обратно, – резковато заявил муж.

– То – «что ты делаешь», то – «не смей уходить». Может, разберёшься в своих желаниях? – с обидой произнесла я.

– Прости. Это просто неожиданно для меня. Такие вещи делают только...

– Что замялся? Проститутки?

– Я этого не говорил, – возмутился муж.

– Ты не готов к откровениям. Жаль. У меня желание пропало. Хотела порадовать тебя и себя заодно.

– Пожалуйста, вернись. А я тебе расскажу о том, что меня тревожит.

Растерянное, раскрасневшееся в предвкушении лицо, и его робкая попытка заинтересовать предложением. Жаль мужика.

– Эх! Была не была. Один мудрый человек сказал, что ничего нет постыдного и запретного в том, что приемлют оба партнёра в постели. Речь шла о сексе, между прочим, – я подтянулась, поцеловала мужа в губы и сползла вниз. – Учти: я это делаю впервые. Мне интересно, какова будет твоя реакция и понравится ли мне мой новый опыт.

Взяла в руки член. Провела рукой вверх-вниз. Затем поцеловала головку, лизнула языком.

– На вкус необычно. Но не противно, – прокомментировала я свои действия.

Генри же нервно хохотнул.

Продолжила свой эксперимент. Движение головой становились быстрее, губы сползали всё ниже, пока не уткнулась носом в пах, а головка не упёрлась в глотку. Я замерла, пытаюсь заглушить спазмы тошноты, а мужчина подо мной задышался.

Когда я сделала ещё одно размашистое движение, снова насаживаясь по полной, он издал низкий рык и зарылся рукой в мои волосы на затылке. Почувствовав, что член увеличился немного, я успела его вытащить и закончить всё рукой. Сперма стрельнула молочно-вязкой струёй, после вытекая толчками.

– Ты невероятна, милая. Не смотри на это, иди сюда.

Генри смял мои губы в жестком поцелуе. Затем посасывал их, кусал. Гладил слегка дрожащими руками лицо, шею, мямлил ягодицы, груди, терзал соски губами и зубами, пока опять не возбуждился. Резкий поворот – и меня поставили в коленно-локтевую.

– Моя девочка любознательна и чувствительна. Ты раздраконила меня. Хочу отыметь тебя так, чтобы ходить не могла, – жарко шептал мне на ухо муж, и добавил ещё кучу непристойностей, что странно было слышать, но заводило до ужаса.

Удар по ягодице заставил взвизгнуть. Не больно, а странно и возбуждающе. Почувствовала, как головка коснулась входа.

– Я люблю тебя, Маша.

От резкого вхождения вскрикнула и дернулась вперёд, но меня крепко держали за ягодицы. Толчок, ещё толчок. Размашистые, жёсткие фрикции привели к финалу быстро. Сотрясающееся от оргазма тело рухнуло на постель, а Генри упал рядом, хотя я предпочла бы, чтобы он придавил меня своей тяжестью.

– С каждым разом я тону в тебе всё больше. Это нормально? – спросил Генри, целуя меня в лоб. Скромно, по сравнению с тем, что было. Но так необходимо.

– Ты обещал рассказать о том, что тебя тревожит.

– Маша, ты изверг. В такой момент ты можешь думать о чём-то постороннем? – возмутился муж, но глаза блестели искорками счастья и нежности.

– Я боюсь, что привыкну к такому взгляду, – выдохнула я. Захотелось плакать.

– Что такое? Даже не думай плакать, – сжал меня в объятиях муж. – Давай, я всё же скажу о своей проблеме? – попытался меня отвлечь Генри.

Я кивнула, неэстетично шмыгнув носом. Муж рассмеялся и чмокнул меня в нос. Ночь прошла спокойно. В объятиях мужа было спокойно и уютно.

Генри всё же поделился со мной своими опасениями. Рассказал, что нас пригласили на бал, и признался, что не хочет меня на него брать, чтобы не утомлять, ведь я болею. Это же другой город. Дорога в карете долгая. А самому ему ехать не хотелось.

Но я заверила его, что всё будет хорошо.

Рано утром выехали в Кардифф. Прибыли мы в день бала. Мы поселились в собственном доме. Это всё же лучше, чем в гостинице. Удалось урвать время для сна.

Затем несколько часов уделили моей подготовке. Ванна, одежда, причёска. От макияжа я отказалась. Не привлекала мысль покрыться сыпью от незнакомых смесей. Не сегодня, по крайней мере. Я и так никогда не использовала парфюмерию.

Генри занимался собой. На мне было то батистовое платье с бабочками, на плечи накинута кремовая шелковая шаль, вышитая по краю перистыми листьями серебряной нитью. Белые атласные туфли на тонкой подошве дополняли ансамбль. Генри надел чёрный фрак, белые брюки и чёрные, из тонкой кожи, сапоги. Немного был похож на кузнечика. Я вспомнила времена Наташи Ростово́й. Шёлковый платок на шее был завязан в пышный бант.

Мы в полном боекомплекте для светского бала стояли у зеркала.

– Красивая пара, не находишь? – спросил Генри, вытаскивая из какой-то шкатулки, что он принес днём, отлучившись на час, кольцо.

– Что это? – задала я глупый вопрос. Но промолчать не получилось.

Серебряное кольцо с крупными бриллиантами украсило шею. Затем своё место заняли удлинённые серьги из комплекта и браслет. На безымянный палец муж мне надел кольцо с огромным розовым бриллиантом.

– Мне надо было это сделать раньше. Прости, что опоздал. Хотел подарить самое лучшее.

– Ты не опоздал. Только, вот боюсь, что я сейчас представляю лакомый кусочек для воров. Прямо, как окорок для гиен, – нервно рассмеялась я.

– Я рядом. Не волнуйся. Таких окороков сегодня будем много. Воров не хватит.

Глава 24. Бал

Генри

Я переживал за Машу. Когда я сказал ей, что должен появиться на балу, который состоится в Кардиффе, она сказала, что не может меня отпустить в террариум одного. Я так долго смеялся с её сравнения светского общества со скоплением змей, что жена дулась на меня весь день. Ехать в карете молча было скучно, поэтому пришлось просто целовать упрямую девчонку до тех пор, пока она не сдалась. Я чуть не разложил её на жёстком сиденье кареты.

– Я и так попу отбила о сиденье скамьи этого ездового корыта, что незаслуженно называется каретой, да ещё и локтем приложилась знатно, ещё и ты решил превратить мою кожу в шкуру леопарда? Пусти, – возмущённо отпихивалась она. Но ничего не имела против того, что жесткость скамьи заменили мои бёдра, а крепкие стены – моя грудная клетка. Правда, дальше поцелуев в деревянном ящике на колесах дело не пошло.

Я ругался на чём свет стоит, что пришлось воспользоваться услугами знакомого. Моя карета требовала ремонта, поэтому позаимствовал его транспорт. Доехали с горем пополам. Маша расспрашивала меня о людях, что должны быть на балу. По её словам, она не хотела выглядеть невежей или невоспитанной. А по мне так они сами должны быть счастливы, что познакомятся с такой интересной девушкой. Она не шла ни в какое сравнение с кислыми, жеманными куклами с ватой вместо мозгов. За редким исключением, конечно.

– Я не бывала на светских раутах. Не умею вести бессмысленные разговоры с

подоплёкой, танцевать. Тебе будет стыдно за такую жену.

Я бы поверил ей, если бы не видел смешинки в глазах. Видно было, что она особо не переживает.

– Ты же меня защитить едешь от змеюк всяких. Зачем тебе вести бессмысленные разговоры с кем-либо? Да ещё и с подоплёкой? Это как? – поинтересовался я. Не зная общество, Маша прекрасно поняла его суть.

– Да ладно. Можно подумать, что я избегу расспросов, завуалированных под сочувствие и доброжелательность. Ты же богат, титулован, интересный мужчина в конце концов. Хотя, без первых двух пунктов твои мужественность, ум и благородство никому не нужны. Зачем хлеб, если можно давиться икрой и маслом. Зато ложками есть можно. А если напрямую, то неужели происхождение моей персоны не вызовет вопросов? Кто твоя жена? Мы об этом не говорим: нас всё устраивает, но от этого проблема не исчезает.

– Я не могу тебе опять предлагать притворяться кем-то ещё. Никому не должно быть дела, кто ты. Просто не отвечай на прямые вопросы. Я сам разрешу эту проблему, – уверенным голосом сказал я, а сам крепко прижал к себе жену. Казалось, что она исчезнет или её отнимут у меня.

Я врал себе и пытался успокоить её. Но Маша не поддавалась моей уверенности. Она мягко вывернулась из моих объятий.

– Прости меня, пожалуйста. Я не думала, что всё так запутается. И предположить не могла, что ты мне понравишься, да и чувства Лиззи не на последнем месте. Упала, как снег на голову. Думаю, что твой вариант можно оставить. Побуду Кэтрин Эшли. Как бы мне не было это противно. Я не хочу, чтобы ты изворачивался и чувствовал себя неуютно перед этими снобами, – Маша поцеловала меня в щёку и пристально посмотрела в глаза. – Знаешь, что меня больше тревожит?

Я покачал головой, заглядывая в эти красивые тёмно-карие глаза.

– То, что ты можешь усомниться в моей честности. То, что ты можешь подумать, что я использую тебя. Если возникнет хоть капля сомнения, не смей это скрывать от меня. Я уйду. Просто исчезну из твоей жизни так же, как и появилась. Можешь мне поверить.

– Маша, милая, не смей так говорить! Мне не важно, откуда ты, кто ты. Ты моя. Я тебя нашёл и сделал своей не для того, чтобы отпустить. Слышишь?

Мне так стало страшно. Она говорила с такой уверенностью. В своей жизни я даже мужчин мало встречал, которые были так честны и уверены в своих словах. Я нутром чувствовал, что она говорит от всего сердца.

– Я люблю тебя, дорогая. Если что-то тебя смущать будет, обещаю, что расскажешь мне об этом прежде, чем что-нибудь решишь, – я целовал её губы, покрасневшие щёки, и с мольбой смотрел в эти глубокие глаза.

– Хорошо. Согласна, – улыбнулась она. Я с облегчением выдохнул.

Больше мы к этой теме не возвращались. Маша задавала вопросы, я отвечал. О войне, о моей учительской деятельности, о женщинах. Вот нашла, о чём спрашивать.

– Маша, серьёзно, ты хочешь об этом знать? – с изумлением и некоторой раздражительностью спросил я. Зачем ей это? Ещё обидится. Не поймёшь, что у этих женщин на уме.

– Не хочешь – не говори. Только, если хоть одна расфуфыренная мамзель подойдёт и скажет, что у вас любовь давно и надолго, пострадаешь ты. Я этого терпеть не буду. Пусть говорят, что я невоспитанная дикарка, – фыркнула жена.

– Ты ревнуешь? – не сказать, как меня это обрадовало.

– Я? Ещё не к кому. Надеюсь, что и не придётся, – пересела от меня моя ревнивая малышка.

– Маша, – сжал я её длинные красивые пальцы в ладонях и поднёс к губам, – я даю тебе слово, что среди этих женщин нет ни одной моей любовницы.

Поцеловав каждый пальчик, отпустил.

– Я не безгрешен. Но это не тот случай, когда тебе стоит чего-то бояться или переживать.

– Ладно. Этот вопрос решили.

Благо в Кардиффе нам не нужно было селиться в гостинице. Здесь был свой собственный дом. Каменный, двухэтажный. Содержался в идеальном состоянии. Суровый дед умел подбирать слуг. Преданных и умелых. Уделили несколько часов на отдых, а затем пошла подготовка к балу.

Вот мы и готовы на выход. Я был очарован своей женой. В который раз. Стройная женщина с тёмными волосами, поднятыми на макушку и скреплёнными заколками так, что они образовали небольшой фонтан из крупных кудрей. С поцелованной солнцем гладкой кожей, медовой на вкус и совершенным лицом. Она была похожа на ожившую богиню в этом белом платье с бабочками. Я решил, что пора отдать драгоценности мамы своей жене. Они смотрелись на ней изумительно. Кажется, ей понравилось только кольцо, что я надел на её безымянный палец.

Площадь перед парадной была забита экипажами. Нам пришлось встать в очередь, чтобы добраться до верха. Встречал сам хозяин дома – лорд Джон с женой, леди Марией.

Мне показалось, что лорд Джон с явным интересом посмотрел на Машу, когда нас объявили. Всего несколько секунд, но этого хватило, чтобы я разволновался. Как я мог забыть, что Кэтрин в своё время говорила о своём родстве с первым маркизом Бьютом? Лорд Джон получил титул второго маркиза Бьюта от деда, потому что его отец умер молодым вскоре после рождения сына. Так кем была Кэтрин для него? Внебрачной дочерью его отца, графа Маунстрита? Он умер молодым. Примерно, когда Кэтрин было четыре года. Я встретил её, когда ей было всего семнадцать. Лиззи восемь. Всё сходится.

«Господи! – взвыл я, пытаюсь держать себя в руках. – Вот мне это сейчас нужно? Я раньше никогда не задавался вопросом – кто отец Кэтрин? Его жена – дочь графа Дамфриса из Шотландии. Одно время они жили там. Вполне возможно, что девочка родилась там. А потом её отдали на воспитание мадам Фаррел. Надо приглядывать за Машей. Мало ли что взбредёт в голову маркизу. Ведь он единственный сын и наследник. И у самого нет ещё детей. Хоть Маша и не является для него угрозой, быть настороже не мешает»

– Смотри, леди Алиса! – обрадовано воскликнула Маша, и мы направились к чете Грант. Леди Алиса тепло приветствовала жену, и я очень был этому рад.

– Прошу вас, леди Грант, не окажете любезность присмотреть за Марией? Ей здесь некомфортно. Никого не знает. И она болела недавно, вы же знаете?

– Да, дорогая? Как вы себя чувствуете? – с беспокойством спросила леди Алиса и, потянув за руку, усадила Машу рядом с собой.

– Первый танец мой, Генри, – раздался рядом голос Пенелопы.

– Что ты себе позволяешь, несносная девчонка? Разве можно так разговаривать с мужчиной? – возмутилась леди Грант.

– Он не посторонний мужчина, а почти брат. Так что могу, – надула губы девушка и с

ожиданием, что я подтвержу её слова, уставила на меня. Я мельком взглянул на Машу, она была увлечена разворачивающимся действием в зале. Там становились в пары для полонеза.

– Первый танец я танцую с моей очаровательной женой, – произнёс я, даже не зная, можно ли положиться на это танец. Надеюсь, Маша справится.

– Тогда мазурка и котильон мои, – капризно заявила девушка. Мне не очень понравилась её напористость. Раньше она вела себя намного скромнее.

Но я не мог оскорбить леди Грант отказом её дочери. Сам лорд, отвлечённый разговором с одним из своих старых друзей, только иногда посматривал на нашу группу, явно не одобряя слишком вызывающего поведения дочери. Хотя ничего и не было слышно, зато весь её вид говорил за себя. Так незамужние девушки себя не ведут.

– Конечно, мисс Пенелопа, – я поцеловал руку девушки. Затем протянул свою руку жене.

Только отойдя подальше и влившись в ряд танцующих, я испытал облегчение.

– Расслабься. Ты так напряжён, – сказала Маша, придвинувшись ближе. Иначе я бы ничего не услышал. Музыка играла слишком громко.

Я кивнул и повёл Машу в танце.

Глава 25. Интриги

Маша

Я рада была, что эта пытка с танцами закончилась. Мне Генри говорил, что, если не пропущу первый танец, смогу дальше сидеть спокойно до конца вечера.

Генри не так повезло. Рыжая стержовная девица вцепилась в него мёртвой хваткой. Я была счастлива, что она сможет протанцевать только два танца с одним мужчиной. Хорошее правило для зарвавшихся девиц. Это она приходила в гостиницу в Пэмбруке, а после показала Генри, что я на балконе с Артуром. Сейчас же висит на моем муже, чуть ли не плющом обвиваясь вокруг него. Я видела, как леди Алиса поджимала губы, недовольная поведением дочери.

– Прости её, милочка. Она так любила брата. Ведь мой Эдвард и Генри были хорошими друзьями. Были почти неразлучны. А Пенни всегда бегала за ними хвостиком. Это были хорошие времена.

– Я всё понимаю. Вашей дочери просто не хватает брата, как вам сына, – произнесла я с сочувствием. Но это не отменяло того, что мне хотелось повырывать этой пиявке её рыжие пряди.

– Вы ангел, милая, – отвлекла меня от мыслей о кровавой расправе над её дочерью леди Алиса. Знала бы она, какие муки я ей придумываю про себя.

– Мне бы в дамскую комнату, – тихо сказала я на ухо даме.

– Марджори, проводи леди Пэмбрук в дамскую комнату, – попросила она серую худосочную женщину неопределённого возраста, что в качестве компаньонки сопровождала леди Грант. Только я не могла понять, что такого компанейского было в этой серой мышши. Хотя, возможно, вдвоём они находили много такого, о чём можно посудачить. Скучно, наверное, всё время ничего не делать. Даже серая мышшь покажется интересной собеседницей.

Не успела я приземлиться в кабинке, как в ванную комнату зашёл ещё кто-то. Сделав свои дела, быстро вышла из кабинки. Ждать, пока выйдут из помещения, смысла не имело.

Чему я поразились, так это человеку, который терпеливо ждал именно меня.

– Наконец-то мне удалось познакомиться с тобой, Кэтрин, – стараясь не выдавать своего волнения, произнесла леди Бьюк.

– Мне тоже приятно познакомиться с вами. Но по тону вашего голоса чувствую, что вам не так приятно. Хотелось бы знать, чем я не угодила вам, – поинтересовалась я.

– Всё ты знаешь. А ведёшь себя так, как будто ничего не помнишь. Я вообще думала, что ты умерла. Как сложно жить в мире, где кругом обман.

Женщина сокрушённо покачала головой.

– Вы расстроены тем, что я жива? Леди, я вас впервые вижу. И мне нет никакого дела до вас, да и до других членов этого общества. Наслаждайтесь своими гостями и оставьте меня в покое. Обещаю, что постараюсь больше с вами не пересекаться. По крайней мере, буду избегать таких возможностей.

Я хотела гордо прошествовать мимо, но меня перехватили. Я вырвала свой локоть из цепкой руки.

– Не прикасайтесь ко мне.

– Какой праведный гнев. Да ты артистка, какую поискать, – восхитилась моя собеседница.

– У меня нет ни малейшего желания продолжать этот нелепый разговор. На будущее вам совет – прежде, чем говорить гадости человеку, сначала объясните, в чём вы его обвиняете.

– Ты мне советы не давай. Я знаю, что ты за птица. Меня не обманешь. Даже не смей думать, что тебе что-то перепадёт. Я обязательно рожу сына. Пусть дочь. И всё перейдёт моему внуку, – яростно заговорила леди.

– Эй, притормозите лошадей. Вы не понимаете нормальный человеческий язык? Мне дела нет ни до вас, ни до ваших интриг с наследством. Оставьте меня в покое.

Я вырвалась, и смогла, наконец, покинуть эту комнату. Возле двери околачивалась Пенелопа. Чуть дальше стояла Марджори.

«Будь, что будет. Надо этих светских львиц (стерв) поставить на место сразу. Иначе не оберёшься проблем. Одна вбила себе в голову, что я помеха её не родившимся детям, вторая липнет к женатому человеку. Знать бы, на что рассчитывает. На мою смерть, как минимум. Ведь развода Генри не дадут. Сумасшествие жены – не повод от неё избавиться. Я знаю это: смотрела Джейн Эйр»

– Пенелопа, пройдёмте в сад. Мне что-то нехорошо, – сказала я тихим голосом. Прикидываться слабой мне не было необходимости. Я устала, не сколько физически, сколько морально.

По побледневшему лицу девушки и её нервозности видно было, что она кое-что слышала. Может поняла, а может нет, о чём шла речь. Но это не важно.

– Марджори, вы можете идти. Мы сейчас придём, – отправила я восвояси компаньонку. Не знаю, можно так делать или нет, но нас двое. Я замужняя женщина, так что честь рыжей дуры будет защищена. Кто бы меня от этих выдр защитил?

– Послушай сюда, Пенни. Генри ты не получишь. Это однозначно, – сразу же взяла я быка за рога. – Могу вырезать тебе это на лбу. Будешь каждый день смотреть в зеркало и читать эту надпись, если не понимаешь намёков. Вас же учат этому с пелёнок – этикету, правилам поведения. Ты нарушила не одно правило сегодня. Зачем тебе сплетни? Я его жена. И ей останусь. У нас ребенок, если ты забыла. Найди себе жениха побыстрее и

нарожай детишек, пока возраст позволяет. Ты уже метишь в старые девы. Если сама не найдёшь, тебе найдут престарелого пня, у которого член рукой держать надо будет или мота, пьянчугу, которому нужно будет только твоё приданое. Пойдём. Мне уже лучше. Не хочу, чтобы нас искали по закоулкам. Генри очень ревнивый.

– Я люблю его. Я давно его люблю. Это ты его отняла у меня! – начала всхлипывать девушка.

– Господи, мне только этой ванили с первой влюблённостью не хватало. Ты представляешь Генри, своего названного брата, в качестве мужа? Представь, что он тебя целует, раздевает и касается тех мест, которых ты сама стесняешься касаться. Или всё же трогаешь себя?

– Вы ненормальная, – задыхаясь, воскликнула девушка и ринулась обратно в зал.

– Не так быстро, милая. Здесь слишком много глаз, – перехватила я её.

«Ух ты! Как драпанула-то. Она что, думала, он с ней в куклы будет играть? Хотя, здесь жён особо не балуют. По тому, что я читала, жена только для рождения наследника. Раз в год поимел жену, обрюхатил её и пошёл гулять по любовницам. Здорово мужики устраивают свою жизнь во все времена»

Я подхватила девушку под руку и повела её через весь зал по кругу к матери. Когда перед нами нарисовался Генри, девушка покраснела до стадии спелого помидора и умчалась так быстро, как будто за ней гналась стая диких собак.

– Что-то случилось, милая? Тебе было плохо? – заботливо взял меня под руку муж.

– Может, уже поедem домой?

– Хорошо. Приличия мы соблюли. Выказали уважение хозяевам. Пойдём. Я выведу тебя из зала. Мне надо будет проститься с лордом и леди Бьюк. Скажу, что тебе плохо.

– Спасибо, дорогой. Ты лучший.

Одна я сидела недолго, устроившись на мягком диване, обтянутом бархатом.

– Леди Пэмбрук?

– Да? – подняла я голову.

Артур собственной персоной со своей невестой и ещё какой-то девицей, одетой в тёмное платье. Компаньонки все серые. Но девушка была очень симпатичной, хоть и старалась скрыть свою натуральную красоту.

– Вам плохо?

– Немного. Сейчас Генри подойдёт. Вы не переживайте. Леди Кент, приятно вас видеть снова, – сказала я, и девушка слегка склонила голову.

– Я здесь, милая. Приветствую вас, леди, – склонился Генри к руке этой селёдки. Ни искры жизни в глазах, как так можно?

– Моя помощь нужна? – вежливо поинтересовался Артур.

– Нет. Спасибо. Развлекайтесь. Моя жена просто переутомилась. Она только переболела.

– Выздоровливайте.

– Спасибо.

Когда мы уместились в карете, я прислонилась к мужу. Но его фрак провонял приторными духами. Я отодвинула борт пиджака и уткнулась носом в ямку под ключицей. Рубашка пахла любимым мужчиной.

Хоть и ехать было недалеко, я уснула. И Генри пришлось меня тащить на руках в спальню и переодеть самому. У меня просто не открывались глаза.

– Я страшно хочу спать, – простонала я.

– Я рядом, милая. Спи спокойно.

Как же хорошо без этих людишек, погрязших в интригах и вечной возне с наследством, титулами, браками и всякой другой ерунде. Главное, чтобы рядом был дорогой тебе человек. В голове промелькнул на мгновение образ моей сестры Наташи. Я запретила себе думать о ней. Не сейчас. Лучше поспать.

Глава 26. Ревность

Генри

Если бы не Маша, я бы не выдержал этой пытки и ушёл бы сразу после первого же танца. Хорошо хоть с женой танцевал. Маша была напряжена, но быстро вошла в колею. Не так это и сложно. Она гибкая, стройная девочка. И очень красивая. Её тёмно-карие глаза искрились, нежные щеки алели, как лепестки роз. Полные, красивой формы губы пленяли лёгкой загадочной улыбкой. И, слава всем святым, она улыбалась только мне. Я знаю, потому что не спускал с неё глаз. Она смотрела только на меня. Я утопал в этих тёмных глубинах, где сверкали звёзды.

«Господи, можно ли любить ещё больше, чем я люблю эту женщину? Чем я заслужил её? Спасибо тебе за такой подарок!»

Видел, как на неё зарились другие мужчины. Я старался не давать ревности поднять змеиную голову. Не хотел огорчать мою девочку недоверием, а также выглядеть идиотом в её прекрасных глазах.

– Слава Богу, эта пытка закончилась, – выдохнула Маша.

– Что? – переспросил я, потому что мне показалось, что она ещё что-то добавила.

– Ой, прости пожалуйста. Мне было приятно танцевать именно с тобой. Дело во мне. Я себя чувствовала так, как будто проглотила аршин.словно деревянная кукла.

– Нет. Не извиняйся. Ты что-то добавила, а я не слышал, – сказал я, не давая возможности отвертеться.

– А, это? Не важно, – отмахнулась она. Меня это только раззадорило.

– Пойдём-ка.

Я повёл её в один из коридоров и затащил в самый тёмный угол.

– Милая, я же с ума сойду, если не скажешь. А ты знаешь, как я умею выуживать тайны.

Это была уловка, чтобы найти момент припасть к этим невозможно сладким губам. Я куснул верхнюю, затем нижнюю губу, пососал их поочередно.

– Генри, что ты делаешь? – выдохнула Маша. Мне хватило этого, чтобы ворваться в рот языком. Пройтись по дёснам, по зубам, сплестись с её юрким язычком, всосать его, до её тихого стога. Смачно поцеловать, глубоко, влажно и отстранить. Машу мелко трясло. Я прижал её к себе и поцеловал в макушку.

– Причёску испортишь. Я буду похожа на девку, что кувыркалась в сене. Ты же не хочешь, чтобы о нас судачили?

– Я не хочу, чтобы тебя видели такой, возбуждённой и привлекательной. О чём я думал? Эти жеребцы на тебя и так весь вечер глазеют, – еле сдерживаясь, произнес я, необдуманно сдавливая плечи жены.

– Милый, у меня останутся синяки на коже, – предупредила Маша.

– Прости. Я тебя так хочу. Могли бы найти укромный уголок. Но мне придётся после

убивать каждого, кто увидит тебя, разомлевшую от удовольствия.

Я вдыхал запах её волос, гладил по прямой узкой спине, сминая ягодицы.

– Ты сумасшедший, – хихикнула жена. – Но мне это нравится. Давай попозже сбежим.

Пока потанцуй со своей рыжей подружкой. Ты обещал ей танец.

– Ох, да... Ещё она. Ладно. Пошли. Только потом ты мне скажешь, о чём умолчала, – предупредил я, что не забыл.

– Ты невозможен, граф Пэмбрук, – церемонно произнесла плутовка.

Я отвёл жену к леди Алисе. Пока мы прошли зал, я в мыслях побил нескольких наглых самцов, что пялились на мою жену. Сдерживал только её нежный взгляд и крепкая хватка на моем предплечье. Сильные руки. Я и не замечал раньше. Затем, неохотно оторвавшись от Маши, пошёл танцевать с Пенни.

Пришлось отскакать мазурку и кадрили. Эта рыжая бестия высосала из меня все соки. Нет, чтобы найти себе молодца, готового скакать, как козлик. Вон, виконт Сомерсет пускает на неё слюни. Надо подать отличную идею её матери о подходящей кандидатуре в зятя. Девушка в девках засиделась. Мать у парня женщина с железным характером, говорят, но семья неплохая. Отличная пара получится.

«Я стараюсь, Эдвард, как могу, чтобы Пенни была счастлива», – извинился я перед мёртвым другом. Мне даром не нужны эти вздохи и томные взгляды. Девчонка границ не знает, а я женатый человек. Я пытался держать жену в поле зрения. Поэтому видел, как Маша вышла и зала. Хорошо, что с сопровождением. Леди Алиса прекрасно знает правила приличия. Я был ей благодарен.

– Генри, отведи меня в тот конец, где дамские комнаты, как только закончится танец, – попросила Пенелопа. Я согласно кивнул.

Там Маша, лишняя компания ей не помешает. Отпустив Пенни под опеку стоявшей там в ожидании компаньонки леди Алисии, отправился к группе старых знакомых. Перекинувшись с ними несколькими словами, подошёл к чете Грантов.

– Пенни очень выросла. Здесь есть молодые люди, которые интересуются ею. Простите меня за то, что я это говорю, но Пенни мне как родная сестра и я хотел бы, чтобы она сделала удачный выбор, – начал я разговор.

– У вас есть кто на примете? Я была бы рада получить совет. Девочке давно пора обзавестись мужем, пока мы с Фреди живы, – оживилась леди Алиса. – Мы очень ценим твоё беспокойство, мой мальчик.

– Виконт Сомерсет. Двадцать пять лет, пэр Англии. Единственный наследник. Его старшая сестра замужем за маркизом Солсбери. Вы генеалогию и родство знаете лучше меня. Леди Кент хотела свою дочь за него, но мать Ричарда не проявила интереса.

– Ну, леди Кент не прогадала. Удалось же сосватать такую некрасивую девочку за Артура, – сразу же выдала женщина. – У леди Сомерсет очень тяжёлый характер, говорят, – поджала губы леди Алиса.

– Но она горячо любит сына. А Ричард увлечён нашей Пенни, – на ухо прошептал я, наклонившись.

– Правда? – удивлённо и обрадовано воскликнула леди Грант. Лорд Фредерик прислушивался и явно был доволен кандидатом в зятя. Я своё дело сделал. И от нас девушка отвяжется, и пристроена будет. Все довольны и счастливы.

Я кивнул на вопрос женщины и в этот момент увидел Машу. Она была очень бледна и зла или расстроена, как и Пенни, что шла рядом с ней. Они держались рядом, как будто

готовы были отразить целый отряд французов.

– Извините, мне надо к жене, – откланялся я и заторопился к Маше. Пенелопа шарахнулась от меня, как от прокажённого. Мне показалось, что в глазах Маши заплясали бесенята с трезубцами.

«Что-то произошло. Надо выяснить, только осторожно», – подумал я. Отвёл Машу к гардеробной, а сам отправился откланяться к маркизу Бьюту.

По возвращении увидел Артура с невестой и ещё одной девицей, кажется, компаньонкой леди Кент. Довольно симпатичная девушка. Артур вряд ли упустит возможность залезть ей под юбку. Но это не моё дело. Пусть хоть женится на ней, лишь бы к Маше не лез.

Жена уснула ещё в карете, по дороге домой. Отнёс свое сокровище на руках в спальню и передел. Было так чудесно прижаться к ней всем телом и заснуть, чувствуя биение её сердца под ладонью.

Я проспал. Жены не было рядом. Нашел её в кухне. Маша что-то пекла, отгоняя от себя бедную женщину, экономку дома.

– Мадам Элис, оставьте нас, – попросил я. Женщина с недовольным лицом ушла.

– Маша, почему ты обижаешь моих слуг? – спросил я.

– наших слуг, – ответила жена и слизнула мёд с пальцев. Я тяжело сглотнул.

– Ты провокатор, жёнушка. Нам ехать надо, а ты все попытки выехать пораньше срываешь, применяя оружие массового поражения.

– Вау!!! Ты и так умеешь говорить? Поразил. В самое сердце. Садись есть. Нам столовая не нужна. И здесь уместимся, – села она за маленький стол. – Микроинфаркт или микроинсульт экономке не грозят. А вот я могу умереть с голода. У нас к завтраку чудесные блины с хрустящей корочкой с мёдом.

С горем пополам нам удалось выехать через часа два. Пришлось наказать малышку за дерзость, когда поднялись в спальню. Я с ума с ней скоро сойду.

Мы не успевали засветло добраться до Пэмбрука. Поэтому решили остановиться в первом же населенном пункте, что нам встретился. Постоялый двор вполне подошёл. Чистые комнаты, отличный ужин. Я решил поговорить с хозяином. Внизу мне встретился смутно знакомый человек. Кажется, я уже видел его. В Кардиффе. Он не был мне знаком. Поэтому решил не заострять внимание, но и не упускать из вида.

Глава 27. Нападение

Маша

Чтобы добраться домой быстрее, мы выехали пораньше. Ночью были заморозки. Кутаясь в подбитый мехом тёплый бархатный плащ, я поднялась в карету при помощи Генри.

Я хотела облачиться в брюки, но мужу это не понравилось. Я не стала настаивать. Это не моё время. Возможно, мы могли встретить кого-нибудь на пути, и одетая в мужскую одежду женщина вызовет кривотолки. А я не хотела позорить мужа.

В итоге надела шерстяное тёплое платье, под него плотный корсет, тёплые шерстяные чулки с подвязками, поверх панталоны, с которых с удовольствием оторвала рюши. Кожаные полусапожки сели идеально. Поверх платья спенсер из бархатной ткани в тон платья, тёмно-

синий. Чёрный плащ с мехом горносталя вокруг капюшона и вдоль крючков спереди, дополнили мой образ. Изюминкой стал берет с белыми перьями не знаю какой птицы.

Генри был тоже тепло одет. Ему очень шёл серый камзол и обтягивающие брюки того же цвета, заправленные в высокие чёрные сапоги. Поверх он надел тяжёлый плащ с пелериной, на голову фетровую треуголку. Также чёрного цвета. Белый шейный платок развеивал мрачную ауру вокруг мужчины.

Он усадил меня рядом с собой, подложив полу своего плаща, а потом заворачивая меня в него и прижимая к себе. Я уткнулась ему в шею под подбородком, стянув берет. Тёплое дыхание шевелило волосы на макушке. Иногда мягкие губы касались волос в поцелуе.

Я посмотрела в окно. За толстым стеклом ничего нельзя было разглядеть из-за тумана. К тому же, было темно. Под противоположной от нас скамьей находилась большая корзина, накрытая плетёной крышкой. Я знала, что там еда. Я бы покушала. Но чувство внутреннего дискомфорта от раннего пробуждения и прохлады отбивало всё желание вылезти из уютных объятий мужа. Я прикрыла глаза.

Карета катила по мостовой с гулким звуком. Выехав на грунтовую дорогу, звук стал тише. Стук копыт, иногда возгласы возницы, что поторапливал лошадей, скрип рессор и колёс. Я открыла глаза и выпрямилась. Генри нехотя меня отпустил. Я прислонилась к стеклу и пыталась хоть что-то разглядеть снаружи. Мы утопали в молочной белизне густого тумана.

– Может, ещё поспишь? – хриплым голосом спросил Генри.

Дрожь пробежала по позвоночнику. Я так сильно реагирую на этого мужчину, что это меня пугает.

– Если ты хочешь спать, я не против. Что-то мне не по себе и я не могу уснуть. Туман меня беспокоит.

– Туманы здесь обычное дело, как и во всей стране, ты же знаешь. Сам я не хочу спать. Я просыпаюсь очень рано. Мне просто было приятно держать тебя в объятиях.

Генри притянул меня к себе и стал целовать. Это был долгий, нежный, наполненный глубокими чувствами поцелуй. Я почувствовала себя неудобно, когда он отстранился.

– Не хочешь со мной поговорить о вчерашнем вечере? – спросил он.

– Да. Думаю, что надо кое-что обсудить, если ты не против, – решила я рассказать о леди Бьют и Пенелопе.

Генри пересел напротив. Я почувствовала себя одинокой и мне стало зябко. Но просить мужа пересесть обратно ко мне не стала. Так удобнее разговаривать. Тем более, что речь пойдёт о серьёзных вещах.

Я рассказала ему о леди Бьюк. Генри слушал внимательно, не перебивая.

– Больше ничего не сказала?

– Нет. А что ещё можно сказать в таком случае? У женщины крыша едет от того, что она не может забеременеть. А я вроде одна из претенденток, только вот не знаю на что. И какое вообще имею к ним отношение?

– Дело в том, что лорд Джон уверен, что Кэтрин была внебрачной дочерью его отца. То есть, фактически его сестрой. Она родила ребенка. Но дело в том, что за Кэтрин принимают тебя. Ведь ты можешь родить ещё детей. А будучи графиней Пэмбрук, имеешь полное право стать матерью будущего наследника титула маркиза Бьют. Конечно, это её нервирует. Как и лорда Джона. Но в отличии от своей жены, он к этому относится спокойно.

– Весело. Убежала от одних проблем, прибежала к другим. Мне не понравилось, что она

была уверена в смерти Кэтрин. Похоже, что кто-то знал, что Кэтрин умерла. Или поспособствовал её смерти, – озвучила я свою тревогу.

– Нет, Маша. Я понимаю, что за титул и наследство совершаются жуткие преступления. Но убивать Кэтрин, лишившуюся разума, было ни к чему. Это естественная смерть. А то, что кто-то был свидетелем её смерти или похорон, можно допустить.

– Ясно. А что будем делать с твоей занозой? – спросила я.

– Какой занозой? – удивился муж.

– Пенни твоей.

– Она не моя Пенни. Я её уже, считай, пристроил, – хищно улыбнулся мужчина.

– Как это? Когда успел? – удивилась я.

– Я подал прекрасную идею чете Грант, что лучшего зятя, чем виконт Ричард Сомерсет, им не найти. Мальчишка увлечён Пенни, так что у них получится подружиться. А ты что, ревнуешь? – улыбнулся Генри.

В этот момент что-то изнутри толкнуло меня посмотреть в окошко. Сама не поняла, как я прикрыла собой мужа. Просто толкнула его на скамью и легла сверху. Раздался приглушённый грохот, странный треск, и что-то ужалило меня в бок. Жало оказалось гигантским, потому что жгучая боль парализовала половину тела. Потом ещё один треск, но больше я не чувствовала ничего.

– Маша, пусти. Слышишь, Маша, пусти же, чёрт! – слышала я голос Генри.

– Леди, это опасно. Генри, не вставай, – раздался голос Артура.

Мне казалось, что я кричу, а на самом деле только шевелила губами. Мир стал вертеться, с каждым кругом всё быстрее. Я слышала ещё щелки и грохот. Потом крики. Понимала, что меня вытаскивают из кареты. Я хотела схватиться за Генри, не отпускать его от себя. Казалось, что всё это длилось долго. Но потом выяснилось, что всего лишь несколько минут.

– Держи её, Генри, надо осмотреть рану, – кричал Артур на мужа.

– Почему ты на него кричишь? – спросила я.

– Слава Богу, ты в порядке. Сейчас, милая, мы тебе поможем, – сказал этот сумасшедший. Меня дёрнуло, а затем раздался треск ткани. Я хотела спросить, почему он рвёт на мне платье, как новая боль прошила тело, и я уплыла во тьму.

– Она скоро очнется. Рана не серьёзна, но очень болезненная. Ей дали опиум, чтобы не страдала. Генри, прекрати маячить, – это говорил Артур.

– Я мог её потерять. Ты понимаешь? Я бы жить без неё не смог, – страдающий голос мужа скрёб по нервам. Но открыть глаза не получалось.

– Это я виноват. Не знал, что вы так рано выедете. Хотел присоединиться к вам.

– Причём здесь ты? Если бы не твоё своевременное появление, нас бы не было, – возмутился муж.

– Ты же понимаешь, что им не нужен ты. Им нужна Кэтрин, Генри.

– Но она не Кэтрин. Она умерла. Её нет. Это Мария, моя Маша, – вскричал Генри.

– Ты её разбудишь, говори тише, – осадил мужа Артур.

– Да, конечно. Спасибо тебе. Я благодарен тебе за помощь.

– Мне надо было предупредить тебя насчёт Кэтрин. Эта дурёха, намеренно или нет, не знаю, сказала, что она внебрачная дочь леди Марии Фицгерберт. Она же находилась в церкви в Кемптауне, там познакомилась с леди Марией. Вот и решила выдать себя за её дочь. Ты же понимаешь, кто за Кэтрин охотится?

– Шутишь? Выдавать себя за дочь принца – регента Георга, хуже не придумаешь. Идиотка. Господи, как я мог связаться с этой ненормальной? – простонал Генри. – Откуда ты это всё знаешь?

– Не ты один был на примете у Кэтрин. Она была молода и до ужаса честолюбива, – ответил Артур.

– Вот только попался я. Кто ещё больший идиот?

Историческая справка. Мария-Анна Фицгерберт, фаворитка и любовница принца Уэльского, принца регента Великобритании и Ирландии, который стал в будущем королем Великобритании и Ганновера Георгом IV. По неподтвержденным данным, родила от него двоих детей. У короля была одна дочь от законного брака, которая умерла в родах. После того, как король окончательно порвал с ней, жила в монастыре святого Иоанна в Кемптауне с 1804 года.

Глава 28. Помощь

Генри

Всё произошло так быстро, что я даже не понял сначала, что происходит. Сидели с женой, мирно разговаривали, как вдруг она всем телом навалилась на меня, не давая даже шелохнуться. Характерные для оружия хлопки и треск пробитого пулей дерева врезались чуть ли не в сердце.

Когда же Маша дёрнулась, глухо застонав, я чуть с ума не сошёл. Мне удалось сдвинуть обмякшее тело жены. Левый бок стремительно подпитывался липкой горячей влагой. Я кричал что-то, кажется, звал её. За окном шла перестрелка, раздавались крики. У меня же весь мир сузился до родного, резко побледневшего лица.

– Выноси её! Генри, очнись немедленно! – орал откуда-то взявшийся на глухой утренней дороге Артур. Он выстрелил в туман. Двое в чёрных одеждах исчезли в том же направлении.

Я ничего не понимал. Да и не до этого было. Нападающие ушли, и медлить нельзя. Мне надо вынести жену из тёмного пространства.

Я обнял Машу и чуть не уронил, когда хотел выйти из кареты, забыв, что там нет подставки.

Артур выхватил из моих рук жену и положил её на плащ, кинутый на сырую молодую траву, что поблескивала под лучами поднимающегося солнца. Туман расходился очень быстро, но было ещё достаточно темно. Повернув девушку на бок, друг подцепил одежду острым концом ножа и вспорол несколько слоёв потемневшей от крови ткани. Оторвав от нижней юбки жены кусок материи, я протянул другу, попутно вытирая свою руку, испачканную кровью. Он промокнул рану.

– Чёрт! Надо вытащить пулю. Она застряла между рёбер и, кажется, повредила артерию. Поэтому кровотечение сильное.

– Ей нельзя терять кровь. Она недавно много её потеряла, ей даже переливали чужую, – вспомнил я то, что мне говорила на днях Маша.

– Ты бредишь. Господи, Генри, ты же был на войне, знаешь, что кровь не переливают. Приди в себя.

– Почему ты на него кричишь? – раздался родной голос. Слабый, с хрипотцой, но такой

любимый. Тёмные глаза смотрелись, как провалы без дна, наполненные болью. Маша облизнула губы языком, но не увлажнила их. Сухость – это плохо. Организм теряет жидкость.

Артур же обрадовался и выдохнул с облегчением. Я ещё был в шоке от происшедшего и благодарен другу, что вовремя оказался рядом. Я держал руку Маши. Её пальцы были сухими и горячими.

«Только не лихорадка», – взмолился я.

– Милая, держись. Я так тебя люблю, – шептал я ей.

Но, кажется, она меня не слышала.

Артур исчез на время, а потом появился с фонарём и бутылкой вина. Кажется, покопался в нашей корзине. Под ровным светом газового фонаря пуля была видна блестящим кружочком в обрамлении красной бахромы из кожи и мышц. Кровь из раны сочилась уже не так сильно. Артур ловко подковырнул кусок стали. Кровь пошла быстрее. Маша даже не дёрнулась. Она была без сознания. Полив рану вином, друг прижал её куском ткани, и с моей помощью закрепил его. В ход пошли шейные платки.

– Нам лучше доехать до Пэмбрука. Остановитесь у меня. В моей квартире будет удобнее, чем в гостинице. У меня есть хороший доктор. Она справится, – подбодрил он меня.

Конечно справится. Должна.

Ехали быстро. Сейчас мы находились в карете Артура. Она была более удобной. Нас сопровождало двое спутников друга. Наша карета ехала следом. В ней разместили труп. Неизвестно, сколько было нападающих. Нашли два ружья, одну винтовку и мушкетон, стреляющий картечью. Осматривать транспорт не было времени, надо было довезти жену до города и оказать помощь.

Машина голова лежала на моих коленях. Иногда Артур проверял повязку, чтобы не съехала. Кровь больше не сочилась.

– Она спит сейчас. Не переживай, – пытался меня успокоить друг.

– Сколько это будет продолжаться? Ведь они не остановятся на этом, да? – задал я вопрос, который меня мучил.

– Пока мы не докажем, что твоя жена не имеет никакого отношения к королевской крови, вам не будет покоя, – ответил Артур.

– Я предоставлю им доказательства смерти Кэтрин, – решительно заявил я.

– Этого будет недостаточно. Надо знать, кем является сама леди Мария. Откуда она? И, конечно, нужны свидетели, чтобы подтвердить её происхождение.

– Я понимаю, Артур. Но она ничего мне не говорит. А если я начну напирать на неё, боюсь, что она уйдёт, и я её потеряю.

Я держал жену аккуратно, боясь сделать больно, но достаточно крепко, чтобы она не упала. Друг сверлил меня взглядом, но ничего не говорил.

– Как ты оказался рядом? Я чувствую, что ты изменился. Что у тебя появилось много секретов. Уверен, что ты мне не враг. Думаю, что незачем нам враждовать. Знаешь, я после той битвы... того ужаса, что я испытал... да, я потерял память. Забыл всё, включая своё имя, но прекрасно помню те минуты перед взрывом. Они мне снятся почти каждую ночь. Так вот, после всего этого я смотрю на жизнь иначе. Начал ценить каждую секунду, каждое мгновение. Уверен, что эта девушка появилась в моей жизни не просто так. И ни разу я не воспринимал её, как чужого человека. Я и женился так быстро, решив привязать её к себе

всеми возможными способами.

– Женщины очень коварные существа, Генри. Ты и не заметишь, как тебе перережут горло нежными ручками, целуя в губы. Отравят тебя и спокойно лягут в постель, чтобы наблюдать, как кровь возбуждённого мужчины быстрее разносится по организму, и он умирает, находясь глубоко в теле женщины. Душат подушками младенцев. Я не могу тебе всего рассказать. Но это правда.

– Даже знать не хочу, чем ты занимаешься, если водишь знакомства с такими тварями, именуемыми женщинами. Маша не такая. Я знаю. Она, если и ударит, то только в лицо, а не воткнёт нож в спину, – высказался я.

– Я и не говорю, что твоя жена шпионка. Она другая. Необычная. Не могу её распознать. Говорит по-другому, ведёт себя не так, как другие представительницы её пола. Интересная собеседница, умная, ухоженная, обаятельная, преданная. Всего слишком, Генри. Понимаешь, что я хочу сказать?

– Она такая и есть. Удивительная. И я её люблю.

– Ты очарован ей. Извини, но я видел вас в том коридоре. Похоже, что она прекрасная любовница, – усмехнулся он.

– Замолчи. Не смей так говорить о моей жене, – разозлился я. Маша всхлипнула и злость вся улетучилась. – Она была девственно чистой, когда мы поженились. Даже целоваться толком не умела. Так что не надо представлять её умелой распутницей.

– Ты сейчас говоришь чушь, – недоверчиво произнёс Артур.

– Нет. Я говорю чистую правду.

– Если всё так, как ты говоришь, то я тебе искренне завидую. Ты отхватил неогранённый алмаз, прекрасную женщину. Чёртов везунчик. Мы подъезжаем, – сменил он тему. И я был рад этому. И тому, что, наконец, смог поговорить о девушке, что стала моей женой, и о которой я знал всё и совершенно ничего.

Нас отвезли в квартиру друга. Она занимала весь второй этаж respectable дома. Нам отвели большую спальню с отдельной ванной. Кроме просторной кровати, там располагался небольшой диван, два кресла и столик. Камин затопили, и скоро тепло поползло по комнате.

Экономка и горничная помогли раздеть Машу и надеть на неё ночную рубашку до того, как приехал доктор. Я помогал, хоть женщинам и было неудобно. Я боялся, что повязка слетит и рана снова откроется.

Вскоре приехал и доктор. Через полтора часа переживаний Маша крепко спала. Рана ушита, повязка наложена грамотно. Она в чистой одежде. И лихорадки нет. Доктор уверил, что рана быстро затянется.

Артур приехал только после обеда. Отдав нас под опеку старого слуги и экономки, он сразу же ушёл, чтобы рассказать о нападении в местную общину констеблей. А сейчас появился измученный и еле держащийся на ногах. Нам обоим стоило отдохнуть. Перекинувшись информацией, мы разошлись.

Глава 29. Неудобный секрет

Маша

Я проснулась от дёргающей боли в боку и от того, что мне было жарко. Комнату я не узнавала. Через минуту сразу всё вспомнила. О нападении, о ранении. Не помню только, как

мы сюда приехали и что было дальше. Похоже, что я была без сознания. Да, помню ещё Артура. Мозг отказывался давать мне ещё какую-нибудь информацию. Тем более, что не было ни сил, ни желания анализировать её.

На моей талии покоилась рука. Повернула голову. Рядом со мной спал Генри. Его красивые строгие черты лица разгладились во сне, но морщинка между бровей стала глубже, чем обычно. На лоб упала смоляная прядь. Ужасно захотелось её убрать. Пройтись подушечками пальцев по виску, острой скуле, очертить подбородок, коснуться губ. Я бы предпочла проделать этот путь губами. Генри вздохнул и нахмурился ещё больше. Глазные яблоки двигались под тонкими веками с длинными ресницами.

«Красивый. Мой. Даже во сне переживает. Что, интересно, ему снится?» – подумала я.

Пошевелилась, чтобы сменить позу. Бок болезненно дёргалось, а спина затекла. Хватка на талии стала сильнее. Муж даже во сне держался за меня крепко. Я улыбнулась. Хоть кому-то я была нужна в этой жизни, просто потому, что я есть. Не требуя ничего взамен, даже не зная, кем я являюсь на самом деле.

Стало грустно. Вспомнились родители, Таша. Бандюки, что меня преследовали. Всё это было так призрачно, как будто я вспоминала старый полузабытый фильм или книжный роман.

«Кто я? Я сама скоро забуду, кто я есть на самом деле. У меня есть новая семья, муж, который меня любит, надеюсь, а не одержим мной. Жизнь, которая, как выяснилось, полна приключений, не очень весёлых, даже опасных. Что со мной станет, если я умру здесь? Хотелось бы прожить долгую жизнь, а не умереть, даже не объяснившись с единственным человеком, который меня выслушает», – роились в моей голове разные мысли.

Я знала только одно – мне надо вернуться назад, хотя бы посетить кладбище и окончательно попрощаться с той Машей и принять свою жизнь здесь, чтобы в душе был покой. Я опять сдвинулась и прикусила губу, чуть ли не до крови, чтобы не застонать. Но мои движения разбудили Генри.

– Милая, с тобой всё хорошо? Доктора позвать? – стал он спрашивать с озабоченным лицом.

Муж поцеловал меня в лоб, потрогал щеку, шею.

– Вроде нет сильного жара, – проговорил он.

– Со мной всё в порядке. Просто устала лежать в одном положении. Подсадишь меня? – попросила я.

– Конечно.

Генри действовал так аккуратно и нежно, что мне захотелось плакать. Он сел лицом ко мне.

– Маша, тебе больно? – провёл он по ресницам указательным пальцем, собирая скудную влагу.

Я смотрела в это лицо. Запоминала каждую чёрточку. Глаза напротив потемнели, радужка почти скрыла яркую синь.

– Я люблю тебя, – тихо призналась я.

– Маша!? – он обнял меня, нежно целуя в губы. – Спасибо. Я тоже тебя люблю. Я так испугался, что потерял тебя. Зачем ты это сделала? Надо было лечь на пол, а не прикрывать меня, – возмущение так и рвалось наружу. Генри уткнулся в сгиб моей шеи и шумно дышал.

– Я не успела бы предупредить тебя. Действовала на голых инстинктах. Ты серьёзно считаешь, что мне надо было спастись самой? – спросила я тем же тихим голосом.

– Я благодарен тебе. Я очень хочу жить. Именно сейчас, когда встретил тебя. Но в следующий раз постарайся обезопасить себя в первую очередь. Хорошо? – посмотрел он мне в глаза, отстранившись.

– Хорошо. Думаешь, будут и следующие случаи?

– Хотелось бы надеяться, что нет. Но не могу быть в этом уверенным. Надо сделать всё, чтобы тебя оставили в покое.

– Ты не сможешь меня представить, как просто Марию.

– Не хочешь мне рассказать, откуда ты? – спросил Генри.

– Я расскажу. Но не сейчас. Вряд ли ты готов услышать правду, – вздохнула я. – Я обещала тебе, что никто от моей тайны не пострадает. Это правда. Ты же мне веришь?

– Верю, милая. Ты разве не поняла это, когда мы поженились?

Генри сел рядом, откинувшись на подушки и просовывая руку под спину. Уткнулся лицом в макушку, легко касаясь губами.

– Хочешь поесть? – спросил он.

– Сейчас я посетила бы ванную. Выпила бы что-нибудь обезболивающее. А потом можно и поесть.

– Есть опиум. Но ты сразу заснешь, как я его тебе дам. Поэтому давай всё по порядку.

В итоге всё же пришлось выпить горячий бульон прежде, чем мне дали настойку.

Я проспала весь день. В обед приходил доктор, чтобы осмотреть при свете дня рану и наложить повязку с мазью. Он сказал, что проблем не должно быть.

– Жаль, шрам останется на такой безупречной коже, – покачал головой доктор.

– Главное, что жива осталась, – улыбнулась я. – Шрамов у меня предостаточно. На пляж мне не ходить и по подиуму не дефилировать, – пробормотала я, когда врач уже ушёл.

– Вы так странно говорите, – услышала я Артура.

– Я бы возмутилась, если бы не была вам благодарна за помощь, – улыбнулась я. – Но, это не значит, что вы не должны стучать, когда заходите в комнату дамы.

– Я стучал. Только вы не слышали, – поклонился мне мужчина.

– Ну, раз вы пришли, проходите. Садитесь. Вроде, я выгляжу прилично, хоть и не презентабельно, – оглядела я себя.

– Нет. Генри не понравится, что мы остались наедине.

– Оставьте дверь приоткрытой. С моей стороны у мужа нет оснований беспокоиться. С вашей – не уверена. Я не знаю почему, но я опасаюсь вас.

– Возможно, есть причина, – пристально посмотрел мужчина. Он не садился и не отходил от двери, иногда поглядывая в коридор. – Я бы многое отдал за то, чтобы узнать, кто вы, – мужчина был предельно серьёзен.

– Не стоит. Моя история не интересная.

– Стоило бы рассказать. Возможно, это спасло бы вам жизнь и не подставляло Генри.

– Только не говорите, что это только в интересах друга. Извините, но я позволю себе не верить вам.

– Я искал ваши следы и нигде не нашёл ни единого намёка на ваше существование. Такое ощущение, что вы и не жили вовсе, ни в этой стране, ни в близлежащих. Самое странное, что вас никто не видел. Если бы вы сохраняли инкогнито и передвигались только по ночам, и то нашёлся бы хоть один след.

– Лорд Артур, вы теряете время, средства, свои нервы. Может быть когда-нибудь я расскажу свою историю Генри. А он, если пожелает, расскажет вам. Правда, очень в этом

сомневаюсь.

– Что здесь происходит? – услышала я голос Генри. А вот и он сам появился. Очень недовольный, даже не разделся, так спешил.

– Дорогой, лорд Артур зашёл узнать, как у меня дела. Я предложила ему присесть, но он, как истинный джентльмен, не захотел оставаться наедине со мной. Хоть и раненой, – заговорила я.

– С тобой всё хорошо? – поинтересовался муж и хотел поцеловать меня в щёку, но я подставила губы.

Артуру это не понравилось. Лицо потемнело, а в глазах мелькнуло что-то непонятное. Но он быстро взял себя в руки.

– Раз ты здесь, я пойду. Ужин принести сюда? – спросил мужчина прежде, чем покинуть комнату.

– Нет. Милый, я хочу пройтись. Лежать уже устала, – опередила я мужа.

– Хорошо, мы сейчас спустимся, – ответил Генри, не спуская с меня глаз.

Артур вышел и прикрыл дверь.

– Что такое, Генри? Почему ты так смотришь на меня?

– Он влюблён в тебя, – вздохнул муж, обхватив моё лицо, касаясь моего лба своим.

– Не сказала бы. Но в любом случае, я люблю тебя. И это не изменится, – ответила я, целуя мужа в губы.

– Очень на это надеюсь. Потому что не намерен тебя отпускать.

Глава 30. Жизнь налаживается

Генри

Я решил выяснить, что за люди на нас напали. Всё равно нужно было поговорить с представителем местной власти и командиром констеблей и рассказать, как всё происходило, пока к нам не подоспела помощь. Артур вроде всё решил, но нужно было подписать кое-какие бумаги. Смерть одного из нападавших и ранение высокопоставленной особы, графини Пэмбрук, являлись вескими причинами для дальнейшего расследования. В любом случае, мне пришлось отлучиться.

Моя карета была отремонтирована, поэтому по городу я передвигался с большим комфортом, чем путешествовал. Маша испытала столько неудобств, да ещё и раненная лежит. Плохой из меня супруг и защитник. Осознание этого причиняло боль. Зарядили дожди, дорогу разнесло, да и жена не готова к поездке, поэтому придётся задержаться в этом городе. Может, стоило купить и здесь дом? Всё же в Пэмбруке есть даже наш родовой замок. Правда, разрушенный.

Моё самобичевание и размышления прервала остановка кареты. Я вошёл в серое здание конторы местной общины констеблей.

Голые коридоры, стандартная меблировка кабинетов и одинаково мрачно-скучные выражения лиц работников сего ведомства навевали уныние. Но я и не собирался здесь задерживаться.

– Приветствую вас, ваше сиятельство. Наслышан о нападении и ранении вашей жены. Это крайне прискорбно, что так далеко от войны, в мирном Уэльсе, происходят такие вопиющие случаи, – встретил меня виконт Сент-Дэвидс. Я хорошо его знал, потому что он дружил с моим отцом.

– Спасибо, дядя Джон. Я согласен с вами. Я уверен, что это пришлые люди. Ведь с недавнего времени Пэмбрукшир и весь остальной Уэльс стали безопасным местом.

– Спасибо, мой мальчик. Я рад, что ты вернулся и даже обзавёлся семьёй. Я слышал, что ты женился, ещё раньше. Но думал, что...

– Вы правы. Кэтрин умерла два года назад. Леди Мария моя вторая жена.

Вот он – подходящий случай дать ход слухам. Уверен, что сегодня же об этом узнает весь Пэмбрук, а через два дня новость дойдет и до Кардиффа. В течение недели мои косточки обсосут до ослепительной белизны, да и таинственное происхождение моей жены станет одной из самых занимательных новостей лондонских салонов. Как же всё гадко и мерзко. Но, раз ты живёшь в обществе, приходится с ним считаться или тебя сожрут. Нам жить в нём. Я не хочу, чтобы Маша чувствовала себя изгоем, и чтобы наши дети страдали.

– Из какого она рода?

– Она из Шотландии, долго жила в Германии, куда уехала с семьёй дяди после смерти родителей. Они погибли во время клановых распрей. Затем они переехали в Брюссель, прямо перед войной. Там я и оказался после ранения и потери памяти. Когда встал на ноги, надо было зарабатывать себе на жизнь. Работал учителем в школе для мальчиков. Вскоре я и познакомился с Марией. Мы приехали вместе и поженились.

История получилась гладкой. Если в ней и были изъяны, кому надо будет проверять её достоверность? Потеряв память, я мог жениться и на простой девушке. Но стоит позаботиться о её родословной. Было бы легче, узнай я, кто она. Будут ли её искать? А если кто не узнает, не оберёшься проблем. Но она так уверена, что её не будут искать. Что же ты скрываешь, милая? Расскажи ты мне всё, мне легче было бы тебя защитить. Одно знаю точно – не буду Машу заставлять открыться мне. Дождусь момента, когда она мне полностью доверится.

– Бедный мальчик, ты столько пережил, – покачал головой мужчина, явно сочувствуя мне. – А сейчас и вот это нападение. Я постараюсь сделать всё, что в моих силах, чтобы добраться до преступников.

– Спасибо, дядя Джон. Я правда очень благодарен вам. И прошу вас как-нибудь, когда все наладится, приезжайте в гости, с супругой.

– Спасибо, Генри. Ты вырос достойным наследником своей семьи. Мы обязательно приедем.

– Тогда я готов отвечать на все ваши вопросы.

Я приехал домой через час. Мне открыл слуга. Я спросил Артура. Мне ответили, что он у Маши. Холодок пробежался по спине и сердце болезненно сжалось. Я отлично знал, на что способен мой давний друг. Он вывернет человека наизнанку, а тот и не заметит.

Выяснилось, что я зря беспокоился. Нашёл своего друга в странном для него состоянии. Не знай я его, мог бы и не увидеть этого. Артур был растерян, удивлён и мрачен. Не в лучшем настроении. Похоже, что Машу расколоть ему не удалось.

Жена же чувствовала себя отлично. Она отлично держалась и за столом. Хотя была бледна и мало говорила. Но поела с аппетитом, попросив побольше положить мяса.

Ночь прошла без особенностей. Только я просыпался периодически, когда Маша стонала. Я поражался стойкости этой девчонки. Даже во сне пытаться контролировать себя, это надо иметь огромную силу воли. Её боль и переживания пробивали умело построенный щит, когда она уходила в глубокий сон. Не выдержав этой пытки, я разбудил её и заставил выпить настойку.

– Я не хочу привыкать к этой гадости, – поморщилась она, когда я поднес ей ложку с опиумом.

– Тебе больно. Ты не можешь расслабиться даже во сне, чтобы поспать. Это глупо. И настойка не сильная. Будь послушной девочкой, – попросил я её.

В общем, провели мы в доме Артура несколько дней. Дождь прекратился. Весенний ветерок и солнце быстро просушили дороги. Наконец-то мы приехали домой. Нас сопровождали констебли до дома. Лорд Джон постарался. Я знал, что был проведён опрос священника и нескольких жителей деревни. Предупредили всех, чтобы были бдительными и докладывали о появлении незнакомцев в округе.

Мадам Фаррелл носилась с Машей, как курица с яйцом. Если не она, то Дженни всегда была рядом. Лиззи дулась на нас, но, когда узнала о нападении, то долго плакала. Я даже пожалел, что сказал ей. Но решил, что дочь должна быть в курсе событий. Я не хотел, чтобы ребёнок пострадал от незнания. Мало ли кто может пробраться в имение. Ребёнок – лёгкая добыча. Лиззи было строго настрого запрещено покидать дом. И всегда быть рядом со взрослыми. Она предпочла компанию Маши.

Мои девочки очень сдружились. Последний месяц всё было спокойно.

Сегодня я решил, что дал Маше достаточно времени, чтобы восстановиться. Я хотел её до умопомрачения. Утренние прогулки, охота на лис. Поездка по деревням и округе. Даже съездил в Пэмбрук однажды, когда меня пригласили на опознание одного из преступников, что попался, пока его не отправили в Кардифф.

Съездил к Грантам, по просьбе леди Алисии. Приезжали свататься к Пенелопе. Она не посмела отказать родителям и согласилась. Смотрела с таким отчаянием на меня, что мне стало неудобно. Но подойти с разговором не решилась. Да и я не позволил бы. Этот брак ей на пользу. Леди Сомерсет была сама элегантность. С остатками былой красоты, властная и умная. Семья ей понравилась, как и Пенни. Так что всё у них будет отлично.

В округе было тихо. Никаких подозрительных типов не объявлялось.

Дождя, когда утихнет дождь. Обошел всё вокруг. Убедился, чтобы всё было закрыто. В доме сейчас было полно челяди. Несколько слуг и служанок, Клемент, Дженни, как горничная жены, мадам Фаррелл. Мой дом. Я боялся думать, что всё налаживается и вскоре мы сможем принимать гостей, как положено. Сами ездить, куда захотим. Я обещал показать Маше Лондон и отвести её на был дебютанток. Весёлое зрелище, если сам в этом не участвуешь. Давно в гости приглашал Кэмпбелл. Можно съездить к нему. Тем более, что эта идея понравилась Маше больше всего. Возможно ли, что я не ошибся, выдумывая её историю жизни?

Глава 31. Сладострастие

Маша

Я скучала по мужу. Мне катастрофически не хватало его объятий. Он целовал меня исключительно в щёку, гладил по голове. Целовал мне руки. Спал со мной в одной кровати, просто обнимая меня. Хоть бы погладил спину, принося возбуждение.

Я же чувствовала, что он с трудом себя сдерживает. Он страстный мужчина, очень темпераментный. Только с исключительной силой волей, к сожалению, или к счастью, именно по отношению ко мне. Вёл себя со мной, как с тяжело больной. Даже отстранил мою руку однажды, когда я попыталась погладить его возбуждённый ствол.

– Тебе рано, милая, – прошептал он и поцеловал в макушку, закутав меня по самый подбородок в одеяло.

Я понимала, что он меня бережёт. Но рана зажила. Конечно, меня слегка беспокоил бок. Но ведь это не смертельно. Я не собиралась разгружать вагоны или махать тляпой в огороде. У меня и голова болела периодически. Прошлая травма давала о себе знать. Ну и что?

Я не вылезала из библиотеки. Знакомилась с историей Великобритании, генеалогией разных родов, в особенности с Пэмбруками. Без фанатизма, конечно. В этих хитросплетениях браков и союзов можно было ногу сломать. Занималась с Лиззи. Мы рисовали, читали вместе, учили основы математики, собирали цветы, даже готовили.

Мне помогала мадам Фаррелл. Она носилась с девочкой, пытаясь научить её всему, что сама знает. А знала она немало. Ребёнок был любознательным. Ей скоро девять. Она очень мала, по нашим меркам. Но по меркам своего времени, ещё лет шесть-семь, и она станет невестой. Я пыталась скрасить её жизнь, как могла. Даже мягкие игрушки ей сама сшила. Пришлось вспомнить кружок рукоделия, который я посещала одно время, когда ещё родители были живы.

На ночь рассказывала Лиззи сказки. Часто вспоминала, как сидела с Наташей точно так же. Мне становилось грустно. Но я старалась не показать свою грусть. Как бы ни изменилась моя жизнь, моя семья из прежней жизни всегда будет со мной, в моём сердце.

Сегодня было особенно тоскливо. Генри задержался внизу. Он всё время так делает. Я решила дождаться его, чего бы мне это ни стоило. Долго он от меня бегать будет?

Генри переселил меня в смежную спальню со своей. Мне вообще не нравилась идея иметь разные спальни, о чём прямо и заявила ему. Муж и здесь повёл себя, как святой. Меня иногда бесит его такое великодушие и правильность. Я, наверное, больная. Но с такими идеальными людьми трудно полноценно жить. Чувствуешь себя неблагодарной и ущербной. Успокаивало лишь то, что мы из разных эпох и я оправдывала своё поведение, мышление и речь, не соответствующие идеалу жены графа, именно этим. Так и было, если честно. Мне многому приходилось учиться, на пробах и ошибках.

Так вот, Генри заявил, что будет спать в моей спальне, чтобы у меня была возможность выставить его, если я им буду недовольна или буду злиться на него. Что он не допустит, чтобы я его покидала, даже уходя из его спальни в соседнюю.

Как можно такого мужчину не любить и не ценить? Да никак, если ты нормальная здравомыслящая женщина. Тем более, влюблённая в своего мужа.

Как ни обидно, но я умудрилась заснуть. Проснувшись от прохлады на коже и обжигающих прикосновений губ, нежных поглаживаний. Каким образом я оказалась обнажённой, надо было спросить у мужа. Ведь это он сейчас склонился надо мной. В белоснежной рубашке с открытым воротом. Он был таким красивым, мужественным, выглядел таким опасным.

Я сглотнула тягучую слюну, что стала выделяться при виде такого возбуждённого мужчины. Ткань рубашки отвисла, и мне открывался прекрасный вид на его прекрасную грудь с тёмными ореолами сосков и плоский живот с дорожкой коротких волос, исчезающих за поясом брюк. Он полулежал на мне, и я бедром чувствовала его каменный стояк.

– Проснулась? – убрал он слегка дрожащими пальцами волосы с моего лица. Завёл ладонь за затылок, зарываясь в волосы и сжимая их до лёгкой боли.

Я выгнулась с лёгким стоном. Он наклонился ещё ближе, почти касаясь носом моего.

– Прости. Больше у меня сил нет терпеть эту муку.

Сразу же глубокий, влажный поцелуй. Он целовал меня так, как в последний раз. Не отрываясь и не давая отстраниться, даже когда воздуха не стало хватать. Я заёрзала и потёрлась о его возбуждение. Мужчина застонал и отстранился. Я стала судорожно вдыхать воздух.

– Ты сумасшедший, – выдохнула я.

– Это ты виновата в моём безумии. Хочу тебя до ужаса.

Низ живота тянуло, а лоно пульсировало от прилившей к промежности крови. Меня пугала пустота, что разрасталась внутри, требуя заполнить её. И с этим мне мог помочь только Генри.

Стянув с меня остатки ночной рубашки, на которые я посмотрела с недоумением, мужчина улёгся между моими ногами, широко разводя их. Рукой пристроил член между припухших половых губ и вошёл одним толчком до самого конца. У меня вырвался болезненный вскрик. Всё-таки достоинство у него не маленькое, да и мое влагалище недостаточно разработано.

– Тише, милая. Расслабься, моя хорошая. Я уже внутри, – шептал муж и зацеловывал лицо, шею, плечи, мям груди, тербил соски.

– Ты моё платье разрезал, – сказала я с обидой, пытаюсь удержать слёзы и задыхаясь. Боль уже ушла, но прилив чувств не давал успокоиться.

– Пришлось. Я не хотел ждать. Куплю тебе ещё много таких, чтобы рвать их и резать каждый раз, когда будешь надевать их в нашу постель, – его обжигающее кожу дыхание, когда он говорил, сводило меня с ума.

– Мне нравится, когда ты такой нетерпеливый и страстный. Буду их специально надевать. Может и несколько за раз надену, чтобы ты их срывал с меня, – произнесла я, двинув тазом и обхватывая поясницу мужчины ногами, насаживаясь до предела.

Генри утробно зарычал и сорвался с тормозов, сразу же начиная вбиваться в тело, рвано и жёстко. Затем резко остановился. У меня вырвалось недовольное мычание. Стало так стыдно за свою несдержанность, что прикрыла лицо руками.

– Не смей закрываться. Смотри на меня, – глухо произнёс мужчина, и я не осмелилась послушаться.

Ритм движений стал медленнее и ровнее, но глубже. Мучительно для сходящей с ума от нетерпения меня. Я хотела быстрее и жёстче. Но Генри не отпускал мой взгляд и не давал шевелиться. Затем глубоко поцеловал и перевернул на живот, подкладывая подушку.

«Ох, как же хорошо. Я умру от такой нежности»

Он стал двигаться чуть быстрее, его член был глубоко во мне, его пах и низ живота тёрлись о мои чувствительные ягодицы. Бёдра скользили по задней поверхности моих бёдер. Влажные поцелуи и укусы оставляли жгучие следы на моих плечах. Я плавилась от сладострастия. Хотелось большего. Генри, кажется, читал меня, как открытую книгу. Он поставил меня в коленно-локтевую позу, отбросил подушку, и, придерживая бёдра, стал вколачиваться в лоно.

Когда я уже была на грани, а его член стал пульсировать во мне, он прижался грудью к моей спине и потянулся к волшебному бугорку. Я мечтала, чтобы он его коснулся. Два раза ущипнул и стал потирать пальцем. По телу прошла горячая волна, сладкая, удушающая, но долгожданная.

Перед глазами замелькали разноцветные мушки. Я рухнула на постель, Генри упал

рядом и заграбастал в охапку моё подрагивающее, влажное, скользкое тело. Подтянул одеяло, подложил подушку под свою голову, не отпуская меня от себя.

– Мне бы обмыться, – стало неудобно мне. Липкая масса скопилась между ног.

– Не сейчас. Я не хочу смывать с тебя следы нашей любви. Не сейчас.

Он повернул меня на бок, приподнял мою ногу и вошёл в лоно, притягивая плотнее к себе и кладя подбородок на макушку.

– Ты...

– Да. Я хочу тебя ещё. Даже не сомневайся.

Глава 32. Сладкое наказание

Генри

Я был счастлив. В кои веки. Счастлив абсолютно. Любимая женщина рядом. Ребёнок. Мой дом полон тихой радости и уюта. Я так хотел уединения, чтобы никто не вторгнулся в нашу семейную идиллию. Если бы мог, то оградил бы свой дом от остального мира барьером, сквозь который не проходил бы смрад от войн, преступлений, болезней, тупых и жестоких интриг. Но это, к сожалению, невозможно.

Утро было потрачено приглашением на помолвку виконта Сомерсета и Пенелопы Грант. Малое торжество состоится в доме невесты, а главная церемония бракосочетания и свадебный пир – в особняке Сомерсетов. Но это будет через месяц. Я очень надеялся, что мы обойдёмся малой кровью.

Я не желал везти жену дальше Пэмбрука, а лучше всего, всё завершить у Грантов. Здесь близко. Полчаса езды на хорошей скорости. Я знал, что там будет не так много народу, всего несколько семей, но и этого будет достаточно. Уверен, что с виконтом приедут его друзья, а леди Сомерсет будет сопровождать великосветский цветник.

Как ни странно, Маша спокойно отреагировала на эту новость. Я знал, что она недолюбливает Пенни. Не без оснований, конечно. Но я перед ней, как и перед Богом и людьми чист, как младенец.

– Когда ехать? – спросила жена.

– Через три дня. Прости. Я сам не знал. Мне жаль, что ты не успеешь как следует подготовиться, – я правда чувствовал себя виноватым.

– Почему ты извиняешься? Платьев полный гардероб. Бери, не хочу. А большего мне и не надо. Я бы не пожалела здоровья и поехала бы ещё несколько раз, чтобы убедиться в том, что она точно выходит замуж, – поджала она губы.

– Маша, что эта за эмоции? Ты ревнуешь? – улыбнулся я.

– Я? Даже не думала. Просто хочу, чтобы твоя Пенни была счастлива.

– Господи, милая, ты ревнуешь. Или сюда!

Мы были в библиотеке. Я сидел за письменным столом, когда Маша вошла и отрешённо копошился в бумагах, пока не зашёл разговор о приглашении.

Сейчас Маша сидела в кресле, с силой сжимая подлокотники.

– Маша, дорогая, если ты сейчас не подойдёшь, я тебя накажу, – хрипло произнес я. Голос пропал сам собой, когда представил, как я наказываю эту дерзкую девчонку.

– Для этого тебе надо меня поймать, – сказала она и метнулась к двери.

Я был проворнее. Жена же зацепилась за подол и чуть не влетела в дверь лицом.

Я поймал её прямо у самой двери и крепко прижал к себе. Сердце у меня колотилось

так сильно от испуга, словно хотело вырваться через глотку.

– Боже, ты меня погубишь. Я так испугался. С тобой всё хорошо? – я отстранил от себя жену и заглянул в глаза. Она тоже испугалась, это было видно по её лицу. Но, тем не менее, мягко мне улыбнулась.

– Всё хорошо. Эти чёртовы длинные платья не дают нормально ходить. То ли дело джинсы, – она резко побледнела. Я понял, что она сболтнула то, что не должна была. Странное слово. Даже не выговоришь. Но сейчас не до этого. Если сейчас я её не отвлеку, она закроется от меня.

– Я предупреждал тебя, что накажу, если меня не послушаешься? – томно спросил я, мурлыкнув на соблазнительное ушко. Лизнув языком по маленькой раковине, прикусил мочку. Мягкую, сладкую.

– Что? – прозвучало странно. Всё ещё в раздумьях.

– М-м-м-м-м, – промычал я, снова лизнув, но за ушком.

Маша выгнулась резко дугой и издала тихий стон. Такая чувствительная.

– Какое сладкое наказание, тебе не кажется?

– Может, простишь свою бедную девочку? Я буду хорошей, – решила меня подкупить хитрюга, наконец поддавшись моей игре.

– Нет, милая. Я не могу отказать себе в удовольствии наказать мою дикую кошечку.

Кто бы подумал, что я умею так флиртовать? Раньше мне казалось, что это противно и недостойно серьезных мужчин. А сейчас меня это заводит. Женщина в моих объятиях такая нежная, податливая, чувственная, что аж руки дрожат, так и хочется к ней всё время прикасаться. Я чувствовал себя маньяком-садистом, готовым съесть эту сладкую девочку.

– Генри!?! – выдохнула она.

Я потащил её к столу нагнул над ним. Сам же задрал подол платья до поясницы. Молниеносно освободил от панталон. Её ровные круглые бёдра смотрелись великолепно в кружевных подвязках и белых шёлковых чулках. Круглые, гладкие ягодицы так и просились, чтобы их отшлёпали. Что я и стал делать с превеликим удовольствием.

– Не может быть, – ахнула потрясённо Маша после первого шлепка. – Ты что делаешь, извращенец? – возмутилась она, пытаясь вырваться. – Сейчас сюда кто-нибудь ворвётся. Тебе не будет стыдно? – говорила она, от каждого моего шлепка то почти сливаясь с поверхностью стола, то пытаясь уйти в бок.

У неё не было шанса вырваться. Когда цвета слоновой кости кожа порозовела, её ягодицы стали похожи на половинки спелого персика. Я наклонился и стал целовать горячую от прилива крови кожу. Провёл пальцами по промежности и ввёл их в горячее влажное, сочащееся соками возбуждения лоно.

– Это я-то извращенец? Ты вся течёшь от моих шлепков, – хмыкнул я, быстро вытаскивая напряжённый, болезненно дёргающийся член и с упоением вошёл в это жаждущее лоно.

– Маша, какая ты узкая... Мне даже больно находиться внутри тебя. Но так сладко и мучительно нужно мне. Люблю тебя, я тебя так люблю!

Сразу взял ровный и быстрый ритм, придерживая жену за бёдра. Она вцепилась руками за стол.

– Генри! Ох, послушай, дверь, – раздавшийся затем стон чуть не вызвал у меня сердечный приступ.

– Далась тебе эта дверь. Она закрыта, – рыкнул я, вышел из сладкого чрева и посадил

девчонку на стол, разводя её ноги, платье спуталось на талии и не мешало. Она поставила ноги на стол, открывая полный доступ. Притянула меня за шею. А я снова погрузился в благословенное нутро и стал вбиваться в желанное тело жёстко и глубоко, насколько мог.

– Поцелуй меня, Генри.

Раскрасневшееся лицо, приоткрытые покусанные губы, а в глазах звёздное небо.

Убью любого, кто её такой увидит. Нет, убью до того, как увидит. Она моя и только моя!

На третий день мы всей семьёй отправились к Грантам. Маша настояла, чтобы мы взяли с собой Лиззи. А чтобы за ней было кому присмотреть, если что, мы взяли и мадам Фаррел.

Леди Алиса сразу же отвела нам комнату Эдварда. Хорошо, что она находилась в прямо противоположной стороне от комнат Пенни. Всё-таки мудрая женщина леди Алисия. Должны быть в доме мужская и женская половины.

Гостей понаехало много. Лорд Грант попросил меня принять нескольких гостей у себя дома, потому что всех разместить не получится. Приехал и Артур. У него, скорее, останутся родственники леди Кент. Не нравилась мне эта девушка. Совершенно. Артур, конечно, сам знает, что ему нужно, но в данном случае он явно проигрывал. Мутная она какая-то. Неприятная. Я как-то нечаянно подсмотрел, как она дала пощёчину своей горничной. Так себя благородные женщины, тем более девушки, не ведут.

В зале уже было негде яблоку упасть, когда мы спустились. После объявления помолвки начались танцы. Бал открыла новоиспечённая пара. Я был увлечен своей женой. Она всё время держалась около леди Алисии. И я старался её не упускать из вида. Когда большинство гостей рассосалось по дому, стало легче.

Для пожилых дам была организована своя комната, для солидных мужчин отдельная, а молодежь и те, кто считали себя ещё крепкими, танцевали.

Ничего не должно было случиться.

Глава 33. Подслушанный разговор

Маша

С момента, как мы переступили порог дома Грантов, я чувствовала себя под наблюдением. Естественно, что многим хотелось узнать, что за женщина захомотала завидного жениха. Богат, красив, нет прямых наследников. Артур уже не претендовал на титул графа Пэмбрук. Ему и своего хватало. Тем более, что сам его добился. Стал основоположником нового рода – это многого стоит.

Я видела с какой жадностью и любопытством смотрели вслед мужу. И не только женщины, но и мужчины. Ведь такой кандидат в зятя сорвался с крючка. А я себя чувствовала микробом под лупой микроскопа. Одета я была прилично, драгоценностей на мне хватало, считай целое состояние.

Генри не поскупился. Я вся была обвешана бриллиантовыми цацками. Белое шёлковое платье, тонкие перчатки до плеч, атласные белые туфли. Лёгкое кашемировое манто с белоснежными перьями. А на голове шляпка с атласными белыми лентами. Единственным отличим от общего ансамбля была зелёная сумочка, украшенная жемчугом и кулон с огромным изумрудом. После я оставила пелерину в комнате и нацепила белый шарф из газа.

Было вначале страшновато, когда проходили сквозь толпу под перекрёстным огнем. Мы пропустили момент встречи гостей на лестнице, потому что приехали раньше. Поэтому

дождались, когда почти все соберутся в бальном зале, чтобы спуститься вниз, оставив Лиззи под присмотром Греты в детской комнате. Там были девочки примерно её возраста. Я боялась, что её могут обидеть, поэтому мы с ней предварительно поговорили о том, что и как следует делать и как себя вести. Я зашла к ней перед поездкой.

– Послушай, милая! Ты же знаешь, как ты мне дорога? Как сильно тебя любит отец?

– Да, мамочка, – Лиззи упорно называла меня мамой. Меня это смущало, но я старалась относиться к этому, как к должному.

– Главное, чтобы ты об этом помнила всегда. Дверь в свой дом закроем, весь мир остаётся снаружи, а мы в доме. Ты понимаешь, что я хочу донести до тебя?

– Мы семья, – гордо ответила девочка.

– Ты умничка. Запомни, как ты себя воспринимаешь, такой воспримут тебя и окружающие. Ты должна верить тому, что говорят тебе в семье. Ты самая умная, самая красивая и самая смелая девочка, в моих глазах точно. В папиных глазах просто сокровище. Ты в этом обществе занимаешь высокое положение и не должна ни перед кем склонять голову. Твоя хорошенькая умная голова должна быть высоко поднята. Почитай старших, относись с уважением к своим сверстникам, помогай малышам. Никогда не зазнавайся. С прислугой и обычными людьми веди себя корректно. То есть, не унижай их, но и не давай себя обманывать. Есть такое слово, как субординация. Это правила поведения. К тебе должны тоже относиться с почтением. У тебя должно быть своё мнение. Ты не должна идти на поводу чужих амбиций или желаний. Послушай, Лиззи, я понимаю, что ты мала для многих вещей, что я сейчас наговорила, но уверена, что со временем все поймёшь.

– Что-то случилось? – с тревогой посмотрела мне в глаза девочка. Я обняла её, крепко прижимая к себе. Не могла же я ей сказать, что сама тоже боюсь. Каждый раз до ужаса.

– Нет, моя хорошая. Просто я боюсь, что тебя могут обидеть.

– Не надо переживать. Я уже взрослая и могу за себя постоять, – храбро заявила мелкая.

– Ты молодец. Я даже не сомневаюсь в этом. Помни, что мы есть у тебя. Хорошо?

– Я люблю тебя, мама, – эти простые слова починили мне боль. Я всегда мечтала сказать это своей маме. Но, почему-то так и не сказала ей.

– Я тебя тоже, дорогая. Очень люблю, – поцеловала девочку в макушку.

Бал открыли виновники торжества после того, как объявили помолвку. Я уже не так остро реагировала на Пенелопу. Она была увлечена женихом. И слава Богу! Но меня она окатила презрением. Ну и на здоровье!

Одной проблемой меньше. Леди Сомерсет пыталась меня заарканить, чтобы, взяв в плен, допросить с пристрастием. Но меня спас мой герой. Генри утащил меня на танец. Когда не танцевала, сидела по другую руку от леди Алисии, подальше от Шерлока Холмса в юбке. Пришлось также приветствовать Артура с невестой. Эта девушка упорно напоминала мне дохлую рыбу. Или слишком высокомерна, или больна. Не может человек быть таким безэмоциональным. Мне стало искренне жаль Артура. А потом и вовсе всё равно. Сам не ангел. Его привязанность к компаньонке своей невесты была очевидна для внимательных глаз.

Несколько часов утомили меня безмерно. Часть гостей рассосалась по комнатам для отдыха. Музыка не умолкала и била по вискам. Вот чего мне не хватало, так это таблеток. С этим здесь был напряг. Сказав на ушко леди Грант, что поднимусь наверх, постаралась ретироваться так, чтобы меня не заметили.

Второй этаж тускло освещался единичными свечами.

Сюда с трудом доносился шум с первого этажа. Прежде, чем зайти в свою комнату, отправилась посмотреть, чем занимается Лиззи.

Заходить не стала. Девочки во что-то играли, и я не стала к ним лезть. Когда возвращалась, послышались шаги и тихий разговор. Кто-то поднимался на третий этаж.

Я бы не обратила внимания, если бы это не была невеста Артура с мужчиной. И это был точно не граф Карневан.

Даже тогда решила не лезть не в своё дело, но, когда я готова была покинуть лестничную площадку, услышала глухой удар и стон.

Мысль, что девушка пострадает, и что я просто не успеваю кого-нибудь позвать, заставила взбежать по лестнице. И мне жутко повезло, что ступеньки были покрыты толстым ковром и не скрипели, а обувь на ногах была мягкой.

Сначала я ничего не увидела. Я боялась подняться в полный рост и выдать себя. Белый цвет одежды очень хорошо виден даже в темноте. Поэтому слилась со стеной и осторожно выглянула из-за угла.

Холодная рыбина стояла на коленях и смачно отсасывала мужчине. Меня словно пыльным мешком по голове стукнули. Во рту стало кисло и голова разболелась сильнее.

– Хватит твоих слюней. Хочу трахнуть тебя, девочка, – тихо произнес сухой грубоватый голос.

– Я должна выйти замуж, – откашлялась девушка.

– Мне и не нужна твоя девственная печать. Мне достаточно, что я сорвал вторую, запретную, – хмыкнул мужчина. Он схватил девушку за руку и открыл ближайшую дверь.

Через несколько секунд раздался негромкий вскрик и глухое рычание.

Не знаю, что не давало мне уйти. Неприятно было слышать звуки пошлых шлепков и тонкий скулёрж девушки. Меня мало волновало то, что она обманывает мужчину. Артур был не дурак. И не думаю, что он не следил за своей будущей женой. Только чего он выжидал? И почему сейчас её не ищет?

Я быстро прошла в глубь коридора и спряталась за статуей. Стоило выждать. Вряд ли их свидание продлится долго. Шестое чувство подсказывало – неспроста всё это.

Дверь открылась внезапно. Я только сейчас сообразила, что возня прекратилась минуту назад.

– Как я спущусь в таком виде? – капризно произнесла девушка, расправляя платье, хватаясь за волосы.

– Обычный вид. Затраханый, – глумливо хмыкнул партнёр. – Пойди в свою комнату. Скажешь, что голова разболелась. Позже спустишься. Скажи спасибо, что я не в тебя спустил. Если я упущу девицу, ты пожалеешь.

– Как её выведу отсюда? Мы с ней не дружны, она не пойдёт со мной.

– Они привезли дочь. Если скажешь, что девочка вышла в сад, она пойдёт с тобой. Если не выгорит, напросись к ним в гости. Послушай, милая. Я не играю с тобой. Она единственная, кто ещё остался из возможных наследников. Ты не в счёт. Если будешь делать так, как говорю, станешь королевой. Поняла?

– Да. Я сделаю всё, что в моих силах.

– Постарайся. Это тоже принадлежит мне, запомни. Этот хлыщ никогда не получит то, что я считаю своим.

Мужчина грубо схватил девушку за промежность. Резко отпустил и растворился. Леди Кент постояла немного изваянием себе самой, словно прислушиваясь, и спустилась вниз.

Пошла и я следом. Девица зашла в одну из комнат. Ещё раз убедилась, что Лиззи ничего не угрожает. Мадам Фаррелл была в комнате. Значит, леди Кент попробует блефовать. Посмотрим.

Глава 34. "Благородные" похитители

Маша

Мне пришлось зайти в комнату, выделенную нам. Отлично. Хоть умоюсь. Лицо горело. Я не стыдилась, что подсматривала и подслушивала. Что мне оставалось? Как бы я Генри ни любила, даже став графиней, не являюсь частью этого общества. И вряд ли, стану. У меня здесь больше врагов, чем друзей, что естественно. А любопытствующих соглядатаев ещё больше.

Трогать сами не будут. Но это и не нужно, если только умело заведут разговор о нравственных устоях и бедных предках, которым спокойно в гробу не спится из-за безответственных потомков, что не чтят свой род и наследие. Затем натравят более недалёких и злобных шавок, что как рыбки-прилипалы являются паразитами, кормящимися остатками со стола хитрых интриганов крупного масштаба.

Те и рады стараться, лишь бы кусок пожирнее словить. А заводилы изобразят маску святой невинности: «Как можно? Да разве так поступают? Бедное дитя! Вот что значит не соблюдать традиции. Ничего бы не случилось, квакай вы и дальше в нашем болоте. Мокро, грязно, воняет. Но, как говорится, своё дерьмо не пахнет»

Знал бы Генри, какие некрасивые мысли крутятся в голове его обожаемой жены. Приятное тепло разлилось в груди, когда вспомнила мужа.

«Как же мне защитить нашу маленькую семью?»

Пришло время спуститься. Надо покрутиться, чтобы меня увидели. Заодно проверю, на месте ли моя девочка. Неплохо было бы сказать Генри, но я боялась, что он поднимет переполох. Скажу дома. Главное, чтобы отсюда уехать невредимыми.

Я вышла из комнаты и увидела, что из-за угла вышла мадам Фаррелл, держа в руках небольшой глиняный горшок.

– Вы отлучались? – моё сердце сжалось в предчувствии беды. Мерзкий холодок прошёл по позвоночнику.

– Да. Лиззи хотела спать. Я пошла ей за тёплым молоком. У здешних слуг руки не из того места растут. Совершенно ничего не умеют.

– Грета, где ты оставила Лиззи? – мой голос дрогнул, он был натянут, как струна, и казалось, что она сейчас порвётся от натуги. В висках забились в припадке боль.

– С детьми, где ей ещё быть? – ответила с недоумением женщина.

Я бросилась обратно. Ноги почти не слушались. Руки тряслись.

– Здесь была леди Кент с компаньонкой. Я решила, что девочке не повредит увидеть, как себя ведут леди.

– Уверена, что Лиззи этот урок запомнит на всю жизнь, – глухо произнесла я, врываясь в пустую комнату. Я заметалась, как птица, у которой выпал из гнезда птенец. Лиззи всего лишь маленький ребёнок. Я знала, что ей грозит опасность, и повела себя как идиотка.

Стремительно вылетела в коридор и помчалась вниз. Музыка становилась громче.

Мазурка или кадрили. Нелепые танцы. Прыгают, дрыгают ногами, скачут, как козлики. А я проворонила ребёнка.

Я задыхалась. Сердце колотилось о рёбра. Горло свело судорогой. Где искать Генри? Нет, где найти эту змеюку подколенную Артура? Я была уверена, что он был в курсе происходящего.

Кружева, пастельные цвета платьев, чёрные, серые, коричневые, синие, бордовые фраки. Слепящий глаза, блеск драгоценностей – всё слилось в карусель. Меня подташнивало от страха и усталости. Но я упрямо шла сквозь толпу в сторону сада.

«Они туда хотели меня заманить», – стучало в голове.

Вдруг мою руку перехватили ледяные пальцы, безжалостно впиваясь ногтями в нежную кожу даже сквозь шёлк перчаток.

– Леди Кэтрин, вы не дочь, случайно, потеряли? – холодные бесстрастные глаза и мина озабоченности на бледном лице. Жуткий контраст. Я вспомнила мультфильм «Каролина». Фальшивую, правильную маму девочки. Точь в точь она.

– Да, конечно. Вы её видели? – задала вопрос, чувствуя, как сама, по собственной воле, пойду в ловушку, лишь бы ребёнок не пострадал.

– Видела, как она проскользнула в сад. Была уверена, что она с кем-то из вас. Хотя, я видела Генри и Артура, что ушли в кабинет лорда Гранта. Вы не переживайте. Что может случиться с ребёнком среди такой толпы? – ухмыльнулась стерва на мгновение, сразу же стирая ухмылку и надевая снова маску.

– Леди, я пойду поищу её, – вызвалась Грета. Но этим людям нужна была я. Стоило подумать, что женщина за мной побежит.

– Сами потеряли, теперь ищите? Ступайте отсюда, милая. Я пойду с графиней, – жёстко заявила девушка и вновь вцепилась в руку мёртвой хваткой. Я вздрогнула всем телом. Что за грабли у этой девицы?

– Мы сами пойдём. Право, вам не надо меня сопровождать с такой-то свитой, – криво улыбнулась я леди Кент и получила в ответ напряжённый оскал. В глазах плескался ужас. На самом дне глаз. Всего секунду, но, я разглядела его. Взгляд был направлен за мою спину. Я хотела развернуться, но мне не позволили.

– Пойдёмте же.

Я поморщилась, но последовала за девушкой. Мельком смогла увидеть профиль мужчины, на которого смотрела девушка, но разглядеть не успела. По фигуре это был точно тот человек, который совокуплялся с леди Кент наверху.

Пока я размышляла, мы оказались в саду. Меня резко подтолкнули вперёд, наконец-то отцепляясь.

– Где девочка? – спросила я. Бледнолицая шпала развернулась и пошла в дом.

А на меня напали сзади. Удар страшной силы взорвал мозг, раскалывая череп на осколки.

Первым сквозь плотную тьму просочился звук колёс. Одно из них безбожно скрипело. Готовились, видимо, похитители на скорую руку.

Я попыталась пошевелиться, но только застонала от боли. Мои руки были заведены за спину и крепко связаны. Ниже локтей я их не чувствовала. А плечи и спина горели огнём от невыносимой боли. Я лежала на полу кареты, лицом на грязных досках. Кожу с щеки, кажется, стесала напрочь. Перед глазами виднелся тяжёлый ботинок на толстой подошве и грязная мятая штанина. Свет от керосинового фонаря моргал и рассеивался, иногда высвечивая убогую картину внутренней отделки катафалка на колёсах, а иногда погружая в душную, пропитанную запахом прогорклого жира, вкупе с чесноком и застоявшегося аромата грязной одежды и пота, тьму.

– Очнулась? Лучше бы ты оставалось без сознания. Придется тюкнуть ещё раз. Не люблю кровь, – с сожалением проскрипел голос мужчины сзади. Повернуть голову не было возможности. У меня свело шею. Значит, везут достаточно долго.

– Что вам от меня надо? – почти прошептала я.

– Не надо нас ни о чём спрашивать. Наше дело благополучно тебя утопить, а не разговаривать с тобой, – прошаркал перед носом ботинок, поднимая пыль, я чихнула и разбудила спящее лихо – боль стала плавить мозг.

– Куда вы меня везёте? И зачем меня топить? – не унималась я.

– Ладно, раз ты спрашиваешь, отвечу. Будем считать, что это последнее твоё желание исполняем, – хрюкнул «ботинок». – Это не мы тебя утопим. Сама себя утопишь. Почему? Это уже не наше дело. Самоубивица будешь.

– Ясно.

«Ум-м-м, как больно-то. Бедная моя голова»

– А может, договоримся? Вы же взяли мои драгоценности? Так вот, я подарю вам их от чистого сердца. Тогда от них будет толк. От украденных вещей толка не бывает. Как пришло, так и ушло.

– Она права, – поддержал скрипучий голос. – За всю жизнь так и не нажил добра, хотя через эти руки прошло много всего: деньги, золото, драгоценности.

– Ну и что? Теперь из-за твоего согласия с этой леди мы должны слушать её? Может,

ещё и домой отвезём, живую и невредимую?

– Мы и так её домой везём, дурень. Отпускать её никто не собирается. Я знаю своё дело и ещё никого не подводил.

– Эй, уважаемые, а можно я скажу своё последнее желание? Я не прошу меня отпустить. Хочу попросить.

– Говори, мы не спешим. У нас ещё время есть, – разрешил «скрипач».

– Можно я на кладбище выйду? Мне недолго. Только проститься. Очень вас прошу! Там родители мои и сестра.

– Сбежать хочешь?

– Куда я сбегу? Я тело своё не чувствую. Это недалеко. Всего минуточку, что вам стоит?

Тем более, что кому-то придётся мне помочь идти.

– Лорд... – начал «ботинок»

– Молчи, идиот! – прикрикнул «скрипач», прерывая подельника.

– Титулы не делают людей благородными. Людей делают благородными их поступки, и выполнение последнего желания в первую очередь входит в этот список. Даже пиратам и преступникам давали возможность исполнить последнее желание. А я не преступница, – всхлипнула я.

– Вот только не реветь. Ненавижу женские слезы. Остановимся не надолго. Но, если хоть шаг в сторону сделаешь – повешу на ближайшем суку, – прижавшись к уху, пообещал «скрипач», обдав терпким амбре, от которого сдох бы слон.

Потребовалось титаническое усилие, чтобы не поморщиться или как-то ещё проявить свою неприязнь.

«Господи, спасибо тебе. Хоть кого-то алкоголь делает благожелательным, и сегодня мне повезло»

Глава 35. Предчувствие

Генри

Слишком всё было хорошо. Так хорошо, что я чувствовал подспудный страх. Я видел, как Маша ушла наверх. Решил позже к ней подняться. Но отвлекало то одно, то другое. Именно всем я сегодня понадобился. Все были дальними родственниками или друзьями отца. Я не мог от них отмахиваться. Маши всё не было.

В какой-то момент я увидел Артура, который делал мне знаки. Я простился с собеседниками и отправился к нему. Длинный коридор, подъём на второй этаж крыла, противоположного тому, где нам предоставили комнату. Это была новая пристройка, где лорд Грант имел свой кабинет и разместил обширную библиотеку. Выше была оранжерея. Тайная слабость хозяина дома.

Так вот, мы проникли в библиотеку. К своему безграничному удивлению я увидел дочь, что сидела в глубоком кресле, почти утопая в нём вместе с ногами, и компаньонку леди Кент.

– Что происходит, Артур? Лиззи, ты что здесь делаешь?

– Папочка, вы пришли за мной! – сползла с кресла дочь и бросилась ко мне. Я крепко сжал её в объятиях.

– С тобой всё в порядке? – спросил я ребёнка, она кивнула. – Не бойся, ты со мной. А теперь объяснитесь! – развернулся я к парочке.

– Времени нет. Твою дочь хотели сделать приманкой, чтобы выманить...

– Машу, – выдохнул я и возникло ощущение, что земля уходит из-под ног.

Покачнувшись, я сел в кресло, с которого ранее забрал дочь. – Где она?

– Возможно, что в вашей комнате. Но это не гарантирует её безопасность. Ты посиди здесь с дочерью, а мы отправимся к твоей жене.

– Нет. Я сам с дочкой пойду, – решительно направился я к двери, крепко прижимая к себе малышку.

– Генри, не глупи. Люди могут быть вооружены. Нельзя, чтобы ребёнок пострадал или увидел то, что ей не полагается в силу своего возраста.

– Как получилось, что моя дочь с этой девицей? – спросил я.

Девушка поджала губы.

– Простите, я не представлен вам, и мне не до церемоний, – проявил учтивость.

– Я понимаю. С недавнего времени я была приставлена к леди Кент компаньонкой, чтобы следить за ней. Все её дороги вели к вам.

Я знал, что большего она не скажет. Ещё и ребенок всё слышит.

– Это значит, что вы вместе работаете? И нет смысла спрашивать, на кого?

– На страну. Устраивает ответ? – задал вопрос друг.

– Лиззи, где мадам Фаррелл?

– Она пошла мне за молоком. Наверное, меня ищет.

– Артур, надо мадам Фаррелл найти.

– Кажется, я её вижу, – ответил Артур. Я опустил дочь на пол и крепко взял за руку. Так, вроде, не особо привлекаю внимание. Хотя, маленькие девочки уже должны спать.

Я тоже увидел женщину. Она с растерянным видом стояла у выхода в сад.

– Мадам? – обратился я к ней.

– Моя девочка! Где вы нашли её? Ведь оставила совсем не надолго. Я заберу её? Да, леди Мария её тоже искала, – добавила она. – Она была очень расстроена.

– Где она? – с замиранием сердца спросил я. – Где вы её видели?

– В сад пошла с леди Кент. Такая невоспитанная девица. Мне жаль вас, лорд Карнарвон. На себе крест ставите, пытаетесь ввести такую невоспитанную невежу в дом. А я оставила её с девочкой. Чему она может научить моего ангелочка?

Я очнулся и бросился в сад, оставляя женщину в недоумении. Кадетсы, друг следовал за мной, как и его напарница.

Тишина в саду стояла поразительная. Как будто разом выключили все звуки, кроме доносящихся из дома. Но и они звучали, как сквозь толщу воды. Мы пробежали по всем тропинкам. Но, ничего не обнаружили.

– Сюда! Она здесь, – услышали мы приглушённый голос компаньонки (или шпионки?)

В беседке мы смотрели, но не за беседкой. За густым кустарником лежала девушка. Я молил бога, чтобы это была Маша. Одновременно, чтобы и не была, если она, не дай бог ... Даже думать об этом не смею.

– Она жива? – спросил Артур.

– Что ей сделается? Жива, – ответила компаньонка презрительно. Значит, не жена.

Я бросился к леди Кент.

– Приходите в себя. Немедленно, – хлопнул я её по щеке. – Куда увезли мою жену?

– М-м-м-м, как вы смеете меня бить? – попыталась возмутиться леди Кент, выглядевшая, как женщина из борделя. Она схватилась за голову.

– Немедленно говори, куда её увезли! Иначе, я сверну твою цыплячью шейку, – прошипел ей на ухо друг.

– Ох, моя голова, простонал она. – А вы тоже хороши, жених называется, – вызверилась она на Артура. – Вместо того, чтобы...

– Вы испытываете моё терпение, – с силой сжал я плечо девушки.

– Он попытался меня убить. Только не знал, что я специальный корсет всё время ношу, чтобы невозможно было ножом проткнуть. Платье порвал...

Я встряхнул её сильнее.

– Вроде, к какому-то пруду должны отвезти.

Дальше я уже не слушал. Я знал, куда её везут. Лишь бы довели живой. На всю округу только в имении Пэмбруков был достаточно большой пруд, который даже называли озером.

Чтобы добраться до коня, мне понадобилось время. Я не стал его даже седлать, а вылетел из конюшни на полной скорости, взяв с места в карьер. Я видел, как Артур выбежал из дома, но даже слушать не стал, что он кричал мне вслед.

Конь подо мной летел, словно птица, но мне казалось, что плетусь, как черепаха. Представлял себе все ужасы, что могли приключиться с моей девочкой. Я не мог её потерять. Не мог. Я только нашел её.

«Господи, прошу тебя! Пусть ей не причинят боль. Она и так страдала. Помоги ей! Помоги мне!»

Я молился всю дорогу, выглядывая спереди карету. Слышать её я не мог, потому что для этого надо было остановить коня. А это было смерти подобно. Но и света фонаря я не видел впереди. Вскоре оказался близко от дома. Увидел свет у конюшни, где спрыгнул с коня и бросил вожжи подбежавшему конюху.

От взмыленного животного поднимался вверх пар.

– Сюда не приезжала карета? Никаких звуков вокруг не было? – спросил я парня. Вскоре рядом с ним появился и старый конюх.

– Мы охраняем лошадей по очереди. И всегда делаем обход. Никаких происшествий не было, господин.

– Что же это? Седлайте мне коня! – крикнул я, сходя с ума.

Через несколько минут я уже сидел на нового коня.

– Господин, час назад я встречал наших из деревни, они ездили за провизией и задержались. Так Дженни клянётся, что к кладбищу подъехала огромная карета с чёрными лошадьми.

– Уверен?

– Не знаю, стоит ли ей верить, но о нашем кладбище всегда ходили странные слухи. На что там святая земля. Только зачем ночью ездить к кладбищу? Чудно как-то.

Новая скачка. На выезде из леса встретил карету Артура. Поход на кладбище ничего не дал. Ни кареты, ни Маши там не было. Уже на рассвете пришлось отправиться домой. Бродящих среди могил двух мужчин приняли бы за сумасшедших. Рано утром вернулись и дочка с экономкой. Благо, гостей я не дождался. Многие предпочли уехать в Пэмбрук.

– Я найду её, Генри.

– Не говори мне ничего, Артур. Какого чёрта происходит? Почему я должен страдать? Моя жена, которая столько перенесла, неизвестно где. Сколько ей ещё предстоит испытывать боль? Если она вообще жива. Из-за интриг, к которым мы не имеем никакого отношения!

– Прости. У меня сейчас нет времени с тобой говорить. Надо выловить преступников и докопаться до истины. Если было покушение на леди Кент, то оно повторится. Она знает слишком много. Да и похитителей необходимо найти, пока тоже живы.

– Я не останусь здесь.

– Ты обязан. Вдруг она вернётся домой? Ей больше некуда идти. Да и дом надо охранять. У тебя ребёнок. Обещаю, что мы обо всём спокойно поговорим. Но не сейчас.

Он ушёл, а мне казалось, что меня накрыло прозрачным куполом, из-под которого выкачали весь воздух.

Глава 36. Возвращение домой

Маша

Я едва сдерживалась от того, чтобы не заскулить или не взвыть от боли. Мои руки были связаны за спиной в локтевых сгибах так сильно, что я уже не чувствовала предплечий и кистей рук. А плечи сильно ныли из-за вывернутого до предела состояния. Максимально постаралась облегчить своё положение.

Пока эти двое говорили о какой-то аппетитной девке из любимого ими бара в порту Кардиффа, пошевелилась, чтобы хоть ненадолго сдвинуть бедро. Сверлящая тазобедренный сустав боль уже «съела» не только копчик, но и мозг. Росло напряжение и раздражение. Сдвинула ноги, поёрзала, чтобы дать отдохнуть спинным мышцам. Тело окоченело и свело, но уже стало немного лучше.

Беспокоили только руки. Не хочу оставаться калекой. Слишком долго стянуты и нарушено кровообращение. Сложно судить и о том, в каком состоянии нервы. Я ничего практически не чувствовала. Выпятила грудь и сильнее сдвинула лопатки. Я не знала, сработала моя уловка или нет, ослабляя веревки, но не позволяла себе вернуться в исходное положение. Через несколько минут по разговору похитителей и бесконечно долгое время по ощущениям, стала чувствовать странное покалывание. Оно становилось сильнее и сильнее, пока боль обжигающей лавой не хлынула в застоявшиеся мышцы.

Прикусила губу до крови, чтобы не застонать или, не дай бог, закричать, но молчала, как партизан на пытке. Чем не героиня фильмов о войне?

Карета остановилась резко. Не повезло моей бедной щёчке. Представляю, как я должна выглядеть.

– Встаёшь или ждём второго пришествия? – спросил «ботинок».

– Простите меня. Я не могу пошевелиться, – пожаловалась я, откашливаясь. Тонкое шёлковое платье не защищало от холода. Весенние вечера были ещё очень прохладны.

Конечно, за то время, что мы проехали, чувствительность вернулась в руки, а боль в ногах стала терпимой. Но не настолько, чтобы я смогла самостоятельно подняться или вылезти (куда там?) из кареты.

– Не будь ты мне как брат, закопал бы тебя и твою подружку вместе, – сплюнул «ботинок» прямо перед моим лицом. – Эй, слезай с козлов, помоги даме выбраться, – крикнул он.

– Не кричи, здесь всё же кладбище, – перекрестился «скрипач». Послышался отборный мат. Дверца приоткрылась, впуская холодный и сырой воздух.

Меня так выдернули из кареты, подхватив под подмышки, что я невольно вскрикнула.

Не устояла всё же на ногах и сползла вниз, цепляясь лицом за одежду крупного мужчины. Кажется, добавились ещё ссадины. Голову прострелила резкая жалящая боль. Прикусила губу до крови, чтобы не закричать.

– Я вам не нянька, – глухо буркнул мужчина и убрался из поля зрения, занимая своё место на козлах. При этом карета закачалась.

– Вставай или на этом и закончим, – услышала голос «скрипача».

Мне с огромным трудом удалось сесть. Голова раскалывалась. Ещё чуть-чуть, и она треснет, как орех. К горлу подступила тошнота. С трудом сглотнула сухой ком и с третьей попытки приподнялась. Двое продолжали свой очень важный спор о благосклонности дамы.

Я огляделась. Да, это оно. То самое кладбище. Смотреть в сторону дома не стала. Всё равно сейчас я его не увижу, только расстроюсь. А ещё боялась, что упаду и не встану. Тогда точно мне придёт конец. Шаткой походкой (стянутые сзади руки в локтях не способствовали устойчивости) медленно прошла за низкую ограду кладбища. Постояла секунду, прислонившись бедром к столбу, на котором висела калитка. Пройти по извилистой тропинке между могилами оказалось непросто.

– Эй, не так далеко. Куда пошла? – крикнул «ботинок».

Я продолжала идти, как будто это не ко мне обращались. Резко похолодало и из низин потянулись клочья тумана.

– Вот ведь, не похожа она на обычную леди... Попросила отвезти на кладбище, не плачет, не скулит, прося пощадить её. Не злится, что драгоценности взяли. С ней всё в порядке или мы её неудачно тюкнули?

– Она пропала, – услышала я вмиг охрипший голос «скрипача».

– Как пропала? Действительно, пропала. Ах ты ж, чтоб тебя! Что нам делать?

– Искать, дурень!

Они прошлись раза два по кладбищу. Но, конечно, увидеть меня не могли. Я стояла за кованой оградой, вцепившись в холодные прутья и пыталась остаться в сознании.

– Пресвятая мать, уходим! Она точно не человек. Взяла и исчезла. Господи, спаси, сохрани.

Мимо промчались два жалких преступника.

Я сумела обмануть похитителей. Смогу ли выжить? В области темени жгло нещадно, как будто приложили раскалённый прут. Меня стошнило.

«Прости, Генри. Но мне придётся покинуть тебя на время», – подумала я.

Мир стал кружиться всё быстрее. Я вдыхала полной грудью насыщенный влагой загазованный воздух будущего. Шум ворвался в уши внезапно. Сирена где-то орала, сигналили машины, впился острой длинной иглой в мозг звук самолёта, и я отключилась.

Разбудил писк монитора, ритмичное уханье насоса дыхательного аппарата (знакомые все звуки) и разговор. Слов было не разобрать.

– Простите, – сказала я.

Но по тому, что на меня не обратили внимание, оказалось, что я не издала ни звука. Чувствовала только давление в горле. Скосила глаза и у видела, что изо рта торчит трубка. Сразу появилось чувство, что задыхаюсь.

– О, кажется твоя пациентка решила очнуться, – подошёл ко мне близко один из говорящих. Блондин с голубыми глазами.

– Да? Вот и молодец. Надо вытащить трубку. Она сильно на неё реагирует, – засуетился другой, худощавый шатен в очках.

– Послушайте, попробуйте успокоиться. Вам ничего не грозит. Если успокоитесь и будете меня слушаться, я уберу трубку, хорошо?

Я кивнула. Казалось, что лёгкие сейчас разорвёт в клочья. А из глаз ручьём текли слёзы. Дёрнула руками, они были привязаны.

– Вы обещали слушаться, – укоризненно произнёс очкарик. – Отключи от аппарата. Хорошо. Дышите сами. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох, – скомандовал он и вытащил из горла трубку. Я закашлялась.

Мужчина быстрыми и уверенными движениями очистил рот и глотку от скопившейся мокроты салфеткой. Стало резко хорошо. Я облегчённо прикрыла глаза, которые жгло, как будто в них насыпали песка.

– Отлично. Вы справились. Я боялся, что после такой операции вы впадёте в кому. Чем вы занимаетесь, что попадаете уже второй раз на операционный стол с черепно-мозговой травмой? Судя по состоянию прежнего рубца, это произошло совсем недавно, так? – начал задавать вопросы очкарик.

А я жутко хотела, чтобы меня хоть ненадолго оставили в покое.

– Не надо, Олег. Дай время пациентке оклематься (благослови тебя Господь!) Главное, что всё в порядке. Вы отдыхайте. Ваш доктор, Олег Николаевич, зайдёт позже и вы поговорите, – обратился ко мне уже другой блондин.

Я кивнула, будучи не в силах открыть глаза.

Не хотела ничего слышать, никого видеть. Я хотела к мужу. Он же с ума, наверное, сходит. Сколько я здесь? Поймали они тех уродов? Что там сейчас происходит? В порядке ли Лиззи? Ведь я так и не узнала, где девочка. Я хотела поскорее попасть обратно. Только вот от меня сейчас ничего не зависело. Кроме как вылечиться и вернуться к ограде. Возможно ли моё возвращение? И почему я одна так спокойно путешествую во времени? Столько вопросов.

«Генри, подожди немного. Я обязательно найду к тебе дорогу!»

Глава 37. Страх одиночества

Маша

Через несколько часов, ближе к вечеру, Олег Николаевич зашёл на несколько минут с медсестрой и ушёл, просмотрев анализы, получив от медицинской сестры данные параметров давления, пульса. Спросил про самочувствие и решил, что кислород мне уже не нужен.

– Сегодня уже поздно о чём-либо говорить, но, завтра, с утра, я жду от вас подробный рассказ о ваших злоключениях. Я зайду к вам в последнюю очередь во время обхода. К вам тут весь день рвался следователь. Так что имейте в виду, в покое вас не оставят.

«Просто супер. Что всем от меня надо? Преследуют здесь, преследуют там. В чём же я провинилась, что все напасти на меня сыпятся?»

Я не знала, о чём буду говорить с представителем правоохранительных органов. Просто хочу выйти из больницы и попасть на кладбище. Если нужно, поселюсь там, чтобы добраться до Генри. Я уже знаю, что мне нужен только он, и никто и ничего больше.

В палату вошла медицинская сестра.

– Я сегодня дежурю. Олег Николаевич распорядился, чтобы вы остались здесь на эту ночь. А завтра переведём вас в обычную палату, – проинформировала она меня.

– Спасибо. Вы не скажете, как я сюда попала?

– О, это очень интересная история. Только, боюсь, что я вас переутомлю.

Видно было, что девушке скучно. Но и нарушать правила она не собиралась. Очень милая и общительная, похоже.

– Я вам тут мазь заживляющую принесла. Лицо сильно пострадало. Олег Николаевич всё сокрушался, что такую красоту испортили. Ой, извините, я так много говорю, – ступевалась девушка.

– Да что ты. Давай на ты? Садись, пожалуйста. Я выспалась. И пока у меня ничего не болит. Я просто ничего не помню. И мне немного страшно, – умоляюще посмотрела я на неё.

– Я понимаю. Но здесь вы в безопасности, не переживайте. Так вы не помните, что произошло? – с любопытством спросила девушка.

– Нет. Помню, что пришла на могилку сестры и только решила навестить могилу родителей, сзади ударили чем-то тяжёлым и я отключилась. Ничего не успела понять.

– Какой ужас! Прямо на кладбище? Конечно же там. Что это я? Сторож нашёл вас у дверей сторожки. Пошёл закрыть ворота, а вы тут как тут. Лежите в грязи. Он позвонил в скорую и полицию. Говорят, что на вас было свадебное платье и кольцо. Золотое. Его в сейф спрятали. Мне Ленка рассказывала, что в ту ночь дежурила.

– Нет. Это точно не свадебное платье. Это я помню. Моя сестра любила красивые платья, вот я и нарядилась к ней.

Девушка недоверчиво посмотрела на меня. И лицо вытянулось. Она ожидала от меня чего-то необычного, чтобы рассказать из первых уст душещипательную историю странной девушки. Думаю, что её фантазия дополнит то, что я недоговорила. Знала бы она, откуда я пришла.

– Ну, ладно. Мне пора. Если что, вот кнопка. А так, я буду заходить сама.

Ночь прошла бурно. Привезли несколько человек с места аварии, пришлось мне переселиться в обычную палату раньше времени. Так что нашёл меня лечащий врач в палате с ещё одной соседкой.

– Вас ударили по голове. Образовалась гематома и мы её благополучно удалили. Было бы всё замечательно, если бы удар не пришелся по старому рубцу. Относительно старому. Я постарался, чтобы не было грубого шрама. Заживёт, под волосами видно не будет, – аккуратно смотрел рану доктор.

– Скоро они не отрастут, – пощупала я пальцами доступный участок, который колелся щёткой волосиков.

– Да. Вам надо пройти курс лечения. Иначе могут образоваться спайки и головные боли на будущее будут обеспечены. Не хочу пугать, но одно из осложнений – судорожные припадки.

В груди защемило. Появилась болезненная пульсация в голове.

– Не надо делать скоропалительных выводов. Я не говорю, что это случится. Нужно время и лечение, – понял моё состояние врач, накладывая повязку и закрепляя её сеточкой.

– Ясно. Спасибо.

Со следователем разговор вышел совсем короткий. Никому не охота было возиться с такими делами. Решили, что это ограбление. Я сказала, что у меня пропала цепочка с кулоном и золотые серьги. Таковые были, остались в коммунальной квартире. Я знала, что вещи мои пропали. Вот и всё.

Прошло десять дней. Причин держать меня в больнице не было. Швы удалили. Мой лечащий врач, что проявлял ко мне симпатию, настоял, чтобы меня перевели на два этажа ниже, в неврологическое отделение. Я и не сопротивлялась. Идти мне было некуда. Лечиться было обязательно. А попаду я в прошлое или нет, я не знала. Не стоило рисковать здоровьем. Я нужна Генри здоровой. От него у меня осталось только кольцо с розовым бриллиантом. Я носила с тобой целое состояние. Но мне оно было дорого тем, что это был мой единственный якорь, за который я цеплялась.

Впервые взглянула на себя в зеркало, когда меня поместили в палату с суровой тёткой. Меня это устраивало. Не было желания ни с кем общаться.

Я похудела. Очень сильно. На лицо нельзя было смотреть без слёз. Глаза стали больше или это только казалось из-за того, что их украшали темные круги, а впалые щёки делали скулы острее. Левая щека была отмечена синевато-бордовым пятном, после того как коричневая корка сошла. Тёмные волосы немного отросли. Я была похожа на солдатика-призывника.

«Да, уж. Красавица. Вряд ли я нужна буду Генри такой»

Слёзы непроизвольно потекли из глаз, и я впервые за всё время заплакала.

– Не надо плакать. Скажи спасибо, что осталась жива и не стала инвалидом, – привела меня в чувство соседка.

Я кивнула головой, шмыгнула носом и улеглась в кровать, накрываясь одеялом и отворачиваясь.

– Извините, – сказала запоздало.

– Ничего, милая. Не переживай, всё образуется.

Дни шли однообразно. Режим, таблетки, периодические боли, лёгкая тошнота и головокружения. Блеск!

Единственным человеком, который меня посещал, был мой бывший врач. Олег приходил каждый день. Открыто ничего не предлагал, но я знала, что он хочет продолжения встреч и отношений.

– Маша, можно тебя спросить? – начал он разговор однажды, когда мы сидели на скамейке в больничном парке. Я сразу поняла, что он хочет сказать. Ждала, но эгоистично не отваживала мужчину, боясь остаться совершенно одна, даже без псевдо-друга.

– У меня есть любимый человек, Олег. Прости.

– Но...

– Он очень далеко и не может до меня добраться. Я знаю, что ему больно и он боится, что я не вернусь к нему. Как и я боюсь его потерять.

– Ясно. Прости. Я думал... Всё нормально.

Мне стало грустно и одиноко. Как я и предполагала. За день до выписки к Анне Борисовне пришли посетители. А к вечеру она предложила попить с ней чайку и поговорить.

Даже не знаю, как, но я рассказала ей все. Плакала, смеялась и рассказывала. Женщина меня слушала очень внимательно и ни разу не перебила.

– Вот значит как?! Держи. Я просила принести мне её. Она вернёт твою красоту.

Анна протянула мне баночку из-под крема с пахучей мазью.

– Вы мне верите? – посмотрела я на неё сквозь мокрые от слёз глаза.

– Конечно верю. Такое невозможно придумать, и так переживать. В жизни случаются удивительные вещи, дорогая. Одна из них истинная любовь. Держи, – сунула она баночку мне в руки. – Мажь тонким слоем, не втирая. Ты очень красивая женщина. Я таких и не

встречала.

– Вы смущаете меня. Красивых очень много, – всхлипнула я, вытирая глаза.

– Нет, дорогая. Ты красива не только внешне, но и внутри. Я понимаю одержимость Генри, понимаю, почему и остальные мужчины смотрят тебе вслед. Береги свою внутреннюю красоту. Она даётся нам всем с рождения, но не все умеют её сохранить.

Анну выписывали на следующий день. Когда выписали меня, она приехала за мной на машине и ждала у ворот больницы.

Мы в тот же день поехали на кладбище. Чуда не случилось. В тот день я поняла, что могу и не увидеть больше Генри. Моё сердце, казалось, превратилось в кусок льда.

Глава 38. Ожидание

Маша

Мы с Анной очень сдружились. Она жила в пригороде, в небольшой деревеньке, что присмотрели для постройки своих особняков современные богатеи.

Пока что деревню не трогали. К счастью. Потому, что обидно будет, если такой замечательный уголок исчезнет.

Деревянная изба с резными наличниками и искусно сделанной резкой по дереву крыльцом стояла прямо посреди участка. Сзади сад, сбоку огород, цветники во дворе. Просто буйство красок.

Закрывая за собой высокие деревянные ворота, чувствовала особенную атмосферу вокруг дома. Я знала, что в метрах ста находится речка. Представляю, как здесь здорово летом.

Сейчас же весна вступила в свои права. Молодая листва ласково шелестела о чём-то своём. Птицы спешили обустроить свои жилища ещё лучше. Тюльпаны и нарциссы жёлто-алой палитрой радовали глаз на фоне сочной зелени.

– Что застыла? Проходи, – крикнула Анна, заходя в дом. Я зашла следом. Вещей у меня не было. Надела то, что принесла Анна. Шерстяное платье, жакет и туфли из мягкой кожи.

Изба внутри значительно ближе стояла к современному обустройству, чем к историческому. Комнаты сверкали чистотой, но не выглядели, как логово педанта. Гостиная или горница, если следовать жанру, была очень уютной. Огромный диван с кучей подушек, два удобных глубоких кресла, длинный низкий стол перед диваном, плазма на стене, столик с кучей дисков и видеоплеером. На полу – однотонный пушистый ковёр, на большом окне – ажурные решетки тяжёлых занавесок, облегченные лёгким белоснежным тюлем.

Спальня обычная. Кровать, шторы, ковер, гардероб, тумбочка с лекарствами. Кабинет выглядел более обжитым, чем остальные комнаты. Книги во всю стену, компьютер, принтер, обычная печатная машинка и куча исписанных и напечатанных листов. Удобное кресло за письменным столом, небольшой диванчик и два стула. Самое замечательное – камин.

Больше всего радовали кремовые, салатовые, голубовато-серебристые цвета.

– Поселишься наверху, – услышала я голос с кухни.

Вот кухня и ванная комнаты были просто супер-оборудованными, в стиле хай-тек.

– У тебя, вроде, нет второго этажа, – ответила я.

– Нет. Но у меня есть чердак. А там комната для таких неожиданных гостей, как ты. У меня редко кто останавливается. Не переживай, пауки и другая живность на чердаке отсутствует. Там миленько. Давай есть, иди, руки помой.

Пельмени со сметаной послужили отличным обедом, а горячий цейлонский чай просто привёл меня в состояние нирваны. Давно не чувствовала себя такой расслабленной и домашнему защищённой.

– Почему ты забрала меня к себе? – задала я вопрос, который меня мучил, когда мы уже ехали по дороге к моему бывшему дому. Анна решила мне помочь. У меня и счёт был в банке. Счастье, что я не успела забрать паспорт у соседки. Надеюсь, что она его никому не отдала.

– Ты нуждалась в помощи. Как я могла тебе не помочь? К тому же ты рассказала мне отличную историю. Думаю, что ты не будешь против, если я её напишу.

– Ты пишешь?

– Ага. Балуюсь. Так что, позволишь мне её изложить на бумаге?

– Давай. Только эксклюзивное интервью с главной героиней вам не светит, госпожа автор.

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Старый двор не вызвал никаких ностальгических воспоминаний. Соседка уставилась на меня, как на призрак, потом втянула внутрь квартиры и обняла. После слёз, вздохов и ахов, мы смогли нормально поговорить.

– Я думала, что ты погибла. Здесь столько всего произошло. Ко мне приходили из полиции, и наведывались те самые хулиганы, что приходили раньше. В общем, всех повязали. А ты как бы умерла и повесили твоё исчезновение на них. Только не вздумай сейчас «оживать»! – серьёзно посмотрела на меня женщина. – Ой, извини. Я не в том смысле. Просто боюсь, что тебе не будет здесь покоя, и ты пострадаешь. Лучше уезжай туда, где ты будешь в порядке, милая.

– Я понимаю. Мне нужны деньги, а без паспорта их сложно будет заполучить. Будь у меня карточка, тоже было бы не проблемно. Он у вас?

– Да, паспорт у меня.

Я облегчённо выдохнула.

Соседка ушла в другую комнату и принесла документ.

– Я не отдала его. Как чувствовала, что ты появишься.

– Спасибо вам. Вы так меня выручили. Как дочь, как семья? – я чуть не заплакала от переизбытка чувств.

– Всё замечательно. Кстати, я узнала, что комнату продали. Мне жаль.

– Ничего страшного. Это небольшая плата за покой. Если что, даже не скрывайте, что меня видели. Не геройствуйте. Они не доберутся до меня и не навредят. Обещайте!

– Хорошо. Будь счастлива, девочка. Ты заслужила счастье.

– Едем в банк? – спросила Анна, когда я села в машину. Она ждала меня во дворе.

Я открыла паспорт, за отворотом обложки нашла карту.

– Нет. Оплатим покупки карточкой. Поехали в магазин. Нужно одеться.

Шопинг прошел на ура. Много вещей я не стала покупать. Надежда на то, что смогу вернуться, не покидала. Я старалась отгонять от себя тоску и ненужные мысли. Впадать в депрессию не имело смысла.

Купила и подруге подарок. Красивую сумочку. Вспомнила, какие ридикюльчики носят (носили) в прошлом.

Выбор был большим. Вот и приобрела для Лиззи сумочку со стразами, и себе с бисером. Из вещей купила кашемировый палантин, длинную, до пят, юбку и шёлковую блузу,

классические туфли на низком каблуке. Не надо пугать местных своей экстравагантностью. Если, конечно, я смогу пройти.

Я бы много чего приобрела, но как бы я выглядела с большой сумкой с вещами, направляясь на кладбище? Единственная роскошь, что себе позволила – это золотые часы, размером с десятикопеечную монету, с крышечкой.

Время бежало быстро. Я всё порывалась покинуть дом Анны, но она мне этого не позволяла.

– Снимешь ты квартиру, придётся тебе обживаться. Вещи будешь ненужные приобретать, на работу устроишься, – заявила она, на что я протестующе вскинула голову. – Пришлось бы. Если ты удержишься ещё немного, начнёшь сходить с ума от одиночества. Придётся выходить в люди. Маша, я знаю, что говорю. С этим одному справиться очень тяжело. Поверь мне.

На всякий случай отдала карточку с кодом Анне, вместе с паспортом.

– Если что, снимешь деньги и откроешь новый счёт. Всё равно там немного. Я хотела бы, чтобы ты их использовала. Напечатай свою историю про девушку, что нашла любовь в прошлом. Это моя просьба.

Прошло уже лето, наступила осень. Золото и багрянец сменили долгие морозящие дожди. Я держалась, как могла. Иногда, слёзы смешивались с дождевыми каплями. Так легче было себя обмануть.

На кладбище я ходила всё реже. Пришло время подумать о том, что мне стоит уже искать квартиру и работу. Анна вновь воспротивилась и я не стала спорить. Весь день сидела у окна, укутавшись в плед, делая вид, что читаю. Ночью уходила наверх и долго лежала без движения и мыслей.

Несколько раз порывалась прочитать про графов Пэмбрук, но становилось так страшно, что я не отваживалась. Вдруг, он женился, и у него куча детей? Но это не так страшило, как информация о том, что родился такого-то и умер такого-то. Я этого точно не переживу.

Вчера так долго гуляла у реки, что умудрилась простыть. Высокая температура, боль в горле, озноб, кашель – на меня обрушились все прелести болезни и паршивого состояния.

Ночью мне приснился сон. Я видела Генри. Он сидел в кабинете, опустив голову и разглядывая свои длинные красивые пальцы. Вдруг он поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

– Нет. Я знаю, что она жива. Я чувствую это.

Он как будто бы слушал кого-то, всё больше хмурясь от услышанного.

– Да. И сегодня собираюсь сходить. И каждый день буду ходить. До конца жизни. Она вернётся ко мне, я знаю.

Меня вырвало из сна. Я горела. Горло будто сдавило удавкой. Трясло мелкой противной дрожью. С решимостью камикадзе стала одеваться. Напялила вещи, что надевала каждый раз, когда ходила на кладбище. Захватила сумочки, нацепила часы на руку.

– Сегодня последний день, Генри, когда я иду к тебе. Больше не приду. Я даже похоронить себя там не позволю. Лучше дождись меня.

Глава 39. Боль возвращения

Маша

Было ещё очень рано, когда я покидала дом.

– Уходишь?

От неожиданности я подпрыгнула на месте.

– Анна, – вздохнула я. Коленки всё ещё тряслись. Но не от страха, а от слабости. – Ты меня напугала.

– Маш, ты болеешь. Тебе сейчас надо быть в тепле, а не в слякоть и в дождь по улицам мотаться.

– Чаем напоишь? – спросила я, выглядывая на улицу через окно.

Темно, но, на горизонте появилась светло-серая полоска. Начинался новый день. Ещё один, без Генри.

– Конечно.

Мы уселись за стол в стильной кухне. И я чувствовала себя здесь лишней.

– Ты всё же решила сегодня сходить туда?

Я молча кивнула. Мы обе знали о чем идёт речь.

– Я подвезу тебя. И не возражай! Автобуса ты не дождешься. Промокнешь. Такси долго будет добираться. А я хочу тебя проводить, – грустно улыбнулась мне женщина.

Мы пили чай, и нам было уютно вот так молчать.

Я подождала, пока Анна сменит халат и ночную рубашку на джинсы и тёплый джемпер. На выходе она протянула мне вязанный плащ, сама надела куртку.

– Только вчера от жары пыхтели, сегодня тёплые вещи натягиваем. Быстро бабье лето пролетело, – сказала Анна, усевшись за руль. – Поехали?

Дождь моросил не переставая. Дорога чёрной блестящей лентой исчезала под колёсами, хмурые дома проплывали мимо. Деревья за ночь облетели разом. Мне стало грустно. Я не могла сказать, что любила этот город. Времени не было остановиться, оглядеться. Я только за последние несколько месяцев нагулялась на всю жизнь. И то, по берегу реки. Да по околице деревни.

Мне было не о чём сожалеть, не о ком переживать. Кроме Анны, конечно. Но она не одна. У неё много друзей, дочь, внучка. Правда, я их видела только на фотографии. К тому же, у неё есть любимая работа и хобби.

– Что притихла? Скоро доедем, – мягкий голос подруги вырвал из воспоминаний.

– Я почему-то уверена, что я сегодня увижу Генри, – сказала я. – Я видела его во сне. Он ждёт меня.

– Не слышу уверенности в голосе, – хмыкнула Анна.

– Столько времени прошло. Я даже не знаю, как это работает. Как я объясню, где я была всё это время?

– Расскажи правду, – сразу же ответила женщина.

– Правду? Думаешь, что он мне поверит?

– Если любит, поверит. А по тому, что ты мне рассказала, очень любит. Расскажи ему правду. Всё, как есть. И пусть он переживает за тебя и решает твои проблемы.

Я оглушительно чихнула. Разболелась голова и стало душно.

– Маш, поедem домой? Ты вся раскисла. А по твоим горящим щекам видно, что у тебя температура.

– Нет. Если не сегодня, то никогда. Я так решила.

Больше мы не произнесли ни слова. Только по дороге Анна остановилась, купила в аптеке антибиотики и жаропонижающее.

Заставила выпить лекарство, запивая водой из пластиковой бутылки.

«Вот было бы интересно, как бы они среагировали на такое чудо», – подумала я.

К тому времени, как мы приехали, старушка уже раскладывала букеты из дубков и астр.

Купила цветы.

– Ань, езжай домой. Я побуду здесь чуть-чуть и обратно.

– Нет. Я дождусь.

– Как хочешь.

У ворот стояла ещё одна машина. Дорогушная. Странно, что так рано.

Я вдохнула терпкий запах цветов и пошла за ворота.

Ещё издали я поняла, кто стоит над могилой Таши.

– Что ты здесь делаешь?

– Маша?

Вадим с изумлением уставился на меня, в потом в два шага подошёл и крепко обнял.

– Я думал, ты погибла! Маша, я так переживал! Винил себя. Я тогда не должен был уезжать.

– Со мной, как видишь, всё в порядке. А ты что тут забыл?

– Зачем ты так грубо? – выдохнул он мне на ухо.

Я с трудом, но высвободилась из объятий мужчины.

– Мы с тобой обо всём поговорили ещё полгода назад.

– Может, передумаешь? Ведь я люблю тебя. У меня своё дело, я забросил путешествия.

Хочу семью. Любимую женщину рядом. Хочу прожить с тобой остаток жизни. Ты же веришь мне?

– Да. Я верю тебе, Вадим. Но не в этой жизни, – покачала я головой.

– Почему? Что со мной не так?

– Ты отличный парень, Вадим. Я рада, что ты повзрослел. Просто я безумно люблю другого человека. Вышла за него замуж. Желаю и тебе найти свою половину.

Я подошла, аккуратно положила на могилу цветы.

– Теперь всё. Меня здесь ничего не держит. Прощай, Вадим. Будь счастлив.

Я быстро стала удаляться. Почему-то была уверена, что парень пойдёт за мной.

Вот она, кованая ограда. Я открыла калитку и вошла, закрыв глаза.

– Маша, ты где? Ты соврала мне, я знаю. Ты слышишь меня?

И наступила тишина. Полнейшая. Пришлось открыть глаза.

Я смогла.

Слёзы потекли непроизвольно. Я подхватила полы юбки и побежала, скользя по склизкой от дождя почве. Кругом сочная зелень. Дождь уже прекратился и на горизонте вставало солнце. Я летела, не чуя под собой ног. Мне было всё равно, увидит меня кто или нет. Самое главное – добраться до Генри. Прижаться к нему всем телом. Ощутить удары его сильного сердца, которое, я надеюсь, всё ещё любит меня.

– Леди Мария?

Я чуть не налетела на мужчину, стоящего прямо посреди дороги. Он держал под уздцы коня.

Я остановилась, как вкопанная, затем дёрнулась назад. Потом вперёд и встала, не зная, что мне делать – идти вперёд или ринуться назад.

– Вы откуда здесь взялись? – задал вопрос Артур. А это был он, собственной персоной.

Я осмотрелась. Как я так быстро смогла преодолеть расстояние от кладбища до кромки леса, я бы не объяснила под дулом пистолета.

Я чихнула. Голова разболелась ещё больше. Казалось, что весь жар скопился в груди.

– Здравствуйте, – ничего другого я не могла произнести.

Послышался стук копыт и показался ещё один всадник.

– Я нашел её, Генри!

Я во все глаза уставилась на мужчину, которого любила больше жизни.

Он был такой красивый, такой серьёзный. Слишком строгий и, кажется, не был мне рад.

Я беспомощно посмотрела на Артура. Тот смотрел на меня с жалостью, и с волнением – на друга.

Генри окинул меня почти с ненавистью в красивых глазах, что выглядели почти чёрными.

– Что ты здесь делаешь?

Я некоторое время ошарашенно смотрела на мужа, а затем сорвалась с места, ломанувшись в лес.

– Стой! – послышался крик. Я только ускорила. – Стой, тебе говорят!

Меня поймали. Я отбивалась, как могла. Кричала, била куда ни попадя. Жар в груди нарастал, как и головная боль. А в какой-то миг просто потеряла сознание.

Глава 40. Боль потери

Генри

Простыми словами не описать весь тот спектр мучений, что я пережил за время отсутствия Маши. Все круги ада, что я прошёл: страх потери, гнев на себя, что допустил такое, ненависть на похитителей и заказчиков. Раздражение, что вокруг меня крутятся разные непонятные личности во главе с Артуром. Бесконечное чувство вины и переживание за дочь. Она ни разу не улыбнулась за это время. Мы почти не виделись, но я был в курсе её дел. Она всё время сидела в комнате.

Мы договорились с Артуром, что не будем говорить о том, что Маша исчезла. Только оповестим о похищении. Было отправлено письмо Алексу с просьбой поддержать нашу легенду. Якобы я отправил жену к родственникам в Шотландию, пока идёт расследование, чтобы она привела нервы в порядок. Подробности никому не нужны. Главное слух, пущенный в нужном направлении. Ответа пока от Кэмпбелла не было.

Я выходил ранним утром из дома и исчезал до позднего вечера, объезжая округу, чтобы свалиться без сил на кровать, иногда не успевая раздеться. Часто меня разоблачал, уже почти бессознательного, Габи, мой слуга.

Хорошо, что всех вернули. Дом был полон людей. Хоть это и раздражало, но, с другой стороны, помогало держаться в границах разумного.

Когда Артур мне сообщил на третий день поисков, что нашли похитителей, я чуть не сорвался. Друг еле уговорил меня держать себя в руках, когда мы приехали в Пэмбрук на допрос. Виконт Сент-Дэвидс возглавлял следственную комиссию, поэтому разрешил присутствовать.

Мы прошли в небольшое помещение с низким потолком, находящееся в подвале резиденции местного сообщества по охране общественного порядка. Странно, что я приходил сюда совсем недавно, по тому же вопросу, только, тогда Маша была со мной. И ранена.

Сердце болезненно сжалось. Но я тут же отвлекся на приветствие присутствующего

здесь следователя. Незнакомый мне мужчина с голым и гладким, как яйцо, черепом сидел за маленьким столом и что-то писал. У дверей с двух сторон стояли охранники. Стул перед столом был пуст. У стены располагался топчан с тонким матрасом, набитым конским волосом. Поверх него были сложены шерстяное одеяло и плоская подушка. В углу располагался рукомоЙник с полотенцем.

– У вас десять минут. Мы ждём доктора, чтобы определить их психическую нестабильность. Думаю, что достаточно допросить одного. Они оба твердят одно и то же, – мужчина говорил и продолжал писать.

Дверь распахнулась, охранник втолкнул среднего роста мужчину неопределённого возраста и закрыл дверь. Двое у дверей даже не шелохнулись.

– Мы можем остаться одни? У нас приватные вопросы. Это, конечно, не касается вас, лорд Винзбор, – склонил голову Артур. Я последовал его примеру.

– Хорошо. Посадите заключённого на стул и сторожите снаружи, – обратился он к охране. Мужчины молча вышли за дверь.

Я смотрел на это недоразумение, которое посмело прикоснуться к моей женщине и глухое раздражение стали расти внутри, как на дрожжах.

Лысый вышел, а один из охранников занёс табурет.

Мы остались одни. Артур устроился за столом, а я присел на табурет сбоку от него. А похититель сидел на стуле прямо перед нами, посреди комнаты.

– Ты сейчас расскажешь всё, с момента нападения и до исчезновения леди. А я подумаю, как смягчить твою и твоего дружка участь, – информировал преступника друг. Лицо без эмоций, холодный, вкрадчивый голос и пронзительный взгляд безжалостных глаз заставили содрогнуться похитителя. Она сжался ещё больше и выглядел жалкой развалиной.

– Ну! – окрик заставил мужчину подпрыгнуть на месте и выпрямиться.

– Честное слово, мы не убивали её! – вскрикнул он, а мы синхронно поморщилась. О каком честном слове может идти речь?

– Я сказал, с самого начала, – повторил Артур.

По мере того, как этот недомерок рассказывал о похищении, моя ярость росла.

– Нам было сказано взять красивую леди. А ту, вторую, не трогать. Она толкнула девушку к нам. Рамон ударил девушку по голове, – когда раздалось рычание, мужчина замолчал, уставившись округлившимися глазами на меня. Оказывается, это я выдал такой звук.

– Продолжай, – беспристрастно произнёс Артур.

– У... дар получился довольно сильным, девушку пришлось нести. Она очнулась, когда мы были недалеко от имения, где должны были её утопить.

Я сжал кулаки до хруста и зажмурился, наклонив голову. Смогу ли я сдержаться до конца, чтобы не открутить ему голову?

– Она что-нибудь сказала?

– Нет. Я боялся, что она будет плакать, истерики закатывать. Но, ничего такого. Я даже рад был, что стукать её снова не надо.

«Господи, дай мне силы. Помоги мне!»

– Она сказала, что от всего сердца простит нас и даже драгоценности будет считать не украденными, а подаренными, если выполним её последнюю волю. Клянусь, я сразу прислушался. Она говорила разумные вещи. Только вот, было странно, что она попросилась на кладбище.

– Зачем, не сказала?

– Чтобы проститься с сестрой и родителями, кажется.

– Так, кажется или точно? – прикрикнул Артур.

– Точно. Она так и сказала, что всем дают возможность исполнить последнее желание.

Как я мог отказать леди? Всё равно она не смогла бы бежать.

– Почему? – прошипел друг. Я вдруг понял, что он сам еле сдерживается.

– У неё руки были связаны и голова разбита, куда ей бежать? Тем более, на кладбище.

Потом она вдруг исчезла, – мужчину передёрнуло, когда он это произнёс.

– Как исчезла? Может, провалилась куда или спряталась, пока вы трепались? – переспросил друг.

– Нет. Мы не спускали с неё глаз. Были рядом, вот руку протяни и схватить можно. Я даже предупредил, если она долго будет раскачиваться, то сразу к пруду поедem. Она идти-то не могла, тело затекло от лежания на полу и руки были связаны за спиной.

Я даже не заметил, как оказался рядом с ним и стал его душить.

– Ты мразь, так спокойно это говоришь. Убью!

Перед глазами стояла красная пелена. Я почти не чувствовал крепкую хватку друга.

– Генри, успокойся! Нам твою жену найти надо, а он последний, кто её видел.

– Ничего, есть ещё второй отморозок.

Но пришлось отпустить. Дыхание медленно, но стало приходить в норму. Горепохититель натужно пытался вздохнуть. Жаль, если ему гортань не сломал.

– Что дальше было, говори быстрее, иначе я не смогу его удержать, – поторопил его друг.

– Ничего, – сквозь пробившийся кашель произнёс мужчина. – Мы не нашли её. Она была в белом платье, её было видно хорошо, даже в темноте. Земля под ногами скользкая, с её состоянием идти она не смогла бы. Девушка просто исчезла. Была и раз, не стало. Больше мне сказать нечего.

В кабинете виконта нам отдали драгоценности, что нашли у похитителей.

– Здесь всё? – спросил лорд Сент-Дэвидс.

– Нет. Ещё кольцо было с розовым бриллиантом, брачное.

– Затерялось, наверное. Заключённые отдали только это и клянутся, что больше ничего при леди не было. Попрошу поискать ещё. Объявление дам, чтобы, если кто найдёт, принёс за вознаграждение. Думаю, что такую драгоценность побоятся прятать. Итак, всего хорошего. Желая скорейшего возвращения леди Марии. Надеюсь, что она быстро оправится.

– Спасибо.

– Что думаешь? – спросил Артур.

– Я даже не знаю. Она появилась со стороны кладбища, исчезла в той же стороне. Похоже на колдовство.

– Думаешь, она ведьма? – хмыкнул друг.

– Не мели чушь. Просто странно это. Этим уродам не резон врать. Кстати, заказчика вычислил?

– Нет. Леди Кент молчит. Я чувствую её животный ужас. Она боится за свою жизнь. Но я найду его, не переживай. Хорошо бы Алекс выполнил просьбу.

– Выполнит. Когда Маша появится, у неё буду законные бумаги и родня, – твёрдо заявил я. – Но прежде она мне расскажет всё о себе.

– Когда? Не если?

– Не надо, Артур. Мне и так тяжело. Маша придёт. Обязательно. А я её дождусь.

– Ты на взводе. Не напугай её, хорошо?

Я не понял, о чём он, пока не пришло время встречи.

Глава 41. Спасти любовь

Генри

Это утро выдалось особо хмурым. Я долго не мог уснуть ночью, отправился в кабинет и задремал на диване. Помню смутно, что заглянул Артур. Меня буквально выключило на время, а потом будто что-то вытолкнуло из сна.

Мне снился сон. Но я не мог вспомнить, о чём он был. Только сердце сильно колотилось, слегка разболелась голова и подташнивало. Выпив чашку чая без сахара, быстрым шагом направился к конюшне.

– Лорд Карнарвон был здесь? – поинтересовался я у конюха.

– Да, Снежку оседлал. Сказал, что хочет её выгулять.

– Давно он здесь был?

– Нет, с час-полтора, наверное.

– Хорошо. Значит, встречу на обратном пути.

Я был уверен, что Артур успел выгулять лошадь. Красавица приболела и её впервые выводили на прогулку. Артур всегда трепетно относится к животным. Скорее всего, они уже возвращаются обратно.

Снежку я увидел ещё издалека. Лошадь назвали так из-за молочной окраски. Артура увидел позже, но человека, с которым он разговаривал, никак не мог разглядеть. А потом Артур обернулся и мир рухнул. И я чуть с ним не свалился под ноги коню. Чем ближе я подъезжал, тем сильнее тарабанило моё сердце. Уши заложило.

Что-то сказал Артур, я что-то ответил, но видел только, как мертвенная бледность разливается по прекрасному лицу, а в глазах меняются эмоции: мелькнувшая толика тоски, непонимание, затем страх. И девушка сорвалась с места, серной убегая в глубь леса.

– Ты идиот, Генри! – услышал я прежде, чем бросился за женой.

Я кричал ей вслед, а она только ускорялась, и откуда только взялась эта прыть?

«Догнать! Не отпускать!» – билось у меня в голове.

Когда обхватил её руками и прижал к себе, она отчаянно вырвалась и кричала. Отбивалась изо всех сил, пока не отключилась, сказав, что ненавидит меня.

Я принес её обратно на руках. Мне пришлось отдать её Артуру, пока не сел на коня. Но мне и этих секунд хватило, чтобы запаниковать.

Дома поднялся переполох, но Артур быстро всех успокоил. А мне не было дела ни до кого.

Я положил свою драгоценную ношу на кровать. Странная одежда, непривычная обувь, браслет интересный на запястье, моё кольцо на безымянном пальце.

После Артур принес необычный мешок с интересным затвором, я такое никогда не видел, в нём нашлись две миленькие сумочки и какие-то твёрдые пластинки с круглыми пиллюлями. Такого я тоже никогда не видел. Было ощущение, что пиллюли закрыли в серебряную пластину со стеклянными окошечками.

– Придёт в себя, расскажет, – сказал Артур. – В любом случае, спрячь это.

– Что я ей сказал там, в лесу? – спросил я, вспомнив испуг в глазах жены. Я никогда бы

не хотел видеть вновь это выражение у неё.

– Ты не помнишь? Генри, возьми себя в руки. Главное, что она здесь. Теперь от тебя зависит, исчезнет она вновь или останется.

– Ты думаешь то же, что и я?

– Похоже, что мы встретились с удивительной путешественницей во времени. Я верю себе, Генри.

Машу лихорадило два дня. Она тихо стонала, иногда всхлипывала и не говорила ни слова. Доктор, что мы вызвали из деревни, показал шов на голове. Он не был похож на тот, грубый. Тонкая розовая линия. Волосы были коротко стрижены. Как будто её побрили.

Верно, похитители же говорили, что ударили её по голове. Я сначала не обратил внимания, а затем, на следующий день, при свете солнца увидел пятно во всю щёку. Оно стало заметным, когда у неё была наиболее сильная температура. Сколько же ран у этой девочки? Пришлось раздевать больную и обкладывать холодными полотенцами.

– Что с ней доктор? Почему температура не спадает?

– Она простыла. Горло красное и опухшее, хрипы в лёгких. Очень надеюсь, что хуже не станет.

Я молился, молился отчаянно. Она не могла прийти ко мне и уйти, чтобы не вернуться более. Артур привёз другого доктора из Кардиффа. Он предложил кровопускание.

Я стал смеяться. Так долго и надрывно хохотал, что мне предложили успокоительное.

– Генри?

– Знаешь, Артур, она тогда, в Кардиффе, послала доктора в эротическое путешествие. Он предложил ей кровопускание. Назвала его коновалом.

– Интересно. Может, она и права. Будем давать отвары.

– Да, уж.

На третий день, вечером, Маша открыла глаза.

– Сумку мою принесли? – раздался хриплый голос.

Я вздрогнул и наклонился к ней:

– Ты пришла в себя? Как ты себя чувствуешь?

– Генри, дай сюда сумку.

Я принес её мешок.

– Там должны быть блестящие пластинки. Достань их. И подай воды.

Я сделал, что она просила. Каким-то неуловимым движением, она доставала пилюли и клала их в рот, запивая водой. Затем отдала остаток и откинулась на подушки.

– Дашь мне, если опять поднимется температура, – сказала она и закрыла глаза.

Проспала до обеда четвертого дня. Выпила свои пилюли и попросила есть.

С этого момента Маша пошла на поправку. А наши отношения становились всё хуже. Ничего такого. Она говорила со мной, но ровно столько слов, сколько нужно. Не злилась, не смеялась. Не проявляла никаких эмоций именно со мной, с остальными была той же Машей.

Я чувствовал, как неотвратимо её теряю, как она отдаляется от меня.

Через две недели приехал Алекс. В доме стало по-особенному уютно. Если можно так сказать при нашей обстановке. Должен был приехать и Артур. Его не было уже дней десять.

– Приветствую вас, леди Мария, – поздоровался Кэмпбелл с женой.

– О, гордый шотландец приехал. Я рада вам, – улыбнулась она другу. А у меня в груди стал расти ком. – Вы пообедаете с нами? Расскажите, что у вас там, как? Очень интересно было бы приехать к вам в гости. Если, конечно, пригласите.

– Конечно, я вас приглашаю. Давно просил Генри погостить у меня. Да этого ворчуна-отшельника разве выгонишь из Пэмбрука?

– Что происходит, друг? Ты пожираешь её глазами, а она тает, как воск. На неё без слёз смотреть невозможно, – начал разговор Алекс, как только мы закрылись в кабинете.

– Я не знаю. Кажется, что я разочаровал её, – невесело усмехнулся я.

– Ты всегда был идиотом, Генри, и полным профаном в отношениях с женщинами, – покачал головой друг.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты говорил ей, что скучал? Говорил, что с ума без неё сходил и тебе было страшно за неё? Ты сказал ей, что любишь её?

– Я говорил...

– Когда? В постели? Когда у вас был медовый месяц? Сколько времени прошло? Сколько она пережила, и это только то, о чём ты знаешь. Иди, дубина, спасай свою любовь! Иначе, боюсь, что будет поздно. Она на грани. Даже я это чувствую.

Я выскочил из кабинета и помчался в комнату Маши. Там её не было. Не было её ни у Лиззи, ни на кухне. У меня уже началась паника, когда я нашёл её в библиотеке. Когда захлопнул дверь, она даже не обернулась, листая какую-то книгу. Девушка стала тоньше и трогательнее. Мне так хотелось её обнять, что даже трясло.

– Я очень скучала. Мне было больно и страшно. Но я держалась за воспоминания, за свои чувства к тебе. Знаешь, здесь прошел только месяц. Я так удивилась, когда увидела весну. А я... – она запнулась и замолчала. Плечи стали трястись.

– Милая... Маша, любимая, не надо плакать. Умоляю тебя. Я так люблю тебя! Когда я тебя увидел, у меня пропал слух, почти пропало зрение. Я даже не знаю, что ляпнул. Клянусь жизнью. И этот гаденыш, называющий себя моим другом, не говорит мне, что я тебе сказал, чем обидел. Я не смыслю жизни без тебя. Я люблю тебя так сильно, что дышать без тебя не могу!

Мягко, со всей нежностью, на которую был способен, обнял мою девочку. Мне хотелось обнять её ещё крепче. Но боялся, что она исчезнет. Рассыплется, как хрустальный цветок.

– Я не так красива теперь, – сказала она, тихо всхлипывая.

– Ты прекрасна, милая. Для меня ты лучше всех!

Глава 42. Я счастлива

Восемь лет спустя

Маша

День выдался суматошным. Вроде, всё предусмотрели. Приехавшие гости были размещены. Шикарные столы ломились от еды, кухня выглядела, как место побоища: кипящие котлы, крутящееся на вертелах жаркое, горы овощей, фруктов, выпечки и бегающие туда-сюда под предводительством главной поварихи с огромной поварёшкой помощники.

Я только сунула туда нос и сразу ретировалась. Всем заправляла мадам Фаррелл, ценные указания давала леди Алисия, я же не могла найти себе места, чтобы на время скрыться от всех. Столько народу понаехало. Просто жуть. Все пока готовились у себя в комнатах, по коридорам шастали горничные, камеристки, ещё какие-то жутко спешащие личности, с выражением бесконечной задумчивости на лицах. Прямо министерство какое-то

в конце года перед отчётным периодом. Я хмыкнула, найдя сравнение забавным.

Ставшие в последнее время модными платья с огромными пачками было неудобно носить. Я не вписывалась в повороты и всё больше нервничала. Мне надо было только передохнуть. Я волновалась за Лиззи, но не хотела смущать девочку. Там и без меня была куча помощников. Да ещё и подружки. Мы с ней ещё дня два назад душевно проговорили весь вечер. А до этого месяц ушёл на подготовку. Я вздрогнула, вспомнив продавцов магазинов, портных, обувщиков, ювелиров. Я чуть не спятила.

Вдруг меня цепко схватили за запястье и втянули в полумрак небольшой комнатки. Она была слишком мала для спальни, гостевой комнаты или ещё чего, но достаточно большой, чтобы поместить туда стол и удобное кресло. А также небольшой шкафчик с особо любимыми книгами.

– Наконец-то.

Сильные руки просто вдавили моё тело в крепкую грудь. А губы были захвачены в плен. Жаркий, глубокий, влажный поцелуй отключил мозг. Привычно обхватила шею руками и потёрлась грудью.

– Как же я соскучился по тебе, моя красавица, – простонал мужчина, наконец-то дав мне вздохнуть, а затем расщедрился на лёгкие, как крылья бабочки, поцелуи, что нежнейшими лепестками осыпались на мои плечи и полуобнажённую грудь, с которой стянули косынку.

– Ты сумасшедший. Сейчас не время. Ох! – вырвалось у меня, когда посадили на стол и с энтузиазмом стали поднимать пышную юбку. – Генри!?

– Помоги мне снять это орудие пытки, Маша, – возмутился муж, запутавшись в ворохе шёлка и кружев.

Я справилась быстрее. Каркас, юбки, панталоны – всё улетело в угол. Стоило мне открыть рот, чтобы возмутиться творящимся безобразием, чудесным образом мой рот оказывался несвободным. Я так любила эту игру языками. Покусывание, посасывание губ. Генри умел целоваться, а я любила, когда он меня так целовал, словно упивался мной и не мог насытиться.

Я на столе, ноги широко раздвинуты. Пальцы нежно собрали липкий сок возбуждения, сочащийся из лона.

– М-м-м, такая вкусная, моя девочка, – простонал муж, слизывая с пальцев блестящую влагу и целуя меня в губы, давая почувствовать свой собственный вкус. Щёки обдало жаром. – Я так люблю твой румянец. Меня восхищает, что ты после стольких лет так восхитительно краснеешь.

Головка твёрдого ствола кружила по промежности, только дразня вход, но не проникая. Лоно уже отекло от прилива крови и пульсировало. Я жаждала почувствовать его в себе. Чтобы заполнить вяжущую пустоту внутри.

– Генри!? – всхлипнула я, прижимаясь к мужчине, но он не давался мне, всё дразнясь.

– Что, милая? – выдохнул мне в ухо муж. Горячий воздух подействовал оглушающе, заставляя содрогнуться всем телом.

– Ты издеваешься? – пробились раздражающие нотки.

– Совсем чуть-чуть, – тихо рассмеялся Генри.

– Или ты сейчас же возьмешь меня на этом грёбаном столе, или... Ох! – задохнулась я от наплыва ощущений.

– Да, родная, – начал двигаться во мне этот невозможный граф.

Не знаю, как я выглядела после того, что устроил негодник в моём убежище, которое он называл «шкафом леди». Думаю, что не очень, поэтому быстро ретировалась в нашу спальню, чтобы переодеться и привести себя в порядок.

– Он точно ненормальный, – сказала я зеркалу, в котором отражалась красивая брюнетка с блестящими локонами, обрамляющими лицо и сверкающими глазами. Скулы атели, губы припухли и стали пунцовыми. В зеркале отражалась удовлетворённая, счастливая женщина.

Глубоко вздохнула и рассмеялась. Надо выходить. Я всё же здесь хозяйка.

Сегодня день помолвки Лиззи. Ей шестнадцать. Она выросла очень красивой и умной девушкой. К ней сваталось много мужчин, но она выбрала молодого шотландца, племянника Алекса. Красивая пара. Главное, что любят друг друга.

Сыну уже четыре года. Он сейчас со своей гувернанткой находится в детской комнате, где играли ещё несколько таких же маленьких лордов и леди.

Я обожала Деймона. Моё чудо, мое сокровище. Которое чуть не стоило мне жизни. Роды прошли не очень удачно. Послеродовая лихорадка милостиво оставила мне жизнь, но не давала больше надежды на продолжение рода. Генри и не переживал по этому поводу. Он был так напуган, что даже запретил говорить на эту тему. Я решила не гневить судьбу сожалениями.

Вспомнила своё возвращение. Как долго и болезненно мы пытались любить друг друга не так отчаянно. Отпустить страх потери. Начать всё с нуля. У нас получилось.

Алекс тогда привёз документы, подтверждающие, что я являюсь дочерью лорда Маккензи, главы клана Маккензи. Не законной, но признанной. Самого якобы отца уже давно не было в живых, как и неизвестна была судьба его любовницы, которая якобы вышла замуж и уехала на континент. Подтверждение было получено от старой леди Маккензи, бабушки. Короче, вот такая вот легенда, которую проглотили. К тому же, если принять легенду за правду, то я оказалась в близком родстве с Кэмпбеллом.

До рождения Димы мы ездили в Дамфрис каждый год. Я познакомилась с очаровательной женой Алекса Бригиттой. Умная, со взрывным характером и очень добрым сердцем, она покорила нас сразу. У них росли близнецы-мальчишки и дочурка с огненно-рыжими волосами, как у матери.

Артур был женат. Жена умерла в родах. Сына воспитывала его мать. И до сих пор он не проявлял никакого желания жениться вновь.

Генри до сих пор ревновал его ко мне. Может быть, он был и прав. Но я считала Артура хорошим другом нашей семьи. Он нашёл зачинщика моего похищения и покушений. Леди Кент выдала всех. Сама она находилась под домашним арестом, пока ждала решения её судьбы, но заболела и умерла от воспаления лёгких. Семью преследовать не стали, как и озвучивать имя виновного. Мне и не нужно было этого. Меньше знаешь – спокойнее спишь.

На кладбище больше я не ходила. Не было никакого желания себя искушать. Я бы не вынесла разлуки с любимым человеком, и, тем более, не желала, чтобы мой ребёнок рос без меня.

Лондон я тоже увидела, когда мы ездили в прошлом году на бал дебютанток. Я считала, что рановато для дочери. Но она так не считала. Причём она нашла своего суженого совсем не там, и это другая история.

Я спустилась вниз. Зал уже был набит битком гостями. Всё шло хорошо, пока мне не стало душно и всё не поплыло перед глазами.

Пришла в себя у себя в комнате с компрессом на лбу.

– Что случилось? – спросила я, заглядывая в синие бездонные глаза, в которых плавало безумное беспокойство. Генри целовал мою руку.

– Ничего страшного, ваше сиятельство. Вы просто беременны, – обрадовал меня доктор.

– Рожать здесь не буду. Ты пойдёшь со мной?

Муж знал, о чём я говорю и что предлагаю. Он крепко, с решимостью сжал мою руку. Только я знаю, что никогда не стану так рисковать, но мне нужна была уверенность, что он последует за мной, не думая, в то странное, пугающее будущее, о котором я ему так много рассказывала. Ему и Артуру, лет восемь назад.

Счастлива ли я? Думаю, что да. Муж меня обожает. У меня растёт сын. Скоро родится ещё один чудесный малыш. Меня окружают, по возможности, только друзья.

Единственное, что омрачает безмятежность нашей жизни, это излишняя опека Генри. В нём до сих пор живёт страх, что я исчезну. Он всегда рядом, никогда не уезжает надолго. И всегда занимается со мной любовью, как в последний раз. Надеюсь, что со временем он успокоится.

Мы работаем над этим.

Эпилог. Обещание

Анна долго ждала Машу у кладбищенских ворот, потом пошла искать её. У старой металлической ограды она нашла только молодого мужчину, который стоял, крепко схватившись за прутья и прижавшись к ним лбом. Плечи его вздрагивали.

– Молодой человек, с вами всё в порядке? – спросила Анна.

Дождь усиливался и дорогое кашемировое пальто мужчины промокло, а ботинки из тонкой кожи были грязными.

Он обернулся и сердце женщины дрогнуло. Высокий, спортивного сложения красивый мужчина впечатлил её. Губы у него посинели, а лицо было мокрым, и не только от дождевых капель.

– Она просто вошла в калитку, – сказал он. Затем вытер влажным от влаги рукавом пальто лицо и прошёл мимо Анны.

– Маша ушла? – задала она глупый вопрос, на который уже знала ответ. – У неё получилось, – грустно улыбнулась она.

Резкое движение незнакомца стало неожиданностью. Он схватил её за плечи и заглянул в глаза – большие и серые, как осенний туман. Маленький нос, пухлые губы. Красиво уложенные каштановые волосы. Вадим завис. Потом тряхнул головой, отгоняя наваждение.

– Вы знаете Машу? Что значит «у неё получилось»? – начал задавать он вопросы.

– Давайте поговорим в более комфортной обстановке. Здесь сыро и холодно. Так и заболеть недолго, – предложила Анна.

– В кафе или ресторан никак, я должен переодеться. А приглашать вас в гостиницу неудобно, – растерянно произнёс незнакомец, неохотно отпуская женщину.

– Тогда поедem ко мне? Я живу одна. Есть во что переодеться. И я достаточно взрослая женщина, чтобы приглашать к себе мужчину, – ослепительно улыбнулась Анна, демонстрируя красивые ровные зубы.

Она пошла первой, чувствуя всем телом на себе жгучий взгляд тёмных глаз.

Вадим же отметил прекрасную фигуру зрелой женщины. Тонкая талия, высокая грудь, длинные ноги и аппетитная попа.

«Я маньяк. Только что плакал по ушедшей любви, а сейчас уже восхищаюсь другой женщиной», – подумал он, стыдя себя. Но ничего не мог с собой поделать. Ему очень понравилась эта женщина.

Прошёл год. Разница в возрасте в восемь лет не стала препятствием для Анны и Вадима, чтобы начать жить вдвоём. Он так и не ушёл после того дня. Вадим собирался купить квартиру, но Анна не захотела переезжать из своего дома. И ему тоже здесь нравилось. Он просто выкупил всю землю вокруг участка до самой реки, включительно, чтобы потом не возникало проблем с другими денежными людьми, имеющими виды на деревню.

Как-то устроившись перед телевизором, парочка расслабилась после трудового дня. Такие тихие вечера очень ценились обоими. Сначала шёл фильм, а потом началась передача о достопримечательностях Великобритании. И речь пошла о замках.

– Одним из самых интересных мест, которые стоит посетить, является замок Пэмбрук в Пэмбрукшире, на юго-западе Уэльса. Замок известен своей впечатляющей историей и рождением здесь будущего короля Генриха VII. Массивный оплот нормандцев, а в дальнейшем противников Кромвеля, который разрушил его стены, находится в месте пересечения двух рек на выступе. Крепость восстановлена и сейчас является достопримечательностью и хранителем английской и валлийской истории.

– Вадим!?

– Мы можем туда поехать, если хочешь, – ответил мужчина. Анна кивнула.

– Замок используется как музей, который рассказывает об истории страны и замка. А также примечательна экспозиция восковых фигур, что иллюстрирует сцены из жизни графов Пэмбрук, а также их значение в истории страны, – продолжал вещать ведущий передачи. – Для посещения крепости необходимо заранее зарегистрироваться. Замок принадлежит частному лицу.

В список посетителей они попали сразу. Но выехать смогли только через два месяца.

Добраться до Кардиффа, а затем и до Пэмбрука не составило труда. Анне захотелось сначала побывать в Кардиффе. Маша называла этот город.

Далее они поехали в Пэмбрук. Поистине величественное сооружение представляла крепость. Они двигались вместе с экскурсантами, почти не слушая гида. Анна знала, что Маша не жила здесь. Вряд ли она даже посещала замок. В то время, что она попала, он ещё был разрушен.

Анна глубоко вздохнула прежде, чем стала осматривать восковые фигуры. Слава Богу, Маши она не увидела.

– Сохранилась одна удивительная история любви молодого графа, участника сражения при Ватерлоо, и прекрасной шотландской девушки. Ничего об их потомках не известно, но сохранился дневник леди Пэмбрук.

Сердце Анны чуть не остановилось, когда она услышала это. Вадим подхватил пошатнувшееся тело и подвёл её к стенду, где под стеклом лежала старая потрёпанная книжка с обложкой из телячьей кожи, с золотым тиснением и золотым пером.

Перевод и не нужен был, чтобы понять, что там написано: «Половинке моей души».

– Правда, очень романтично? – услышали они приятный голос за спиной.

– А есть возможность прочесть его? – спросила Анна.

– Для этого не обязательно его трогать. Есть файлы. Можете просмотреть, если интересно, – пожал плечами смотритель. – Пойдёмте, покажу. Мало кто сейчас интересуется романтикой. Это удручает, – с грустью сказал он. – Моя жена любила эту историю, и я

попросил сделать для неё ксерокс. Она вскоре умерла.

– Сочувствуем, – впервые за всё время ответил Вадим. – Ань, может не надо? Ты потом переживать будешь.

– Я хочу. Я обещала Маше, что напишу книгу. Это всё, что я могу для неё сделать.

– Хорошо, – согласился мужчина. Он и сам нервничал.

Дневник только на вид казался толстым. В нём были записаны лишь основные события из жизни: даты рождения детей, свадьбы, некоторые события из обычной жизни.

Привлекла внимание только одна запись. Вадим владел английским достаточно хорошо, чтобы бегло переводить, но эту запись он не спешил озвучивать.

– Дорогой? – мягко взяла его под руку Анна.

– Это послание тебе, – ответил мужчина. Анна схватилась за сердце. – Других Анн у неё же не было в подругах?

– Читай, – прижав руки к груди, прошептала женщина.

«Не знаю, зачем я это пишу. Нет ни одного, даже самого крохотного шанса, что ты это прочитаешь, моя дорогая Анна. Сегодня мне взгрустнулось. Захотелось к тебе, посидеть в уютном кресле с чашкой чая после длительной прогулки у реки. Может, потому что осень поздняя? Краски потускнели и дождь зачастил? Я сижу у пруда, да, того самого, в беседке, которую мне построил Генри. Смотрю на тёмную воду, что морщится от дождевых капель, на потемневшую завесу леса и на лёгкую дымку тумана. Туман здесь частое явление, как и дожди. Туманный Альбион. Ты же знаешь? Вдыхаю свежий, сырой воздух и вспоминаю другое место. Город, в котором я выросла, и которым я так и не смогла насладиться. Хотелось бы посидеть с часок на скамейке в городском парке, краем уха слушать городской шум и смотреть на толстый слой листьев под ногами, мокнуть под морозящим дождем. Как ты там, с кем ты там? Написала книгу, как я просила? Живи каждый день, как в последний. Дыши полной грудью и бери то, что тебе даёт судьба. Спасибо, что ты появилась в моей жизни. А мне пора. Я слышу за спиной шаги самого дорогого и бесконечно любимого мужчины»

Через несколько месяцев после возвращения из путешествия, на витринах книжных магазинов города появилась книга о романтической истории любви. На обложке виднелась влюблённая парочка за завесой дождя.

* 👑 * Конец * 👑 *